

Журнал является официальным печатным органом Русско-азиатской ассоциации юристов, издается при поддержке Гильдии российских адвокатов и Российской академии адвокатуры и нотариата

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки:

- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право;
- 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.09 – Уголовный процесс;
- 12.00.10 – Международное право; Европейское право;
- 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
- 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии Российских адвокатов, ректор Российской Академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Члены редакционного совета

АДИЛОВА Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, заместитель председателя правления Агентства развития малого и среднего бизнеса Азербайджанской Республики, ведущий научный сотрудник Отдела Государственного законодательства и Конституционного права Института Права и прав человека Национальной Академии Наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации Юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.10);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.09, 12.00.10);

ВАН Ерп Съеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт, 12.00.03, 12.00.10);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.09);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.02, 12.00.11);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград, 12.00.01);

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».

Учредитель: Автономная некоммерческая организация

«Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru .

Дата выхода в свет: 26.12.2019. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.:** +7 (917) 40-61-340.

12+

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02, 12.00.11);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.08, 12.00.11);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана, 12.00.12);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк, 12.00.08, 12.00.10);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог, 12.00.09, 12.00.12);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 12.00.08);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада, 12.00.10);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 12.00.11);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева, 12.00.10);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.10);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг, 12.00.02, 12.00.08).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

МИРНЫЙ Даниил Сергеевич – руководитель направления юридического перевода;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ТАФИНЦЕВ Максим Владимирович – руководитель направления GR;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

The journal is official publication of the Russian Asian Legal Association, published with support of the Guild of the Russian Lawyers and the Russian Academy of Advocacy and Notaries

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals (the Russian Higher Attestation Commission List), where the main results of doctor of sciences dissertations and candidate of sciences dissertations in the 12.00.00 scientific specialty group (legal sciences and the corresponding branches of science) must be published:

- 12.00.01 – Theory and History of the Law and the State; History of Teachings on the Law and the State;**
- 12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Trial; Municipal Law;**
- 12.00.03 – Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law;**
- 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;**
- 12.00.09 – Criminal Trial;**
- 12.00.10 – International Law; European Law;**
- 12.00.11 – Judicial Activities; Public Prosecutor's Activities; Human Rights and Law-Enforcement Activities;**
- 12.00.12 – Criminalistics; Judicial Expert's Activities; Police Investigative Activities.**

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow, 12.00.11).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Vice-chairman of the Board of the Agency of Development of Small and Medium Business of the Azerbaijan Republic, leading researcher of the National Legislation and the International Law department of Institute on Human Rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.10);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the Department of International and Eurasian Law of law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.09, 12.00.10);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Economy and Law Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa, 12.00.08, 12.00.11);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy Chamber of Moscow Area (Russian Federation, Moscow, 12.00.02, 12.00.11);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the department of Civil Law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent, 12.00.11);

JURIEV Sergey Sergeevich – LLD, professor, advocate, professor of department of Advocacy and Law-Enforcement Activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.10);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, St. Petersburg, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog, 12.00.09, 12.00.12);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, Associate Professor, advocate of the Moscow Bar, Vice President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the V.Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of S. Amanzholov East Kazakhstan State University, chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, 12.00.08);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada, 12.00.10);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Russian University of Friendship of the People (Russian Federation, Moscow, 12.00.11);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, Professor of department of State Disciplines of the Higher School of Law of Institute of State service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva, 12.00.10);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic Criminal Law and the head of department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck, 12.00.08, 12.00.10);

VAN Erp Sjef – LLM, professor of department of Civil Law and European Private Law and head of the Private Law Department of Maastricht University, president of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Netherlands, Maastricht, 12.00.03, 12.00.10);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of department of International Private and Civil Law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.09);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of department of State and Law disciplines of the Russian New University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.02, 12.00.11).

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade, 12.00.01);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong, 12.00.02, 12.00.08);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, Honourable worker of education of Kazakhstan, first vice-president of International Union (Commonwealth) of Advocates, President of International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana, 12.00.12).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of reviewing of scientific publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of preprinting preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, associate professor, Head of SMM;

MIRNIY Daniil Sergeevich – Head of the legal translation;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of literary editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Head of GR;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов научных статей, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Русско-азиатской ассоциации юристов, редакционного Совета и редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) — копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) — делать ремиксы, видоизменять, и создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию, и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ПЕРСОНА

Адвокатская деятельность и адвокатура в
Объединенных Арабских Эмиратах.
Интервью с адвокатом, вице-президентом
Русско-азиатской ассоциации юристов
Нурой Аль-Маазми7

СОБЫТИЯ

Международная компания BRANDPOL представила в
Индии свою платформу по защите интеллектуальной
собственности компаний в интернете16

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

Рагулин А.В.
Независимость как принцип российской
адвокатуры 19

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Гольцов А.Т.
Презумпция невиновности – «индикатор»
российского уголовного судопроизводства28

Машинникова Н.О., Татьяна Л.Г.
Дискуссионные вопросы соотношения особого
порядка судопроизводства с презумпциями
российского уголовного процесса35

Степанов К.В.
Оправдательный приговор как существенный
дефект современного уголовного процесса38

Ярошик О.Д.
Нам уже давно пора вспомнить забытую
социалистическую законность!42

Жильцов М.А.
Проблемы взыскания компенсации
утраченного заработка47

Казаченок С.Ю.
Развитие обеспечительных характеристик
арбитражного соглашения как мера повышения
конкурентоспособности российской экономики в
условиях информационного общества50

Терехова В.В.
Некоторые аспекты лишения родительских прав в
российском законодательстве55

Бессарабова С.Ю.
Раздел совместно нажитого имущества супругов
после расторжения брака и установление сроков
исковой давности61

Куликов В.Ю.
Особенности реализации принципа свободы
договора в рамках заключения
наследственного договора66

Козлова М.В.
Правовое регулирование вопросов обращения
взыскания на исключительные права на
произведения и права на их использование70

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Филиппова О.В.
Правовые аспекты безопасности
предпринимательства и их современное
состояние в Российской Федерации75

Бабич Д.В.
Особенности ответственности за конвенциональные
преступления, совершаемые с целью трансплантации
органов и тканей человека в России и
Республике Беларусь79

Гасымова С.А.
Программы смягчения наказания за участие в
картеле: предостережения и издержки85

Желудков М.А., Шевелева С.В.
Криминологический анализ личности преступника,
совершающего научное мошенничество90

Желудков М.А., Урда М.Н.
Детерминанты научного мошенничества96

Жидкова Т.К.
О некоторых криминологических особенностях
участников незаконного вооруженного
формирования на современном этапе102

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Петухов С.В.
К вопросу о соотношении Конституции Российской
Федерации и международных договоров105

Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю., Чеметева Ю.В.
Язык современного гражданского права:
официальный – договорной – разговорный
(размышления по материалам международной
интернет-конференции)108

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

Зарецкий А.М.
Источники финансирования политических партий
Республики Казахстан114

РЕЦЕНЗИИ

Чашин А.Н.
Рецензия на монографию «Магаданская
область – субъект Российской Федерации»
под редакцией С.В. Абрамова, Н.И. Зуева119

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ120
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ121

Contents

PERSONA

- Legal profession and Advocacy in the United Arab Emirates. Interview with the Advocate, Vice-President of the Russian Asian Legal Association Nura Al Maazmi*7

EVENTS

- International IP protection company BRANDPOL has presented to India its antivirus for brand protection on the Internet*16

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

- Ragulin A.V.**
Independence as a Principle of the Russian Advocacy19

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

- Goltsov A.T.**
The presumption of innocence – an «indicator» of the Russian criminal proceedings28

- Mashinnikova N.O., Tatyana L.G.**
Discussion of the relationship between the specific procedure of judicial proceedings and the presumptions of the Russian criminal process35

- Stepanov K.V.**
The acquittal as a significant defect in the modern criminal process38

- Yaroshik O.D.**
It's high time we remembered the forgotten socialist lawfulness42

- Zhiltsov M.A.**
Problems of recovering of the lost earnings47

- Kazachenok S.Y.**
Development of provisional actions of the arbitration agreement as a measure of increasing the competitiveness of the Russian economy in the information society50

- Terekhova V.V.**
Issues of deprivation of parental rights in the Russian legislation55

- Bessarabova S.Yu.**
Division of jointly acquired property of spouses after dissolution of marriage and the statute of limitations61

- Kulikov V.Yu.**
Features of the principle of freedom of contract in the framework of the inheritance contract66

- Kozlova M.V.**
Legal regulation of issues of foreclosure on exclusive rights to works and rights to their use70

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

- Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Filippova O.V.**
Legal aspects of business security and their current state in the Russian Federation75

- Babich D.V.**
Features of responsibility for conventional crimes committed for the purpose of transplantation human organs and tissues in Russia and the Republic of Belarus79

- Gasymova S.A.**
The leniency for participating in the cartel: caution and costs85

- Zheludkov M.A., Sheveleva S.V.**
Criminological analysis of the identity of the criminal committing scientific fraud90

- Zheludkov M.A., Urda V.N.**
Determinants of scientific fraud96

- Zhidkova T.K.**
About some criminological features of participants of illegal armed formation at the present stage102

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

- Petukhov S.V.**
On the correlation of the Constitution of the Russian Federation and international treaties105

- Davydova M.L., Filimonova N.Yu., Chemeteva Yu.V.**
Language of Modern Civil Law: Official – Contractual – Colloquial (Reflections on the Proceedings of the International Internet Conference)108

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

- Zaretsky A.M.**
Sources of financing of political parties of the Republic of Kazakhstan114

REVIEWS

- Chashin A.N.**
Review to monography «Magadan region – subject of the Russian Federation» under the edition of S.V. Abramov, N.I. Zuyev119

INFORMATION FOR AUTHORS120

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS121

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

Интервью с адвокатом, вице-президентом Русско-азиатской ассоциации юристов Нурой Аль-Маазми.

LEGAL PROFESSION AND ADVOCACY IN THE UNITED ARAB EMIRATES

Interview with the Advocate, Vice-President of the Russian Asian Legal Association Nura Al Maazmi.

Визитная карточка:

Госпожа Нура Аль-Маазми родилась и выросла в Объединённых Арабских Эмиратах. Окончила юридический факультет Университета Шарджа, ОАЭ. Дипломированный специалист по дипломатическим и политическим отношениям и международным спорам.

Прошла подготовку в судах ОАЭ различных инстанций, в том числе высших. С 2010 года имеет право практиковать во всех судах ОАЭ, в том числе Кассационном и Верховном.

Получив опыт юридической практики, открыла юридическую фирму, в которой работают высококвалифицированные профессионалы различных национальностей, имеющие опыт во всех областях права.

Госпожа Нура Аль-Маазми имеет свидетельство нотариуса, признаваемое судами ОАЭ. Является лицензированным арбитром Международной организации арбитража (Египет).

Госпожа Нура Аль-Маазми является вице-президентом Русско-азиатской ассоциации юристов.

– Почему Вы решили стать адвокатом и выбрали именно эту область и сферу организации профессиональной деятельности юриста?

– Адвокатура – это послание истины, ее защитник и голос. Адвокаты – рыцари этого послания, которые хранят тайну и принимают на себя страдания, боль и заботы людей. Они выполняют благородную миссию, которая основана на аргументах, доказательствах, заявлениях о праве, справедливости и свободе. Причина, по которой я выбрала правовое поле деятельности, в том, что я верю в большую роль этой сферы. Адвокатская деятельность известна с древних времен, она сопровождала многие культурные события, свидетелями которых был мир. Это профессия, основанная на содействии людям в осуществлении их прав и несущая в себе комплекс человеческих ценностей, включая преданность оказанию услуг доверителю и честность в сохранении его тайны.

– Расскажите, пожалуйста, о правовом статусе адвоката и организации профессиональной и повседневной деятельности адвоката в ОАЭ. Как заявитель может получить статус адвоката, каким требованиям при этом он должен соответствовать?

– Практика по включению национального юриста ОАЭ в список практикующих адвокатов, а затем получения разрешения компетентных органов на открытие юридической фирмы в ОАЭ является довольно длинным и сложным процессом. Для ознакомления с практическими мерами по регистрации гражданина ОАЭ в качестве адвоката и создания им офиса юридической фирмы в этом государстве мы обобщим все шаги.

На первом этапе требуется получить степень бакалавра права. Затем следуют регистрация и

прохождение обучения на курсе подготовки юристов в Судебном институте. Третий шаг – практическое обучение в юридической фирме в ОАЭ. Четвертый – прохождение проверки безопасности. Пятый – прохождение процедуры в комитете по приему адвокатов. Шестой – увольнение с ранее имевшегося места работы. Седьмой – поступление на работу в адвокатскую контору. Восьмой – создание частной юридической фирмы в одном из эмиратов.

– Каковы основные права и обязанности адвоката?

– Перечислю основные обязанности адвоката. Во-первых, он должен с почтением относиться к суду и не только уважать судью как личность, но и относиться с уважением к его статусу, помогать сохранять его престиж и достоинство. Во-вторых, ему запрещено использовать недобросовестные способы привлечения доверителей. В-третьих, адвокат не может отказаться от оказания юридической помощи в критическое для доверителя и в неудобное для себя время. В-четвертых, адвокат обязан сохранять конфиденциальную информацию о своем доверителе. В-пятых, он обязан быть приверженцем принципов чести и честности.

Основные права адвоката в ОАЭ: 1) право принять или отклонить дело в любом случае в соответствии с его личной совестью или мнением; 2) право на должное уважение со стороны судов и на выполнение всех возложенных на него обязанностей; 3) право на получение вознаграждения за работу и на возмещение расходов, понесенных в целях выполнения проделанной работы; 4) право не подвергаться преследованиям или угрозам в отношении адвокатов, юридических, административных или иных лиц в результате выполнения

работы, соответствующей стандартам, обязанностям и этике профессии; 5) право на гражданский и уголовный иммунитет в отношении заявлений, сделанных в духе доброй воли, будь то в своих устных или письменных состязательных бумагах или когда они представляются в суды или любые судебные органы; 6) право выполнять свои обязанности без запугивания или преследования.

– Как осуществляется управление в рамках сообщества адвокатов в Объединенных Арабских Эмиратах? Создана ли Ассоциация адвокатов? Какие задачи стоят перед ее членами?

– «Эмиратская ассоциация адвокатов и юристов» находится под патронажем Его Высочества шейха Халифы бен Зайда Аль Нахайяна, президента ОАЭ, и их высочеств членов Высшего Совета Правителей Эмиратов. Благодаря усилиям ее верных членов, а также поддержке и воспитанию нашего мудрого руководства в настоящее время она развивается уверенными темпами и упорно работает над продвижением, стремясь предоставить все возможные услуги и привилегии адвокатам – своим членам.

Ассоциация отвечает за организацию конференций, симпозиумов, семинаров, учебных курсов и участвует во всех соответствующих мероприятиях на местном уровне. На региональном и международном уровнях Ассоциация призвана содействовать поощрению и развитию правосудия и судебной власти. Проведение учебных курсов и организация семинаров, конференций и симпозиумов способствует ускоренному изучению программ Ассоциации. Недавно Ассоциация расширила поле деятельности и представительство, открыв новую штаб-квартиру в Шардже.

Основные задачи Ассоциации:

1. Использование всех имеющихся в государстве возможностей и средств для повышения профессионального, культурного и социального уровня своих членов.

2. Координация деятельности и сотрудничества с соответствующими государственными органами в целях создания основ для организации адвокатской деятельности.

3. Объединение усилий членов Ассоциации по укреплению роли юристов для выполнения благородной миссии укоренения правил правосудия и применения этики профессии и работы в духе ответственности и лояльности к государству.

4. Работа по подготовке и распространению научных исследований и организация лекций и семинаров в целях развития правовой мысли граждан в интересах сообщества ОАЭ.

5. Установление более тесных связей между Ассоциацией и клубами, союзами и другими ассоциациями на местном и международном уровнях в соответствии с целями Ассоциации после получения предварительного разрешения министерства.

6. Содействие выражению мнения по законопроектам и законодательным актам, изданным в государстве в целях достижения целей, поставленных перед Ассамблеей, и в сотрудничестве с соответствующими компетентными органами по их просьбе.

Ассоциация соблюдает положения Федерального закона № 2, принятого в 2008 году, о неправительственных ассоциациях и государственных учреждениях, а также нормативные решения, принятые министерством в этой области, и все законы и положения, действующие в Объединенных Арабских Эмиратах.

Ассоциация вправе:

1. Осуществлять представительство в составе делегаций за пределами страны в конференциях, семинарах, совещаниях после одобрения их министерством социальных дел.

2. Принимать участие, выступать с докладом, вести какую-либо совместную деятельность с ассоциациями или органами, базирующимися за пределами страны, после одобрения министерством социальных дел.

3. Проводить конференции, семинары, встречи или мероприятия с участием ее членов за пределами государства после одобрения министерством социальных дел.

4. Министерство вправе осуществлять надзор за программами и проектами Ассоциации в указанных целях.

– С чем связана Ваша основная и постоянная юридическая деятельность? Расскажите, пожалуйста, об организации, функциях и деятельности Вашей юридической фирмы.

– «AlMaazmi Defenders and Legal Consulters» («Защитники и юридические консультанты Аль-Маазми») является формирующейся юридической фирмой, базирующейся в Дубае. Мы работаем во всех областях права. Нашу единую и однородную команду объединяет система ценностей, основанная на комплексном и плодотворном сотрудничестве. Наша команда предоставляет юридические консультации и поддержку всем клиентам, инвесторам, учреждениям, международным корпорациям и крупным компаниям, помогая своевременно принимать правильные решения.

Концепция нашей работы следующая: мы нацелены быть ведущей и поддерживающей право

юридической фирмой в ОАЭ, на которую можно положиться, чтобы достичь успехов в экономической сфере.

Наша миссия – работа над тем, чтобы привлечь внимание клиентов к поиску решений, которые могут быть как инновационными, так и традиционными. С этой точки зрения мы обеспечиваем обслуживание клиентов по всем направлениям, являясь реальной площадкой для деятельности во всех областях права, предоставляя персональную юридическую помощь применительно к каждому делу.

– **Какие направления профессиональной практики и тематику судебных споров Вы считаете самыми важными и интересными?**

– Я нахожу удовольствие в решении любых юридических вопросов, когда они являются причиной успеха в деле и возвращают утраченные права моим доверителям.

– **Каковы Ваши пожелания читателям нашего журнала?**

– Желаю читателям журнала, чтобы содержание издания им нравилось. Всего наилучшего!

*Беседовал доктор юридических наук, доцент,
главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»*

А.В. Рагулин

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ

Основными темами саммита являются:

- 1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?*
- 2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;*
- 3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.*

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

LEGAL PROFESSION AND ADVOCACY IN THE UNITED ARAB EMIRATES

Interview with the Advocate, Vice-President of the Russian Asian Legal Association Nura Al Maazmi.

Business card:

Noura Al Maazmi was born and raised in the United Arab Emirates. Graduated from the Faculty of Law, University of Sharjah, UAE. She also obtained a diploma in diplomatic and political relations and international conflicts.

As a lawyer, she joined the Judicial Institute in the Law Department for one year and was trained in UAE courts of various types and degrees under the supervision of specialized advisors from the Supreme Courts. Since 2010, she has the right to practice in all courts of the UAE, including the cassation and the Supreme Court.

Having gained experience in legal practice, she established a law firm and legal consultancy with highly qualified professionals of different nationalities with experience in all areas of law.

Noura Al Maazmi holds a private notary certificate recognized by the UAE courts and has been licensed as an arbitrator by the International Arbitration Organization in Egypt.

Noura Al Maazmi is the vice-president of the Russian Asian Legal Association.

– Why You decided to become Lawyer and why You choose exactly the domain and file Organizing professional and daily activities of the lawyer?

– Advocacy is the message of truth and its supporter and his voice. Lawyers are the knights of this letter who carry the secret and the risers it embrace in their conscience aches and pains and concerns of people. They are going through the odds to carry out their noble mission, which is based on the argument, the proof, the statement, and its right, justice and freedom. The reason why I choose the law field: I believe in the great role of this field In all society. The legal profession, an ancient profession accompanied the cultural developments witnessed by the world. It is a profession based on assisting people in the fulfillment of their rights and assisting at work and carries with it a set of human values, including dedication to providing service to the client and honesty in maintaining its secrets.

– Please tell us about the legal status of the lawyer and the organization of professional and daily activities of the lawyer in the UAE. How can the applicant get attorney status, what are the requirements it?

– The practical steps to enroll a UAE national lawyer in the list of practicing lawyers, and then obtain the approval of the competent authorities to open a law firm and legal advice in the UAE are rather long and complex. And the Emirati lawyer is almost reviewing a wide range of government agencies for several approvals, In order to facilitate the knowledge of these procedures, and to know the practical steps to register a UAE citizen a lawyer establishes an office of the law firm and legal advice in the state.

We will summarize all the steps. First: get a bachelor's degree in law. Second: registration and the training of lawyers course at the Judicial Institute. Third: practical training in a law firm in the UAE. Fourth:

security approval. Fifth: committee for the admission of lawyers. Sixth: resign from the job. Seventh: joining the law firm legal advice office. Eighth: establishing a private law firm (in the Emirate of Dubai).

– What are the basic rights and obligations of a lawyer?

– Duties of attorney towards courts and judges:

1. The lawyer must respect the courts and not only respect the judge as person but also the status of the judge and preserve his prestige and dignity.

2. Prohibition of the use of advertising means for the legal office.

3. The lawyer shall represent his client within the limits of the agency and shall be free to defend and adapt the case.

4. A lawyer may not abandon the agency at a critical time for the client or at an inappropriate time.

5. The lawyer shall keep his client's confidentiality and confidential information concerning his client.

6. Commitment to the principles of honor and integrity.

And the lawyer rights are: 1) The right of a lawyer to accept or reject a case in any case in accordance with his or her personal conscience or opinion. 2) The right of counsel to be treated with due respect by the courts and all duties before him. 3) The lawyer shall have the right to receive remuneration for the work of the lawyer and the right to reimburse the expenses incurred for the purpose of carrying out the work done to him. 4) Not to be subjected to threats or threats against lawyers, legal, administrative or other persons as a result of undertaking work consistent with the standards, duties and ethics of the profession. 5) Counsel shall enjoy civil and criminal immunity for statements made in good faith, whether in their oral or written pleadings or when they appear before the courts or any judicial bodies. 6) The right of counsel to perform all their duties without intimidation or harassment.

– **How is the management within the Bar Society in the United Arab Emirates?**

What are the tasks assigned to the bar associations. How is the Bar Association formed?

– Under the patronage of His Highness Sheikh Khalifa bin Zayed Al Nahyan, President of the UAE And Their Highnesses Members of the Supreme Council of Rulers of the Emirates God save them The Bar Association was established with its new name «Emirates Lawyers and Legal Association». Thanks to God and the efforts of its loyal members and support and nurture our wise leadership The Association is currently moving at a confident pace and work hard to advance the work of the Assembly Striving to provide all possible services and privileges to lawyers and legal members, and organizing various events and programs of conferences, seminars, training courses and participate in all related events locally, regionally and internationally contribute to the promotion and development of justice and the judicial authority our State. The association's programs are accelerating from training courses and organizing seminars, conferences and symposiums. And increase its activities and expanding its branches opening of the new headquarters in Sharjah.

Purposes of the Association are:

1. Using all means and means available in the State to raise the level of members of the Association of lawyers and law professionally, culturally and socially.

2. Coordinate and cooperate with the concerned authorities in the State to lay the foundations for organizing the legal profession.

3. Organize the efforts of the members of the Association to strengthen the role of the legal profession to fulfill its lofty mission in establishing the rules of justice and the application of the ethics of the profession and work in a spirit of responsibility and loyalty to the State.

4. Work on the preparation and dissemination of research and studies and the establishment of seminars and seminars for the purpose of developing the legal thought of the members of the society to serve the UAE community.

5. Closer the link between the Association and clubs and unions and other associations locally and internationally in accordance with the objectives of the Association after obtaining the prior approval of the Ministry.

6. Contributing to expressing an opinion on the draft laws and legislations issued in the State in order to achieve the objectives to which the Assembly aims, and in cooperation with the competent authorities concerned if requested.

The Association shall abide by the provisions of Federal Law No. (2) of 2008 concerning non-governmental associations and institutions of public benefit, and the regulatory decisions issued by the Ministry in this field and all laws and regulations in force in the United Arab Emirates.

The Association may:

1. Representation in participants outside the country such as conferences, seminars, meetings or meetings, after the approval of the Ministry of Social Affairs.

2. Affiliation, participation, joining, dealing or practicing any activities with any association or body based outside the country, after the approval of the Ministry of Social Affairs.

3. Holding conferences, seminars, meetings or events, with the participation of persons from outside the State, after the approval of the Ministry of Social Affairs.

4. The Ministry shall have the right to supervise the programs and projects of the Association within its specified purposes.

– **What kind of legal activity do you do mainly and continuously? Please tell us about the organization, functions and activities of your law firm.**

– Al Maazmi Advocates and Legal Consultants is an emerging law firm based in Dubai and operates in all areas of law through a system of values that connects a united and homogeneous team with an integral and fruitful collaboration. Our legal team provides legal advice and support to all clients, investors, institutions, SMEs and large companies to help make the right decisions in a timely manner.

Our Vision is to be a leading and supportive law firm in the UAE that can be relied upon to reach it in the economic domain.

Our mission: We work to provide customers with the attention to find solutions that are both critical and appropriate. From this standpoint we provide customer service in all aspects to be the real destination in all areas of the law by providing a personal touch for each situation.

– **Please describe some of the most enjoyable issues for your practice of law and litigation in the courts.**

– For me I find pleasure in all issues when they are the cause of success in the case and return the right to their companions.

– **What is your desire and wishes to the readers of our journal?**

– I wish readers of the journal that the content of the journal liked for them and all the best for them.

Interviewed by Andrey Ragulin

مهنة المحاماة والدفاع في دولة الإمارات العربية المتحدة: مقابلة مع المحامية ، نائبة رئيس نقابة المحامين الروسية الآسيوية نورة المازمي

المحامية الأستاذة السيدة نورة المازمي :

ولدت ونشأت في دولة الإمارات العربية المتحدة. تخرجت من كلية الحقوق بجامعة الشارقة ، الإمارات العربية المتحدة. كمحامية ، التحقت بالمعهد القضائي في قسم القانون لمدة عام واحد وتم تدريبها في محاكم دولة الإمارات العربية المتحدة على اختلاف أنواعها ودرجاتها تحت إشراف مستشارين متخصصين من المحاكم العليا. منذ عام 2010 ، لديها الحق في ممارسة المهنة في جميع محاكم دولة الإمارات العربية المتحدة ، بما في ذلك النقض والمحكمة العليا.

بعد أن اكتسبت خبرة في الممارسة القانونية ، أسست مكتب محاماة واستشارات قانونية مع مهنيين مؤهلين تأهيلا عاليا من مختلف الجنسيات ممن لديهم خبرة في جميع مجالات القانون.

السيدة نورة المازمي حاصلة على شهادة كاتب العدل الخاص المعترف بها من قبل محاكم الإمارات العربية المتحدة وحصلت على ترخيص كمحكم من منظمة التحكيم الدولية في مصر . ، كما حصلت على دبلوم في العلاقات الدبلوماسية والسياسية والنزاعات الدولية.

لماذا قررت أن تصبح محامياً ولماذا اخترت بالضبط مجال وملف تنظيم الأنشطة المهنية واليومية للمحامي؟

المحاماة رسالة الحق وصوته ونصيره .. المحامون هم فرسان هذه الرسالة الحاملون لأمانتها والناهضون بها .. يحتضون في ضمائرهم أوجاع وآلام وهموم الناس .. يجتازون الصعاب للقيام برسالتهم النبيلة قوامها الحجة والبرهان والبيان ورايتها الحق والعدل والحرية وسبب اختياري مجال المحاماة: لا اعتقادي بالدور العظيم لهذا المجال في المجتمع كافة، ومهنة المحاماة مهنة قديمة وراكبت التطورات الحضارية التي شهدها العالم. وهي مهنة قائمة على تقديم المساعدة للأشخاص في اقتضاء حقوقهم والمعاونة في العمل وتحمل في طياتها مجموعة من القيم الإنسانية منها التفاني في تقديم الخدمة للعميل والأمانة في المحافظة على أسراره.

من فضلك أخبرنا عن الوضع القانوني للمحامي وتنظيم الأنشطة المهنية واليومية للمحامي في الإمارات العربية المتحدة. كيف يمكن لمقدم الطلب الحصول على صفة محامي ، ما هي المتطلبات ذلك؟

إن الخطوات العملية لقبول المحامي المواطن في جدول المحامين المشتغلين ، ثم الحصول على موافقة من الجهات المختصة لفتح مكتب محاماة واستشارات قانونية في الإمارات طويلة نوعا ما ومعقدة ، ويكاد المحامي الإماراتي يراجع مجموعة كبيرة من الجهات الحكومية للحصول على موافقات ، ومن أجل تسهيل معرفة تلك الإجراءات ، ومعرفة الخطوات العملية لقبول المواطن الإماراتي محاميا ويؤسس مكتباً للمحاماة والاستشارات القانونية في الدولة ، سنقوم بتلخيص جميع الخطوات :

أولاً : الحصول على شهادة بكالوريوس في القانون.

ثانياً : التسجيل في دورة تدريب المحامين في المعهد القضائي.

ثالثاً : التدريب العملي في أحد مكاتب المحاماة في دولة الإمارات.

رابعاً : الموافقة الأمنية .

خامساً : لجنة قبول قيد المحامين

سادساً : الاستقالة من الوظيفة.

سابعاً : الانضمام الى مكتب محاماة واستشارات قانونية

ثامناً : تأسيس مكتب محاماة خاص (في إمارة دبي)

ما هي الحقوق والالتزامات الأساسية للمحامي؟

واجبات والالتزامات المحامي الأستاذ في لائحة آداب المهنة:

1. واجب المحامي تجاه المحاكم و القضاة:- أ- يجب على المحامي أن يحترم المحاكم و لا يقتصر هذا الإحترام على شخص القاضي وإنما يجب أن يشمل أيضا مركز ز القاضي والمحافظة على هيئته وكرامته.
2. حظر استخدام وسائل الدعاية والإعلان للمكتب القانوني.
3. يجب على المحامي تمثيل موكله في حدود الوكالة وله حرية الدفاع وتكييف الدعوى .
4. لا يجوز للمحامي التنازل عن التوكيل
5. في وقت حرج للموكل او وقت غير لائق.
6. يجب ان المحامي ان يحتفظ بسر موكله وسرية معلومات تخص موكله .
7. الالتزام بمبادئ الشرف والنزاهة .

حقوق المحامي:

1. حق المحامي في قبول الدعوى او رفضها في أي قضية وفق ما يميله عليه ضميره او آراءه الشخصية .
2. حق المحامي في ان يعامل بالاحترام الواجب من المحاكم وجميع الواجبات التي يحضر أمامها .
3. للمحامي الحق في تقاضي أتعاب لما يقوم به من أعمال المحاماة والحق في استرداد ما أنفقه من مصروفات في سبيل مباشرة الأعمال التي وكل اليه.
4. عدم التعرض او تهديد المحامي او الملاحقة القانونية او الإدارية او غيرها نتيجة قيامهم بعمل يتفق مع معايير وواجبات و آداب المهنة المنفعل عليها .
5. يتمتع المحامي بالحصانة المدنية والجنائية بالنسبة للتصريحات التي يدلون بها بنية حسنة سواء كان ذلك في مرافعاته م الشفوية او الكتابية او لدى مثلهم امام المحاكم او أي جهات قضائية .
6. حق المحامي في القدرة على اداء جميع وظائفهم دون تخويف او مضايقة .

كيف تتم الإدارة داخل مجتمع نقابة المحامين في الإمارات العربية المتحدة؟ ما هي المهام المسندة إلى هيئات نقابات المحامين وكيف يتم تشكيل الهيئات النقابية؟

في ظل رعاية صاحب السمو الشيخ خليفة بن زايد آل نهيان رئيس الدولة حفظه الله وأصحاب السمو أعضاء المجلس الأعلى للاتحاد حكام الإمارات رعاهم الله اقيمت نقابة المحامين بمسماها الجديد "جمعية الإمارات للمحامين والقانونيين"، و بفضل الله وبجهود أعضائها المخلصين ودعم ورعاية قيادتنا الرشيدة تسير الجمعية حاليا بخطة واثقة وعمل دؤوب للرفي بعمل الجمعية والسعي الحثيث لتوفير ما أمكن من ا لخدمات والإماتياز اتلأعضاء من المحامين والقانونيين، وتنظيم برامج وفعاليات مختلفة من مؤتمرات وندوات ودورات تدريبية والمشاركة في كافة الفعاليات ذات الصلة محليا وعربيا ودوليا تسهم في تعزيز وتطوير العدالة والسلطة القضائية في دولتنا الغالية، وهاهي برامج الجمعية تسير بوتيرة متسارعة من دورات تدريبية وتنظيم الملتقيات والمؤتمرات والندوات، وتزداد أنشطتها وتتسع فروعها بافتتاح مقرها الرئيسي الجديد بالشارقة .

مادة (2)

أغراض الجمعية

1. استخدام كافة السبل والوسائل المتاحة بالدولة للارتقاء بمستوى أعضاء الجمعية من المحامين والقانونيين مهنيا وثقافيا واجتماعيا .

2. التنسيق والتعاون مع الجهات المعنية بالدولة لوضع الأسس الكفيلة لتنظيم مزاولة مهنة المحاماة.
3. تنظيم جهود أعضاء الجمعيه لتعزيز دور مهنة المحاماة لأداء رسالتها السامية في إرساء قواعد العدالة وتطبيق أخلاقيات المهنة والعمل بروح المسؤولية والمواطنة للدولة .
4. العمل علي إعداد ونشر البحوث والدراسات وإقامة الندوات والحلقات الدراسية بغرض تنمية الفكر القانوني لأعضاء الجمعية بمايخدم المجتمع الإماراتي .
5. توثيق أو اصر الصلة بين الجمعية والأندية والاتحادات والجمعيات الأخرى محليا ودوليا بما يتفق وأهداف الجمعية بعد الحصول على موافقة مسبقة من الوزارة .
6. المساهمة بإبداء الرأي في مشروعات القوانين والتشريعات التي تصدر في الدولة من أجل تحقيق الأهداف التي ترمي إليها الجمعية وذلك بالتعاون مع الجهات ذات الصلة المختصة إذا طلب ذلك.

مادة (3)

تلتزم الجمعية بأحكام القانون الاتحادي رقم (2) لسنة 2008 في شأن الجمعيات والمؤسسات الأهلية ذات النفع العام ، وبما تصدره الوزارة من قرارات تنظيمية في هذا المجال وبكافة القوانين واللوائح المعمول بها بدولة الإمارات العربية المتحدة.

مادة (4)

يجوز للجمعية :

- 1 التمثيل في المشاركات خارج الدولة كالمؤتمرات أو الندوات أو الاجتماعات أو اللقاءات وذلك بعد موافقة وزارة الشؤون الإجتماعية .
- 2 الانتساب أو الاشتراك أو الانضمام أو التعامل أو ممارسة أية أنشطة مع أية جمعية أو هيئة مقرها خارج الدولة وذلك بعد موافقة وزارة الشؤون الإجتماعية .
- 3 عقد مؤتمرات أو ندوات أو لقاءات أو فعاليات، يشارك فيها أشخاص من خارج الدولة وذلك بعد موافقة وزارة الشؤون الإجتماعية ما
- 4 للوزارة حق الإشراف على برامج الجمعية ومشروعاتها في نطاق أغراضها المحدد

ما نوع نشاط المحاماة الذي تقوم به بشكل رئيسي ومستمر من فضلك أخبرنا عن تنظيم ومهام وأنشطة شركة المحاماة الخاص بك؟

المازمي للمحاماة والاستشارات القانونية هي شركة محاماة صاعده مقرها دبي و تعمل في جميع مجالات القانون من خلال منظومة من القيم التي تربط فريق عمل متحد و متجانس مع وجود تعاون وترابط مثمرة لا يتجزأ . يقدم فريقنا القانوني

الاستشارات والدعم القانوني لجميع العملاء والمستثمرين والمؤسسات والشركات الصغيرة والمتوسطة والكبيرة للمساعدة في اتخاذ القرارات الصائبة وفي الوقت المناسب.

رؤيتنا

ان يكون مكتبنا شركة محاماة رائدة وداعمة في دوله الامارات يمكن الاعتماد عليها للوصول إليها في النطاق الاقتصادي .

مهمتنا

نعمل على توفير الاهتمام بالعملاء وإيجاد الحلول الحاسمة والملائمة على حد سواء ، و تكريس الاعتقاد بوجود تنوع يشكل الروح الحقيقية المتواجدة في دبي . ومن هذا المنطلق فإننا نقوم بتوفير خدمة للعملاء من جميع النواحي لتكون الوجهة الحقيقية في جميع مجالات القانون من خلال توفير لمسه شخصيه لكل حاله.

يرجى وصف بعض القضايا الأكثر متعة وأهمية لممارستك للقانون والتقاضي في المحاكم؟

بالنسبة لي اجد متعة في جميع القضايا عندما تكون سبباً في احقاق النجاح في القضية وارجاع الحق لأصحابهم .

ما هي رغباتكم وتمنياتكم لقراء مجلتنا؟

اتمنى لقراء المجلة ان ينال محتوى المجلة إعجابهم وكل التوفيق لهم.

أجرى المقابلة أندريه راجولين ، نكتور في العلوم القانونية،
أستاذ مشارك ، رئيس تحرير مجلة «الدعوة الأوراسية»

On the 12th of January 2020 in Dubai, UAE

II International Legal Summit

«Investments and Law at Asia and Russia»

Venue: The Oberoi Hotel, Al A'amal St., Dubai, UAE

Main purposes of the Summit are:

- 1) LegalTech – Uber for lawyers- how to make millions with legal robots?
- 2) Doing business in Russia and Asia, the problems with export and certification of Russian products in Asia and the Middle East, lobbying for Russian products and services exports, anti-dumping and customs barriers in the import of products of Asian manufacturers into the Russian Federation- successful cases of Russian business in Asia and Bay countries.

3) Using UAE arbitration courts in the interests of Russian exporters, investments in large infrastructure projects in Russia, Asia and the Middle East (gas industry, road building, ship building, power generation, oil refining, construction)- successful court cases.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМПАНИЯ BRANDPOL ПРЕДСТАВИЛА В ИНДИИ СВОЮ ПЛАТФОРМУ ПО ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КОМПАНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

14 октября в Нью-Дели, Индия, состоялась встреча представителей международной компании по борьбе с контрафактной продукцией BRANDPOL с ведущими индийскими юридическими фирмами, специализирующимися на защите интеллектуальной собственности. BRANDPOL представила свою уникальную платформу противодействия контрафактной и фальсифицированной продукции и нелегальному контенту путём поиска и блокировки веб-сайтов и других электронных медиа-платформ, где продаются или распространяются контрафактные продукты.

Компания BRANDPOL является ведущим игроком на рынке защиты прав интеллектуальной собственности по всему миру, имея свои представительства в 60 странах. Специалисты компании несколько лет потратили на разработку и усовершенствование платформы, было проведено большое количество тестирований в разных странах, проанализирован многолетний опыт реализации проектов с крупнейшими международными компаниями. На основе этого опыта был создан продукт мирового уровня, который будет полезен как для большого количества компаний крупного и среднего бизнеса, желающих защитить свою интеллектуальную собственность, так и для юридических фирм по всему миру, занимающихся защитой прав интеллектуальной собственности своих клиентов.

Константин Джимбинов, управляющий партнер компании BRANDPOL: «Одна из ключевых особенностей компании – наш LegalTech подход. Мы не конкурируем с юристами, два года назад мы сознательно приняли решение пойти по пути создания IT-платформы, которую могло бы использовать огромное количество юридических фирм по всему миру. Мы решили стать своеобразным «UBER» для юристов. Наша платформа может как работать непосредственно с заказчиками-правообладателями, оказывая им весь комплекс услуг по защите прав интеллектуальной собственности, так и стать незаменимым инструментом по поставке готовых кейсов для работы в судах для юристов по всему миру. С помощью неё юристы смогут более эффективно отстаивать и защищать права интеллектуальной собственности своих клиентов. Создав такой продукт и убедившись в том, что он востребован и одинаково эффективно работает по всему миру, мы решили сосредоточить наши усилия на том, чтобы донести уникальные особенности нашей платфор-

мы до конечных потребителей и коллег в разных странах. Индия – это одна из крупнейших растущих экономик мира, поэтому мы осознанно решили активизировать нашу деятельность в этой стране».

В Дели был проведен ряд крупных мероприятий, в результате которых были осуществлены рабочие встречи с юридическими партнерами из Индии – Ashish Deep Verma из компании Vidhisastras, Sumes Dewan из Lex Favios, Krrishan Singhanian из Singhanian & Co. и Anku Khanna из Theattorneys. В первый день команда BRANDPOL презентовала возможности своей платформы ведущим практикующим юристам в Индии и обсудила с ними, как данная платформа может быть использована в ежедневной практической деятельности юристов.

Для индийского рынка данная концепция является новой, так как наша платформа осуществляет постоянный мониторинг сети интернет, тщательный анализ и сбор доказательств в режиме 24 часа 7 дней в неделю и 365 дней в году, обеспечивая защиту клиентов не только в Индии, но и за рубежом.

«Мы сознательно выбрали Дели в качестве площадки для первых пилотных проектов. Это вызвано тем, что в Индии у нас есть надежные и профессиональные партнеры. В результате встреч мы получили большое количество вопросов. Это ценно для нас, так как нам важно получать обратную связь от людей, которые ежедневно занимаются защитой прав интеллектуальной собственности» – отмечает Константин.

Второй день конференции был посвящён встрече с владельцами крупных индийских брендов совместно с представителями вышеуказанных юридических компаний. На данном мероприятии присутствовало более 30 партнеров. Кроме того, были проведены рабочие конструктивные встречи с руководством Национального Института Трансформации Индии (National Institution for Transforming India), Федерации Индийских Торгово-Промышленных Палат (Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry) и Национального Агентства Инвест Индия (National Agency Invest India).

«Стремительное экономическое развитие Индии создает уникальные возможности для международных и индийских инвесторов. Команда BRANDPOL гордится тем, что содействует развитию страны, обеспечивая максимальную отдачу

от инвестиций через защиту интеллектуальной собственности в интернете. Мы гордимся тем, что такие уважаемые индийские институты власти, как Национальный Институт Трансформации Индии (National Institution for Transforming India), Федерация Индийских Торгово-Промышленных Палат (Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry) и Национальное Агентство Инвест Индия (National Agency Invest India) уделяют большое внимание вопросам защиты интеллектуальной собственности», – говорит Главный исполнительный директор компании BRANDPOL Константин Марков.

По итогам рабочих встреч компания BRANDPOL планирует подписать несколько контрактов с партнерами из Индии.

«Мы убеждены, что создали удобный и полезный продукт мирового уровня. Нам важно, чтобы данный продукт стал доступен не только для глобальных транснациональных компаний, но и для компаний малого и среднего бизнеса по всему миру», – отмечает Константин Джимбинов.

Материал подготовил М.В. Тафинцев

INTERNATIONAL IP PROTECTION COMPANY BRANDPOL HAS PRESENTED TO INDIA ITS ANTIVIRUS FOR BRAND PROTECTION ON THE INTERNET

On October 14-15, 2019, the international IP protection company BRANDPOL held a conference in New Delhi, India. The conference was attended by local leading law firms and representatives of over 30 brands recognized in India. BRANDPOL presented its unique protection system against counterfeit products, unlicensed content and unauthorized trademarks. Their system searches and closes web sites and other e-platforms, which disseminate counterfeit offerings or use intellectual property without any authorization.

BRANDPOL is a global leading provider of intellectual property protection services with the presence in over 60 countries. The BRANDPOL IP antivirus system rests upon years of experience in protection engagements with recognized international brands, proven in multiple protection engagements across countries and industries. The BRANDPOL's world-class protection solution is relevant to established mid-sized and large businesses, as well as to law firms specializing in IP services.

Konstantin Dzhimbinov, BRANDPOL Managing Partner, explained, «One of our key traits is our Legal-Tech approach. We do not compete with lawyers. More than two years ago, we made a strategic decision to develop an IT-platform for lawyers around the world. This platform is our «UBER» for lawyers. Our solution works well both for end-clients/brand-owners, directly servicing their IP protection needs, and for legal firms supplying them with well-prepared cases to be taken to court proceedings. Our platform has proved its effectiveness and efficiency in the world-wide IP protection and we are proud of offering our services to potential clients and our partners in many countries. India is one of the biggest and fast growing economies and we are aiming to jump-start our business in this country.»

In New Delhi, BRANDPOL held a few business meetings with representatives of their legal partner firms in India, such as Ashish Deep Verma (Vidhisistras), Sumes Dewan (Lex Favios), Krrishan Singhania (Singhania & Co.) and Anku Khanna (Theattorneys). On the first day of the conference, BRANDPOL team demonstrated the platform's functionality to local leading legal firms – how the system operates and how it can be used to assist in every-day legal work. The system's concept is new on the India market – the platform provides the constant Internet monitoring, the thorough online evidence analysis and the data gathering in the 24/7/365 mode, ensuring the clients' brand and trademark Internet security not only in India but also in other countries.

Konstantin Markov, BRANDPOL Chief Executive Officer commented, «New Delhi has been the place of choice for our regional launch conference owing to our professional, reliable and dynamic local partners. Over the course of the conference, we received multiple product inquiries. This professional feedback is highly valuable to us as it provides a unique opportunity to fine-tune our product with insights coming from daily local practical experience of intellectual property protection.»

The second day of the conference was devoted to the interaction with the owners and the management of large brands and specialized legal firms in India mentioned above. The meeting was attended by more than 30 clients and partners. The conference was followed by working sessions with the management of National Institution for Transforming India, Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, and National Agency Invest India.

Konstantin Markov added, «Rapid economic development of India creates unique opportunities for international and domestic investors. BRANDPOL

team is proud to participate and facilitate the country's development by ensuring maximum return on investment through intellectual property protection on the Internet. We are grateful for a chance to assist India's national institutions – National Institution for Transforming India, Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry and National Agency Invest India in their intellectual property protection efforts.»

Following the conference and business meetings, BRANDPOL is planning to sign a few contracts and

start protection engagements with leading India's brands.

Konstantin Dzhimbinov noted, «We are confident that our protection system is of a world-class quality. It is important for us to ensure that the system is available not only for large international corporations, but also for small and mid-sized businesses around the world.»

Material was made by M.V. Tafintsev

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ

Основными темами саммита являются:

1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?

2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;

3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.

В работе саммита примут участие признанные эксперты в области права и инвестиций, руководители юридических департаментов крупнейших государственных и частных компаний, старшие партнеры юридических фирм и представительств России, ОАЭ и Саудовской Аравии, послы стран Азии и Ближнего Востока, юристы Пакистана, Китая, Испании, Италии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Швейцарии и Малайзии, старшие юристы и адвокаты Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации и депутаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Партнерами форума являются:

Государственная Дума ФС Российской Федерации

BrandPol Group (Ирландия)

Палата адвокатов Саудовской Аравии

Общество адвокатов ОАЭ

Индийская Национальная Ассоциация Адвокатов

Глобальная Ассоциация юристов, говорящих на китайском языке (Китай)

Всекитайская Ассоциация Юристов (Китай)

Юридическая фирма Grandall (Китай)

Юридическая фирма Русский Дом Международные Юристы (Россия)

Палата адвокатов Азербайджана

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Рагулин А.В.

НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК ПРИНЦИП РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Цель: Выявление содержания принципа независимости в российской адвокатуре.

Методология: В работе на основе применения формально-юридического метода, изучения документов, анализа законодательства, материалов научных исследований и правоприменительной практики в сочетании с использованием метода включенного наблюдения рассматриваются проблемные вопросы содержания принципа независимости в адвокатуре.

Результаты: Автор приходит к выводу о том, что независимость адвокатуры представляет собой обеспеченное на уровне закона правовое состояние адвокатов, органов корпоративного управления адвокатурой и адвокатских образований, при котором они наделены исключительным правом в решении вопросов самоуправления, саморегуляции и экономической самостоятельности. При этом принцип независимости адвокатуры не означает ее абсолютной независимости, поскольку этот принцип ограничен сущностным содержанием принципа законности. Принцип независимости адвокатуры не имеет нормативного закрепления в Законе в части разграничения полномочий по управлению адвокатурой между государством и адвокатурой, что делает возможным произвольное изменение и (или) применение закона, а также произвольное толкование закона в части содержания этого принципа. Принципом адвокатуры, применительно к адвокату, является не «независимость», а профессиональная самостоятельность (автономность). Принцип независимости адвокатуры в законодательстве и практике его применения находит двоякое содержание, состоящее в обеспечении организационно-правовых и экономико-правовых гарантий независимости адвокатских образований и органов корпоративного управления адвокатурой, которые также призваны обеспечивать независимость адвоката.

Элементами контроля и надзора за организацией и деятельностью адвокатуры, в силу положений законодательства не нарушающими принцип независимости адвокатуры, является установленная законом деятельность следующих государственных органов: суда, Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов, законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (участие представителей в составе КЭС ФПА РФ).

Соответствующая требованиям закона деятельность государственных органов (в первую очередь Следственного комитета РФ) в пределах их полномочий, направленная на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых адвокатами, в том числе адвокатами, которые являются членами органов корпоративного управления адвокатурой, не может быть признана посягательством на независимость адвокатуры.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку позволяет сформировать представление о содержании принципа независимости адвокатуры. Статья основана на монографии А.В. Рагулина «Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре» (предисл.: Г.Б. Мирзоева, послесл.: А.В. Воробьева. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019. 584 с.) и публикуется в целях расширения читательской аудитории.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, независимость, принципы права, судостроительство.

Ragulin A.V.

INDEPENDENCE AS A PRINCIPLE OF THE RUSSIAN ADVOCACY

Purpose: To identify the content of the principle of independence in the Advocacy.

Methodology: The work, based on the application of the formal-legal method, examination of documents, analysis of legislation, materials of scientific research and law enforcement practice, combined with the use of the method of included observation, deals with problematic issues of the content of the principle of independence in the bar.

Results: The author concludes that the independence of the Advocacy is a legally protected legal state of lawyers, the corporate governance bodies of the Bar and the Bar entities, in which they have an exclusive right to decide on matters of self-government, self-regulation and economic autonomy. At the same time, the principle of the independence of the bar does not mean its absolute independence, as this principle is limited by the substantive content of the principle of legality. The principle of the independence of the bar is not regulated in the Law with regard to the separation of the powers of the bar between the State and the bar, which makes it possible to arbitrarily modify and/or apply the law, as well as to interpret the law arbitrarily with regard to the content of the principle. The principle of legal profession, in relation to the lawyer, is not «independence», but professional independence (autonomy). The principle of the independence of the bar in the law and practice of its application finds a twofold content, which consists in ensuring organizational, legal and economic-legal guarantees of the independence of the bar entities and bodies of corporate governance of the bar, which are also intended to ensure the independence of the lawyer.

The elements of control and supervision of the organization and activities of the bar, which by virtue of the provisions of the law do not violate the principle of the independence of the bar, are the activities of the following State bodies established by law: The court, the Ministry of Justice of the Russian Federation and its territorial bodies, the legislative (representative) body of state power of the subject of the Russian Federation, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (participation of representatives in the CES of the Federal Assembly of the Russian Federation).

In accordance with the requirements of the law, the activities of State bodies (primarily the Investigative Committee of the Russian Federation), within the limits of their powers, aimed at the disclosure and investigation of crimes committed by lawyers, including lawyers who are members of the corporate governance bodies of the bar, cannot be considered an attack on the independence of the bar.

Novelty/originality/value: The article has high scientific value, as it allows to form an idea of the content of the principle of independence of the bar. The article is based on a monograph: Ragulin A.V. The Tract on the Treatment of 32, Principles, Discrimination and Democracy in the Russian Legal Profession: a monograph. (introduction by G.B. Mirzoyev, epilog by A.V. Vorobyev) – Moscow.: Russian Academy of Lawyers and Notaries, Eurasian Research Institute of Problems of Law, 2019. – 584 p. and is published in order to expand the readership

Keywords: bar, lawyer, independence, principles of law, judicial system.

Термин «независимость», поскольку он употребляется в узко юридическом смысле, надо понимать исключительно как известную меру правовой свободы, свободного усмотрения в деяниях в пределах очерченных правом границ.

Понятию «независимость» в юридическом смысле противостоит понятие «независимость» как состояние дикости, когда человек или группа людей возомнили, что они не ограничены никакими нравственными и правовыми рамками, они могут глумиться над правами и правоохраняемыми интересами других людей, особенно от них зависимых. Люди, исповедующие «дикую независимость», презирают право в его нравственном начале. Для них право – всего лишь набор изречений, используемых ими для собственного умственного и эмоционального возбуждения, чтобы причинить другому, слабому, побольше боли. «Дикая независимость» несёт опасность любому социальному и государственному организму. Одним из проявлений «дикой независимости» в адвокатуре является принятие властным адвокатским органом безнравственного решения под прикрытием известных лозунгов, но наполненных в решении фальшивым содержанием, и игнорирование правовых принципов. В широком, повседневном смысле «независимость» определяется как «категория бытия и познания, означающая наличие у объектов и систем собственного начала, не определяемого их внешним окружением и не зависящего от бытия других объектов и систем. Наличие самооценности объектов и систем определяет их специфику и образует необходимое условие разнообразия в мире» [5].

В качестве синонимов слова «независимость» используют такие термины, как «автономия, автономность, вольность, неподвластность, неподконтрольность, обособленность, самобытность, само-

стоятельность, самоуправление, свобода, суверенитет», а антонимов – «взаимозависимость, зависимость, кабала, несамостоятельность, повиновение, подвластность, подневольность, подчинение, подчиненность, покорность, послушание» [5].

В некоторых иностранных языках независимость понимается как «свобода от влияния, контроля и как самостоятельность, отсутствие политической, экономической, культурной и тому подобной подчиненности, суверенитет» [2].

Также отмечают и такую характеристику «независимости», как «способность и возможность действовать самостоятельно и быть защищенным от давления извне», при этом отмечается, что «независимость относительна: человек не может быть абсолютно независим от общества, а как гражданин – и от государства; он несет перед ними определенные обязанности» [3].

По мнению А.Г. Кучерены, «принцип независимости адвокатуры заключается в неподчинении адвокатуры государственным и муниципальным органам, их должностным лицам, политическим партиям, иным общественным образованиям, за исключением необходимости выполнения законных требований властей, касающихся соблюдения адвокатурой требований закона и законных требований вышестоящих адвокатских образований, издаваемых ими на основе собственных корпоративных актов» [9].

А.Д. Бойков указывает на то, что «принцип независимости означает, что никакие органы и должностные лица не могут вмешиваться в профессиональную деятельность как адвокатских сообществ, так и отдельных адвокатов, осуществляемую в рамках закона и установленных полномочий» [6].

Суды полагают, что «независимость адвокатуры, прежде всего, означает, что никакие органы и

должностные лица не имеют права вмешиваться в профессиональную деятельность как адвокатских сообществ, так и отдельных адвокатов» [4].

В юридической литературе обращается внимание на то, что «независимость юридической профессии является основополагающим принципом, характеризующим правовую природу и статус адвокатуры, закрепленным в законодательстве многих стран, составляющим фундамент принципа верховенства закона, основную гарантию продвижения и защиты прав человека. Основу правовых гарантий независимости адвокатуры составляют иммунитеты и привилегии, действующие в отношении адвокатов и содержащиеся в нормах международного и национального законодательства» [8].

Вместе с этим принцип независимости адвокатуры помимо гарантий независимости адвоката, как основного составляющего элемента адвокатуры, предполагает также и наличие в стране сильной и независимой организации адвокатов. Это необходимое условие обеспечения независимости каждого адвоката, поскольку организация адвокатов призвана отстаивать публичную ценность адвокатуры. Не случайно в актах международного права и посвященных им исследованиях отмечается, что ассоциации юристов должны играть «основополагающую роль в обеспечении соблюдения профессиональных норм и этики, в защите своих членов от преследования и неправомерных ограничений и посягательств» [13].

При этом исследователи обращают внимание на то, что «независимость юридической профессии является основополагающим принципом, который гарантирует, что вне зависимости от существующей в государстве структуры объединения адвокатов последние пользуются всеми правами наряду с остальными гражданами», а ассоциации юристов должны играть «основополагающую роль в обеспечении соблюдения профессиональных норм и этики, в защите своих членов от преследования и неправомерных ограничений и посягательств» [13].

Также подчеркивается, что, согласно международным стандартам, в каждой юрисдикции могут быть «одна и более независимая и самоуправляемая ассоциация адвокатов, признанная на основании закона, совет или исполнительный орган которой должен свободно избираться всеми членами без вмешательства со стороны какого-либо органа или лица», а независимость адвокатских ассоциаций «предполагает их полномочия при принятии решений по вопросам, связанным с предоставлением доступа к профессии и атте-

стацией адвокатов, а также полномочия, связанные с привлечением адвокатов к дисциплинарной ответственности» [13].

Таким образом, принцип независимости адвокатуры в законодательстве и практике его применения должен выполнять задачу по обеспечению организационной и экономической независимости (автономности) адвоката как основного субъекта оказания юридической помощи. При этом автономность, или независимость, адвокатских образований и разных организационных структур в адвокатуре подчинена интересам независимости адвоката в его профессиональной деятельности.

В связи с этим исследователи отмечают, что независимость адвокатуры должна включать в себя «обеспеченное на уровне закона правовое состояние органов адвокатского сообщества, при котором они наделены исключительным правом в решении вопросов самоуправления и саморегуляции», а гарантии независимости адвокатуры представляют собой «комплекс нормативно-правовых предписаний, предоставляющих органам адвокатского сообщества преимущественное право в решении вопросов организационной, а также экономической самостоятельности» [7].

Необходимо вспомнить, что еще до принятия действующего ФЗ «Об адвокатской деятельности...» Г.М. Резник отмечал, что «адвокатуре следует расстаться с навеянным перестроечной смуты романтическим представлением о том, что она может существовать полностью отъязанной от государства. Адвокатура – особый институт гражданского общества, ей присущ публично-правовой статус, профессиональные уголовная защита и гражданское представительство – составные части правосудия, посему адвокатура не может находиться вне зоны государственного контроля» [11].

Адвокатура действительно не может быть абсолютно независимой (в смысле «дикой» или «отъязанной») и никогда не была таковой ввиду того, что важнейшим механизмом внешнего контроля адвокатуры государством является его неотъемлемое право создавать законодательную базу, которую адвокаты, адвокатские образования и органы корпоративного управления обязаны соблюдать, впрочем, как и все граждане.

Поскольку адвокаты, будучи членами АП субъектов РФ, выполняют публично-правовую функцию по оказанию юридической помощи, то из этого вытекает необходимость обеспечения определённого контроля (то есть властного изменения или отмены результата какого-то деяния)

как за адвокатской деятельностью, так и за деятельностью адвокатских палат, не подрывающего принцип независимости адвокатуры.

При этом Конституционный Суд РФ под элементами контроля за адвокатурой, очевидно, понимает деятельность адвокатских палат, а под одним из элементов контроля за адвокатскими палатами, в части принятых ими решений о прекращении статуса адвоката, понимается суд. Иначе наличие властных полномочий, то есть контроля, не противоречит принципу независимости. Дело за малым: определением пределов «властных (контрольных) полномочий», за которыми исчезает принцип независимости.

Так, в одном из своих определений Конституционный Суд РФ указал: «наделение адвокатских палат правом прекращать статус адвоката за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом возложенных на него обязанностей – при том, что решение совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в судебном порядке (пункт 5 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») – конституционные права заявителя не нарушает» (Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 № 838-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Басальги Ярослава Иосифовича на нарушение его конституционных прав подпунктами 2 и 3 пункта 2 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Положения ч. 5 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности» предполагают, что решение совета адвокатской палаты, принятое по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 этой статьи, т. е. решение о прекращении статуса адвоката, может быть обжаловано в суд.

В то же время в ч. 2 ст. 25 КПЭА указывается, что в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» решение Совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд лицом, привлеченным к дисциплинарной ответственности, в месячный срок со дня, когда ему стало известно или оно должно было узнать о состоявшемся решении.

Таким образом, нормами КПЭА установлено не предусмотренное законом ограничение права адвоката на судебное обжалование, в то время как, согласно ст. 55 Конституции РФ, право гражданина может быть ограничено только федеральным законом. В связи с этим установленное ч. 2 ст. 25 КПЭА ограничение относительно предмета

обжалования решения о прекращении статуса адвоката не должно применяться на практике.

При этом следует обратить внимание на то, что компетенция суда в осуществлении не нарушающего принцип независимости адвокатуры воздействия на адвокатуру не связана только с проверкой в рамках искового производства заявлений об оспаривании актов органов корпоративного управления адвокатурой и адвокатских образований, поскольку в соответствии с положениями ст. 33 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» представители судебных органов принимают участие в работе квалификационных комиссий АП субъектов РФ. Определенное воздействие на адвокатуру, также не нарушающее принципа независимости адвокатуры, оказывает участие в соответствии со ст. 33 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» представителей законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в составе квалификационной комиссии АП субъекта РФ.

В ст. 37.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности...» предусмотрено участие в составе КЭС ФПА РФ двух представителей Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и двух представителей Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Наряду с этим, в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации адвокатура находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и является в то же время объектом регулирования со стороны государства, а именно – Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов» [7].

В Указе Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» установлено, что Министерство юстиции имеет следующие полномочия в части контроля и надзора за адвокатурой:

«29) определяет порядок ведения реестров адвокатов субъектов Российской Федерации, а также реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации;

29.1) утверждает форму реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации, и форму свидетельства о регистрации в реестре адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации;

29.2) устанавливает по согласованию с заинтересованными федеральными органами государ-

ственной власти требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса;

30) утверждает форму ордера на исполнение поручения, выдаваемого адвокатским образованием, форму удостоверения адвоката и порядок ее заполнения;

30.13) осуществляет организационное и методическое руководство деятельностью территориальных органов, связанной с ведением реестров адвокатов субъектов Российской Федерации, выдачей удостоверений адвоката, участием представителей территориальных органов в работе квалификационных комиссий при адвокатских палатах субъектов Российской Федерации и реализацией иных функций, установленных законодательством Российской Федерации об адвокатуре;

30.16) осуществляет на территории Российской Федерации функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации адвокатами, адвокатскими образованиями и адвокатскими палатами;

30.27) ведет ведомственный реестр зарегистрированных некоммерческих организаций, в том числе отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций, реестр национально-культурных автономий, реестр филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, реестр представительств иностранных религиозных организаций, открытых в Российской Федерации, государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, реестр государственных нотариальных контор и контор нотариусов, занимающихся частной практикой, реестр адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации; ведет реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, реестр некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг, принимает решения о включении в них либо об исключении из них некоммерческих организаций; ведет реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, принимает решения о включении в него либо об исключении из него иностранных средств массовой информации;

30.32) проводит мониторинг деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов управления государственных

внебюджетных фондов, органов местного самоуправления, государственных юридических бюро, адвокатских палат субъектов Российской Федерации и негосударственных центров бесплатной юридической помощи по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи и правовому просвещению населения;

– утверждает форму соглашения об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами, являющимися участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, заключаемого органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью, с адвокатской палатой субъекта Российской Федерации;

– утверждает форму отчета адвокатов об оказании бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, направляемого в адвокатскую палату субъекта Российской Федерации, и устанавливает сроки его представления;

– утверждает форму сводного отчета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, направляемого в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью».

Данные установления находят свое отражение в положениях ФЗ «Об адвокатской деятельности...» (ч. 6 ст. 2, ч. 2 ст. 6, ч. 3 ст. 6.1, п. 2 ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 3 ст. 37.1, ч. 2–5 ст. 40, ч. 1–3 ст. 41, ч. 1 ст. 42, ч. 5, 7, 10, 14, 18 ст. 43) и КПЭА (ч. 2 ст. 18.1, ч. 1 ст. 20).

Наиболее значимыми из приведенных выше задач являются участие представителей Министерства юстиции РФ в деятельности квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов РФ, в деятельности КЭС ФПА РФ, а также возможность инициировать дисциплинарное производство в отношении адвоката.

В юридической литературе подчеркивается, что «наделение Министерства юстиции РФ некоторыми контрольными функциями не противоречит мировой практике и не лишает адвокатуру самостоятельности в решении важнейших вопросов своей внутренней жизни. Правовые условия независимости адвокатуры России не только отвечают общепринятым мировым стандартам, но во многом превосходят их» [14].

Наряду с этим, в силу положений ст. 4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Следовательно, адвокаты, в том числе являющиеся членами органов корпоративного управления, несут уголовную ответственность наравне с иными гражданами, на них распространяют свое действие положения УК РФ и УПК РФ и, соответственно, полномочия государственных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, а также рассмотрение уголовных дел.

При этом в целях обеспечения независимости адвокатуры в нормах УПК РФ на основании п. 8 ч. 1 ст. 447 предусмотрены некоторые особенности производства по уголовным делам в отношении адвоката.

Эти особенности проявляются следующим образом:

– решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката либо о привлечении его в качестве обвиняемого принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ);

– проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения (ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности...»);

– установлено обязательное присутствие при производстве обыска, выемки и осмотра в отношении адвоката специально уполномоченного представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а также обязательные требования к основаниям и порядку обыска (выемки, осмотра) и решениям об их производстве (ст. 450.1 УПК РФ).

Значение установления особого порядка производства по уголовным делам в отношении определенных УПК РФ лиц, в том числе адвокатов, в Определении Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 392-О «По запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 9 части первой, частей второй и третьей статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» объясняется тем, что оно имеет своей целью «обеспече-

ние беспрепятственного исполнения указанными лицами своих профессиональных либо иных обязанностей, их независимости и самостоятельности, а также исключение попыток необоснованного привлечения к уголовной ответственности; повышенные гарантии неприкосновенности этих лиц обусловлены их особым правовым статусом и являются важным условием защиты публичных интересов, связанных с характером выполняемых ими профессиональных функций».

В актах Конституционного Суда РФ указывается, что «п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре не устанавливает неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, поскольку она предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех ОРМ и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности – к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния, как не совместимого со статусом адвоката» (определения КС РФ от 22 марта 2012 г. № 629-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1472-О, от 22 апреля 2014 г. № 732-О, кассационное определение ВС РФ от 26 июля 2012 г. № 47-012-30 сп-а и другие). Поскольку Закон об адвокатуре предусматривает более широкие гарантии для адвоката как лица, обладающего особым правовым статусом, следовательно, в данном случае указанный Закон должен иметь приоритет перед УПК РФ, поскольку при коллизии между общим и специальным актами применяется последний. Кроме того, как указал Конституционный Суд РФ, ст. 7 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не исключает применение в ходе производства процессуальных действий норм иных – помимо УПК РФ – законов, если этими нормами закрепляются гарантии прав и свобод участников соответствующих процессуальных действий» (абз. 6 п. 2 определения КС РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О) [1].

Если говорить о конкретном смысловом содержании принципа независимости адвокатуры, то результаты ранее проведенных исследований по этому вопросу показывают, что с организационной точки зрения независимость адвокатуры определяется следующими взаимосвязанными и взаимообусловленными характеристиками:

– тем, что она не является государственной организацией, и её члены не являются государственными служащими;

– самостоятельностью в принятии решений о приёме членом в адвокаты;

– формированием кадрового состава руководящих органов;

– разработкой КПЭА, методических рекомендаций по вопросам профессиональной деятельности;

– наличием исключительного права на привлечение к дисциплинарной ответственности адвокатов за нарушение норм КПЭА;

– наличием права обращения в суд в защиту прав и свобод членов адвокатского сообщества;

– независимостью адвокатских образований (адвокатских кабинетов, коллегий адвокатов, адвокатских бюро, юридических консультаций адвокатского кабинета) друг от друга в целом и от органов адвокатского самоуправления в частности [7, 12].

Наряду с организационными характеристиками независимости адвокатуры исследователи выделяют и экономические элементы, такие как:

– автономность формирования собственного бюджета и самостоятельность в решении вопросов экономического характера;

– свобода установления гонорарной политики адвокатами;

– формирование имущественной основы и финансирование адвокатских палат субъектов РФ, ФПА РФ (посредством палат), а также адвокатских образований и общественных объединений адвокатов за счёт отчислений – денежных средств, вносимых самими адвокатами [7].

Важной гарантией независимости Федеральной палаты адвокатов и АП субъектов РФ является тот факт, что они защищены от каких-либо структурных изменений (не подлежат реорганизации) и ликвидации с момента своего формирования, если иное не предусмотрено федеральным законодательством, а также то, что палаты первоначально создали себя сами.

В то же время в научных работах обосновано отмечается, что предусмотренный Законом принцип независимости адвокатуры не имеет однозначно понимаемого нормативного закрепления в Законе в части разграничения полномочий по управлению адвокатурой между государством и адвокатурой и делает возможным произвольное изменение и / или применение Закона [10].

На основании вышеизложенного необходимо прийти к следующим выводам.

1. Независимость адвокатуры представляет собой обеспеченное на уровне закона правовое состояние адвокатов, органов корпоративного управления адвокатурой и адвокатских образований, при котором они наделены исключительным правом в решении вопросов самоуправления,

саморегуляции и экономической самостоятельности. При этом принцип независимости адвокатуры не означает ее абсолютной независимости, поскольку этот принцип ограничен сущностным содержанием принципа законности.

Принцип независимости адвокатуры не имеет нормативного закрепления в Законе в части разграничения полномочий по управлению адвокатурой между государством и адвокатурой, что делает возможным произвольное изменение и (или) применение закона, а также произвольное толкование закона в части содержания этого принципа.

Принципом адвокатуры, применительно к адвокату, является не «независимость», а профессиональная самостоятельность (автономность).

2. Принцип независимости адвокатуры в законодательстве и практике его применения находит двойное содержание, состоящее в обеспечении организационно-правовых и экономико-правовых гарантий независимости адвокатских образований и органов корпоративного управления адвокатурой, которые также призваны обеспечивать независимость адвоката.

К организационно-правовым гарантиям независимости адвокатуры относятся следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные характеристики:

– адвокатура не является государственной организацией, и её члены не являются государственными служащими;

– самостоятельность в принятии решений о приёме в адвокатуру претендентов на получение статуса адвоката;

– самостоятельное формирование кадрового состава органов корпоративного управления;

– самостоятельная разработка КПЭА, методических рекомендаций по вопросам профессиональной деятельности;

– наличие исключительного права на привлечение к дисциплинарной ответственности адвокатов за нарушение норм КПЭА;

– наличие у ФПА РФ права на обращение в суд в защиту прав и свобод членов адвокатского сообщества, что не исключает возможности совершения аналогичных действий со стороны адвокатов, адвокатских образований, АП субъектов РФ, общественных объединений адвокатов;

– независимость адвокатских образований (адвокатских кабинетов, коллегий адвокатов, адвокатских бюро, юридических консультаций адвокатского кабинета) друг от друга и от органов корпоративного управления адвокатурой;

– учреждение АП субъектов РФ адвокатами, учреждение ФПА РФ АП субъектов РФ;

– установление в законодательстве защиты АП субъектов РФ и ФПА РФ от каких-либо структурных изменений и ликвидации.

К экономико-правовым гарантиям независимости адвокатуры относятся следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные характеристики:

– автономность формирования собственного бюджета и самостоятельность в решении вопросов экономического характера;

– свобода установления гонимой политики адвокатами;

– формирование имущественной основы и финансирование АП субъектов РФ, ФПА РФ, а также адвокатских образований и общественных объединений адвокатов за счёт отчислений – денежных средств, вносимых самими адвокатами.

Однако при этом совершение любых описанных выше действий должно в полной мере соответствовать закону, а в случае выявления несоответствия этих действий закону в отношении лиц, органов или организаций могут быть применены меры воздействия со стороны государственных органов.

3. Элементами контроля и надзора за организацией и деятельностью адвокатуры, в силу положений законодательства не нарушающими принцип независимости адвокатуры, является установленная законом деятельность следующих государственных органов:

– суда (в части обжалования действий и решений органов корпоративного управления адвокатурой, органов управления адвокатскими образованиями и участия в работе квалификационных комиссий, функционирующих в составе АП субъектов РФ);

– Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов (в части возможности инициирования возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката, ведения реестров адвокатов, установления формы адвокатского запроса, формы ордера, формы удостоверения адвоката и порядка выдачи удостоверений, участия в работе квалификационных комиссий АП субъектов РФ и КЭС ФПА РФ, контроля и надзора за соблюдением законодательства РФ адвокатами, адвокатскими образованиями и адвокатскими палатами, проведения мониторинга деятельности адвокатских палат и адвокатских образований, утверждения форм документов и отчетов, связанных с оказанием бесплатной юридической помощи);

– законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ (участие представителей в составе квалификационной комиссии АП субъекта РФ);

– Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (участие представителей в составе КЭС ФПА РФ);

– Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (участие представителей в составе КЭС ФПА РФ).

4. В силу содержания ст. 4 УК РФ адвокаты, в том числе и адвокаты, являющиеся членами органов корпоративного управления адвокатурой, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

При этом в положениях ФЗ «Об адвокатской деятельности...» и УПК РФ установлены процессуальные гарантии, направленные на обеспечение независимости адвоката и адвокатуры.

В связи с этим соответствующая требованиям закона деятельность государственных органов (в первую очередь Следственного комитета РФ) в пределах их полномочий, направленная на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых адвокатами, в том числе адвокатами, которые являются членами органов корпоративного управления адвокатурой, не может быть признана посягательством на независимость адвокатуры.

Пристатейный библиографический список

1. <http://old.advgazeta.ru/rubrics/8/1445>.
2. <https://472.slovaronline.com/430-независимость>.
3. <https://845.slovaronline.com/880-независимость>.
4. https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3299957&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1.
5. <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/5959-НЕЗАВИСИМОСТЬ>.
6. Бойков А.Д. Статус адвоката: содержание, квалификационные требования и принципы адвокатской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.
7. Дабижа Т.Г. Обеспечение гарантий независимости адвокатской деятельности и адвокатуры: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 13–14.
8. Иванов А.В. Гарантии независимости адвокатов и пути их совершенствования // Евразийская адвокатура. 2014. №6 (13) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-nezavisimosti-advokatov-i-puti-ih-sovershenstvovaniya>.

9. Кучерена А.Г. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». М.: Деловой двор, 2009.

10. Пospelov O.B. Формы адвокатских образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8–9.

11. Резник Г.М. Закон об адвокатуре как жертва конфликта интересов // Рос. юстиция. 1998. № 3. С. 24.

12. Степашина М.С. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под ред. А.М. Смушкина, В.Н. Барбарич. 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Шакиров Т.Р. Международные стандарты независимости и подотчетности адвокатов // Евразийская адвокатура. 2013. №6 (7) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-standarty-nezavisimosti-i-podotchetnosti-advokatov>.

14. Яртых И.С. Функции и правовой статус адвокатуры и ее общественных объединений в условиях формирования гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

References (transliterated)

1. <http://old.advgazeta.ru/rubrics/8/1445>.
2. <https://472.slovaronline.com/430-nezavisimost>.
3. <https://845.slovaronline.com/880-nezavisimost>.
4. https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3299957&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1.
5. <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/5959-NEZAVISIMOST>.

6. Bojkov A.D. Status advokata: sodержanie, kvalifikacionny`e trebovaniya i principy` advokatskoj deyatel`nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. S. 19.

7. Dabizha T.G. Obespechenie garantij nezavisimosti advokatskoj deyatel`nosti i advokatury`: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. S. 13–14.

8. Ivanov A.V. Garantii nezavisimosti advokatov i puti ix sovershenstvovaniya // Evrazijskaya advokatura. 2014. №6 (13) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-nezavisimosti-advokatov-i-puti-ih-sovershenstvovaniya>.

9. Kucheren A.G. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii». M.: Delovoj dvor, 2009.

10. Pospelov O.V. Formy` advokatskix obrazovanij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 8–9.

11. Reznik G.M. Zakon ob advokature kak zhertva konflikta interesov // Ros. yusticiya. 1998. № 3. S. 24.

12. Stepashina M.S. Kommentarij k Federal`nomu zakonu «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» / pod red. A.M. Smushkina, V.N. Barbarich. 2008. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

13. Shakirov T.R. Mezhdunarodny`e standarty` nezavisimosti i podotchetnosti advokatov // Evrazijskaya advokatura. 2013. №6 (7) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-standarty-nezavisimosti-i-podotchetnosti-advokatov>.

14. Yarty`x I.S. Funkcii i pravovoj status advokatury` i ee obshhestvenny`x ob`edinenij v usloviyax formirovaniya grazhdanskogo obshhestva v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2009.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- ✓ Законопроекты
- ✓ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- ✓ Пресс-релизы
- ✓ Юридические статьи
- ✓ Юридические вузы
- ✓ Юридическая школа в лицах
- ✓ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ✓ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Гольцов А.Т.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ – «ИНДИКАТОР» РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цель: Исследование влияния универсального принципа уголовного судопроизводства – презумпции невиновности на построение задач, принципов и институтов российского уголовного судопроизводства, архитектуры его норм и правил.

Методология: Использовались всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты: Статья посвящена актуальным вопросам российского уголовно-процессуального права. Презумпция невиновности рассматривается автором под определенным углом: с точки зрения связи фундаментального принципа уголовного судопроизводства с назначением уголовно-процессуальной деятельности (ее целями и задачами). В результате исследования сформулирован ряд имеющих важное теоретическое и практическое значение выводов. Достижение обозначенных в уголовно-процессуальном законе целей не является самоцелью уголовно-процессуальной деятельности. Реализация назначения уголовного судопроизводства должна соотноситься с удовлетворенностью социальных потребностей в уголовно-процессуальной сфере. Правила, составляющие содержание презумпции невиновности, подразумевают построение задач уголовного судопроизводства по иерархическому принципу. Соответствие сформулированного в УПК РФ назначения уголовного судопроизводства обозначенному в правилах презумпции невиновности содержанию составляет немаловажное условие для амплификации их восприятия в практической деятельности органов предварительного расследования и суда во всех инстанциях.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой степенью научной ценности, поскольку представляет собой оригинальную попытку изучить воздействие принципов уголовного судопроизводства на его назначение (цели, задачи).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, презумпция невиновности, назначение уголовного судопроизводства, принципы уголовного судопроизводства.

Goltsov A.T.

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE – AN «INDICATOR» OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Purpose: To Study the impact of the universal principle of criminal justice-the presumption of innocence on the construction of tasks, principles and institutions of Russian criminal justice, the architecture of its rules and regulations.

Methodology: General scientific and private scientific methods were Used.

Results: The Article is devoted to topical issues of Russian criminal procedure law. The presumption of innocence is considered by the author from a certain angle: from the point of view of the connection of the fundamental principle of criminal proceedings with the purpose of criminal procedural activity (its goals and objectives). The study resulted in a number of important theoretical and practical conclusions. Achievement of the purposes designated in the criminal procedure law-is not an end in itself of criminal procedure activity. The implementation of the purpose of criminal proceedings should be correlated with the satisfaction of social needs in the criminal procedure sphere. The rules constituting the content of the presumption of innocence imply the construction of tasks of criminal proceedings on a hierarchical basis. The line formulated in the code of criminal procedure indicated in the rules of the presumption of innocence content is an important condition for the amplification of perception in practical activities of bodies of preliminary investigation and trial in all instances.

Novelty/originality/value: The Article has a high degree of scientific value, as it is an original attempt to study the impact of the principles of criminal proceedings on its purpose (goals, objectives).

Keywords: criminal proceedings, presumption of innocence, purpose of criminal proceedings, principles of criminal proceedings.

Правила презумпции невиновности являются составной частью нормативного устройства российского уголовного судопроизводства. Законодательная модель уголовного судопроизводства включает презумпцию невиновности с суммой составляющих ее правил в качестве своего обязательного компонента. Официальное признание презумпции невиновности, введение ее в качестве принципа в один ряд с другими принципами уголовно-процессуального законодательства оказывается все же недостаточным

для сколько-нибудь надежного вывода о качестве самого уголовного судопроизводства. Существенным является такое функционирование уголовного судопроизводства, которое включает в том числе презумпцию невиновности со всеми ее правилами в структуру своего фактического порядка, делает ее неотъемлемым элементом, без которого осуществление уголовного судопроизводства в практической деятельности правоохранительных органов и суда становится юридически недопустимым. Нужно отметить то важное

обстоятельство, что презумпция невиновности не содержит в своих правилах требований институционального характера. Другими словами, в презумпции невиновности ничего не говорится о том, в какой процедуре должен разворачиваться уголовный процесс, каковы правила той процедуры, в которой должно осуществляться доказывание и судебное разбирательство.

Если опустить юридическую значимость презумпции невиновности (как фундаментального правового принципа, в котором аккумулирована гамма уголовно-процессуальных гарантий), можно обратить внимание на то, что в правилах презумпции невиновности предпринята попытка «ввести» уголовно-процессуальную деятельность в «рациональную» форму – в частности, через формализацию правового положения обвиняемого (подозреваемого) в качестве невиновного (своего рода «исходный пункт» в деятельности органов обвинения и суда), распределение бремени доказывания и опровержения доводов стороны защиты, закрепление правила об истолковании в пользу обвиняемого (подозреваемого) неустрашимых (и неустрашенных) сомнений в его виновности.

Уголовное судопроизводство можно представить как вид деятельности, общий для организационно и функционально обособленных субъектов – выражаясь языком социологических теорий, «агентов» социальной системы (в первую очередь, органов уголовного преследования и суда, а также адвокатуры). Возникающий в процессе их взаимодействия организационный порядок характеризуется прежде всего рациональным содержанием своих правил, что предполагает их де-субъективизацию – абстрагирование от индивидуальных особенностей участников уголовно-процессуальных отношений. Первостепенное значение в организационном порядке приобретает качество его целесообразности, под которым понимается степень соответствия организационных отношений целям уголовного судопроизводства. Организационный порядок, частью которого являются правила презумпции невиновности, интенционально направлен на преобразование уголовного судопроизводства в рациональную конструкцию, в которой до известного предела редуцируются персонализированные отношения.

К примеру, в презумпции невиновности эксплицитно не выражен тот «субъект», который «считает обвиняемого невиновным».

По мнению М.С. Строговича, «презумпция невиновности вовсе не является выражением субъективного мнения того или другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности, она яв-

ляется выраженным в законе объективным правовым положением» [3, с. 66–67].

Термин «невиновный» в контексте презумпции приобретает значение самостоятельного уголовно-процессуального статуса. Обвиняемый (подозреваемый) считается невиновным (наделяется статусом невиновного) автоматически, без специального вынесенного постановления, в силу самого факта уголовного преследования, направленного на проверку его причастности. Презумпция невиновности не запрещает вести против обвиняемого (подозреваемого) избличительную деятельность, предъявлять обвинения, применять до суда меры уголовно-процессуального принуждения. Иначе говоря, органы уголовного преследования не лишаются правовой возможности «считать» обвиняемого (подозреваемого) причастным к инкриминируемому ему преступлению, в противном случае предъявление обвинения, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного подозреваемого, вручение ему уведомления о подозрении не имело бы разумного основания.

Следует сказать, что в юридической литературе положения, составляющие содержание правил презумпции невиновности, в своей полноте и всесторонности в достаточной мере проанализированы. В настоящей статье нет необходимости рассматривать все возможные импликации данного принципа. Наиболее интересными и реже всего встречающимися в научно-практической литературе являются попытки охарактеризовать презумпцию невиновности в определенном отношении – в аспекте ее связи с назначением уголовного судопроизводства. Формализация уголовно-процессуальной деятельности, подчинение ее организационного порядка общим задачам уголовного судопроизводства придает обозначенному в работе вопросу чрезвычайно актуальное значение.

Презумпцию невиновности нельзя отнести к «нейтральным» для уголовного судопроизводства принципам. Содержание составляющих ее правил ангажирует выбор законодателем той или иной модели уголовного судопроизводства. Реализация презумпции невиновности в практике органов уголовного преследования и суда подразумевает такое построение задач уголовного судопроизводства, при котором их осуществление должно выполняться по определенному иерархическому принципу.

Несмотря на то, что стоящие перед уголовным судопроизводством задачи носят в своей сущности полярный характер (защита пострадавших от преступлений и защита обвиняемых от незакон-

Таблица 1

НЕВИНОВНЫЕ (по смыслу ст. 14 УПК РФ)			
виновность не доказана		невиновность доказана	
преступление в действительности совершили	преступления в действительности не совершали	преступления в действительности не совершали	преступление в действительности совершили

ного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности), в УПК РФ «назначение» уголовного судопроизводства сформулировано безотносительно к вопросу об их первостепенной значимости, а в ч. 2 ст. 6 УПК РФ вообще декларируется их юридическая паритетность. Необходимость структурирования задач уголовного судопроизводства и определения их относительной значимости в уголовно-процессуальной деятельности органов обвинения и суда продиктована как раз этим противоположным характером интересов. Критерием при определении иерархии задач должна выступать не законодательная формулировка «назначения» уголовного судопроизводства, а ценность самих объектов охраны, которые оказываются в орбите уголовно-процессуальной деятельности.

Правила презумпции невиновности не подвержены конъюнктурным колебаниям, характерологически устойчивы, как бы ни менялся вектор уголовной или общесоциальной политики. Это дает право с полным основанием поставить вопрос об адекватности целей уголовного судопроизводства обозначенному в правилах презумпции невиновности содержанию.

М.С. Строгович справедливо подчеркивал, что «принципы уголовного процесса не следует представлять как какие-то отвлеченные, априорные положения, из которых путем логической дедукции можно вывести все процессуальные формы и институты» [2, с. 72]. Принципы не являются, таким образом, неким «строительным материалом», «кирпичиками», из которых возводится здание институтов уголовного судопроизводства.

Презумпция невиновности «не участвует» в построении институтов уголовного судопроизводства, его задач. Для уголовного судопроизводства принцип презумпции невиновности не носит онтологического или естественнонаучного характера. Инкорпорирование презумпции невиновности в отечественную систему уголовного судопроизводства обусловлено сменой его мировоззренческой парадигмы. Презумпция невиновности носит автономный от назначения уголовного судопроизводства в его нормативно-определенном выражении характер. С этого ракурса презумпция невиновности может рассматриваться, с одной стороны, как своего рода «индикатор» избранной законодателем «интона-

ции» (репрессивной или охранительной), а с другой – служить целям критического осмысления задач уголовного судопроизводства, его принципов и институтов.

Подразумеваемый термином «невиновность» смысл схематично можно проиллюстрировать следующим образом (табл. 1).

В таблице 1 наглядно продемонстрировано, что презумпция невиновности не гарантирует достоверности вывода о действительной виновности или невиновности обвиняемого (подозреваемого). В каждой из «подгрупп» те, кто преступление мог совершить в действительности, но по каким-то причинам их виновность была не доказана либо была доказана их невиновность. С точки зрения презумпции невиновности, доказанная невиновность означает, что виновность доказана не была.

В чем причина такого положения дел, почему формула презумпции невиновности не создает стопроцентных гарантий, не дает надежного вывода о действительной виновности или невиновности? Ответ на поверхности: презумпция связывает решение вопроса о виновности не с самим фактом совершения преступления, а с тем, доказано ли, что преступление совершено обвиняемым (подозреваемым). В решении вопроса о виновности определяющую роль в виде некоего «промежуточного слоя» между фактом совершения преступления и признанием обвиняемого виновным играют доказательства.

Ход рассуждения по презумпции невиновности имеет форму логического условно-категорического силлогизма:

- (1) Если «А» есть «В», то «С» есть «D»
- (2) «А» есть «В»
- (3) «С» есть «D»

где первое положение выполняет роль большей посылки, второе – меньшей, а третье является выводом, заключением из обеих посылок.

- (1) Пока виновность («А») не доказана в предусмотренном законом порядке и не установлена вступившим в законную силу приговором суда («В»), обвиняемый («С») считается невиновным («D»)

- (2) Виновность («А») не доказана в предусмотренном законом порядке и не установлена вступившим в законную силу приговором суда («В»)
- (3) Обвиняемый («С») считается невиновным («D»)

Из приведенных схем видно основное по формуле презумпции невиновности правило: «недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности». В п. 20 ст. 5 УПК РФ схожая формулировка касается понятия непричастности – неустановленной причастности либо установленной непричастности лица к совершению преступления.

«Вывод» о том, что «обвиняемый невиновен», является в конструкции силлогизма следствием из положения о том, что «виновность не доказана», которое выступает здесь основанием. Условно-категорический силлогизм имеет свои правила вывода, относящиеся отдельно к «основанию» силлогизма и отдельно к «следствию».

А. Правила, относящиеся к «основанию» (Если «А» есть «В»):

1. «Истинность» основания означает «истинность» следствия («виновность не доказана» – «обвиняемый считается невиновным», хотя в действительности мог преступление совершить (Sic!));

2. «Ложность» основания не означает «ложности» следствия, оно может быть «истинным» («виновность доказана» – из этого нельзя категорично утверждать еще, что обвиняемый виновен в инкриминируемом ему преступлении (Sic!), он может быть в действительности невиновным).

В. Правила, относящиеся к «следствию» («С» есть «D»):

1. «Ложность» следствия означает «ложность» основания (обвиняемый совершил инкриминируемое ему преступление – виновность может быть доказана, может быть доказана его невиновность (Sic!));

2. «Истинность» следствия не означает «истинности» основания, оно может быть «ложным» («обвиняемый по-прежнему невиновен» – возможны варианты: может быть положительно доказана его невиновность, или виновность так и не будет доказана, или может быть доказана его виновность (Sic!)).

Роль, которую доказательства должны выполнять для «срабатывания» каузальной связи между основанием и следствием в формуле презумпции невиновности, не наделяет сам вывод о виновности (как, впрочем, и, наоборот, о невиновности) характером аподиктической («научно необходи-

мой») или асертторической («эмпирически установленной») достоверности. Как отсутствие доказательств не означает, что преступления не было или оно не было совершено подозреваемым (обвиняемым), так и наличие доказательств (что гораздо острее для понимания вопроса) не является абсолютной гарантией того, что преступление имело место в действительности или совершено конкретным подозреваемым (обвиняемым).

Приведенные схемы силлогизма и правила получения вывода из него раскрывают с логической стороны содержание таблицы 1: речь идет о том, что презумпция невиновности не может служить абсолютным препятствием для того, чтобы обвиняемый, в действительности совершивший преступление, не мог избежать уголовной ответственности. В презумпции невиновности акцент сделан на защите невиновного – обвиняемого, который в действительности преступления мог и не совершать. По смыслу презумпции невиновности «лучше оправдать «виновного (в действительности совершившего преступление)», чем осудить хотя бы одного «невиновного» (в действительности не совершавшего преступление)».

Логическое содержание презумпции невиновности позволяет прийти к парадоксальным выводам: виновность в действительности невиновного может быть доказана, с другой стороны, может быть доказана невиновность в действительности виновного. Для презумпции невиновности доказанная виновность в действительности невиновного более принципиальная ошибка, означающая нарушение самого принципа. С чем может быть связана возможность такой ошибки? Очевидно, с тем обстоятельством, что доказательства в уголовном судопроизводстве являются своего рода артефактическим элементом уголовно-процессуальной деятельности. Их «появление» в уголовном деле обусловлено процессом доказывания – их собирания, проверки и оценки. Положения презумпции невиновности не охватывают собой правила доказывания, которые находятся как бы за рамками формулы презумпции невиновности.

То же самое можно сказать и об организации уголовного судопроизводства в целом и его стадий: «запас прочности» в презумпции невиновности должен обеспечиваться надлежащим соблюдением требования о том, чтобы виновность была доказана «в установленном законом порядке». Однако порядок уголовного судопроизводства, его досудебной части и стадий судебного производства (их абрис и конкретное выражение) не находятся в зависимом от презумпции невиновности положении.

Презумпция невиновности относится к ряду опровержимых юридических презумпций, не имеющих статистической природы. В презумпции невиновности никак не выражена какая-либо фактическая или статистическая «закономерность». В противном случае следовало бы говорить о действии презумпции виновности – исходя из наблюдений статистического ряда (абсолютно большом количестве обвинительных приговоров в эмпирическом выражении). Кстати говоря, это обстоятельство в качестве одного из возможных объяснений может служить причиной того, что фактически выполняемой в практическом отношении презумпцией является как раз не презумпция невиновности, а ее антипод. Не случайно в напутственном слове присяжным заседателям должна быть разъяснена сущность презумпции невиновности. Презумпция невиновности призвана противостоять тому предвзятому или предубежденному, как правило, общественно разделяемому мнению о виновности, которое каждый раз эпифеноменом сопровождает сам факт начала уголовного преследования. Начало уголовного преследования и продолжение его осуществления в отношении конкретного лица еще до того, как будут полно собраны и исследованы обвинительные доказательства, уже ставит под сомнение его невиновность. Длительные или неопределенные сроки производства по уголовному делу вступают в контрастирующее противоречие с содержанием презумпции невиновности, поскольку «держат» окончательное решение вопроса о виновности в подвешенном («промежуточном») состоянии. Статус «невиновного» подразумевает необходимость завершения производства по уголовному делу в отношении конкретного обвиняемого (подозреваемого) в «разумные» сроки. Иное по существу означало бы превращение уголовного преследования в форму известного инквизиционного уголовному процессу решения об «оставлении подсудимого в подозрении», что несовместимо с юридической определенностью статуса обвиняемого (подозреваемого). «Значение (решения об оставлении в

подозрении – авт.) состояло в том, что, хотя подсудимый освобождался, но он не считался оправданным и против него во всякое время, при изменившихся обстоятельствах, могло быть вновь начато дело. Такой посредствующий неопределенный ответ (о недоказанности обвинения как основании для вынесения решения «об оставлении в подозрении» – авт.) был принят следственным порядком потому, что он стремился прежде всего к материальной истине, интересы которой ставились выше практических интересов, возникающих в уголовном деле» [4, с. 343]. «Оставление подсудимого в подозрении – выдумка канонистов, заимствованная Россией из Германии, есть явный признак несостоятельности законной теории доказательств. Оставление в подозрении не лишает, правда, подсудимого ни жизни, ни свободы личной, ни имущества, но оно влечет за собою весьма чувствительные ограничения в правах гражданских, главное – пятнает его честь, подвергает его на всю будущность бремени тяжкого обвинения» [1, с. 50].

Презумпция невиновности «защищает» своим понятием широкий круг субъектов – как тех, кто непричастен к совершению преступления, так и тех, кто в действительности преступление мог совершить. Давняя полемика о назначении уголовного судопроизводства должна решаться одним единственно-возможным в такой ситуации способом – путем выбора в пользу тех ценностей, которые имеют наибольшее значение для данного общественно-политического строя.

Презумпции невиновности противостоит только один вид опровержимой юридической презумпции – презумпция виновности. Смена «матрицы» не изменит распределения действительно совершивших преступление и в действительности невиновных по группам, однако приведет к смещению акцента. Если в презумпции невиновности должна быть доказана виновность (обвиняемый считается невиновным), то в презумпции виновности доказыванию подлежит невиновность обвиняемого (подозреваемого), поскольку его виновность «предполагается».

Таблица 2

ВИНОВНЫЕ (по смыслу презумпции виновности)			
виновность не доказана		невиновность доказана	
преступление в действительности совершили	преступления в действительности не совершали	преступления в действительности не совершали	преступление в действительности совершили

Схематично содержание презумпции виновности можно проиллюстрировать следующим образом (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что смена парадигмы не исключает, уже наоборот (по сравнению с презумпцией невиновности), возможности осужде-

ния тех, кто в действительности преступления не совершал, лишь бы только не был оправдан обвиняемый, в действительности преступление совершивший. К невиновным (в данном случае под ними будут подразумеваться те, чья невиновность доказана в установленном законом порядке) по-прежнему относятся обвиняемые (подозреваемые), преступления не совершавшие, а также обвиняемые (подозреваемые), которые могли участвовать в совершении преступления, но их невиновность была доказана. Отказ от презумпции невиновности не влечет за собою изменения в характере вывода – противоположная презумпция также не «гарантирует» достоверного решения вопроса о виновности или невиновности обвиняемого (подозреваемого).

Презумпция невиновности не имеет гносеологического характера: она наделяет статусом невиновного каждого, в отношении кого начато или продолжается уголовное преследование – независимо от того, могло ли преступление быть в действительности совершено или нет. «Познавательные функции» презумпции невиновности существенно ограничены «суммой» составляющих ее правил, квинтэссенцией которых является положение о том, что виновность должна быть доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Отсутствие доказательств виновности – достаточное, само по себе формальное, условие для невиновности обвиняемого (подозреваемого) в соответствии с правилами презумпции невиновности.

Презумпция невиновности призвана рационализировать форму субъективной уверенности лица, принимающего ключевые решения по уголовному делу (о привлечении в качестве обвиняемого, об утверждении обвинительного заключения, о вынесении приговора). В отличие от легальной (формальной) теории доказательств, при которой судья вынужден был выносить приговор вопреки внутреннему убеждению и фактическому положению дел, правила, составляющие содержание презумпции невиновности, выступают условиями свободной оценки доказательств по своему внутреннему убеждению – в том числе сформированному путем устранения в предусмотренном законом порядке сомнений в виновности обвиняемого.

Противоположный (в определенной степени – даже антагонистический) характер интересов полярных участников уголовного судопроизводства – потерпевших и обвиняемых (подозреваемых) – обуславливает необходимость построения

иерархии охватываемых понятием назначения уголовного судопроизводства задач. Достоверное установление виновности выступает гарантией того, что в действительности невиновный (не причастный к совершению преступления) не будет привлечен к уголовной ответственности. «Запас прочности» в защите интересов обвиняемых (подозреваемых) обеспечивается требованиями о соблюдении процессуальной формы при осуществлении доказывания и ведении уголовного преследования и суда. Защита пострадавших (потерпевших) для уголовного судопроизводства имеет производный от основных задач характер.

На схеме изображена «лестница» задач. По презумпции невиновности первое место в иерархии отводится недопустимости осуждения и наказания тех, кто в действительности преступления не совершал.

Доказанность виновности обвиняемого и признание его виновным «связаны» в презумпции как основание и следствие – следствием того, что виновность обвиняемого доказана, является признание его виновным в инкриминируемом преступлении. Между тем выше было показано, что их «истинность» и «ложность» в структуре суждения между собой не так однозначно связаны: «истинность» следствия не означает «истинности» основания, а «истинность» основания еще не означает, что обвиняемый в действительности не причастен к совершению преступления. В формуле презумпции невиновности причинно-следственное объяснение между фактом совершения преступления и виновностью обвиняемого может только гипотетически подразумеваться, вот почему не доказанная по презумпции вино-

вность в этом «мысленном уравнении» считается тождественной доказанной невиновности обвиняемого. «Увидеть» действительную виновность или невиновность обвиняемого как некое «очевидно-истинное положение дел» в уголовном судопроизводстве не представляется возможным. Необходимость, с одной стороны, доказать виновность обвиняемого, а с другой – доказать ее в предусмотренном законом порядке, защищая в виде следующего уровня задач от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности любого, против кого осуществляется уголовное преследование, безотносительно к тому, совершено им фактически преступление или нет, – выступает условием обеспечения задач более высокого, первого, уровня.

В презумпции невиновности в концентрированном виде находит выражение общественно-политический манифест. Сам принцип давно стал знаком социальных значений, который символизирует собой радикальный переход типа уголовного процесса – от розыскного (инквизиционного) к состязательному.

Интегративным компонентом уголовного судопроизводства как разновидности социальной системы является его цель – назначение. Описание задач назначения в «логике» выявленных, ис-

ходя из презумпции невиновности, задач – значительный шаг в процессе социализации цели уголовного судопроизводства, сближения ожидаемых от него результатов с общественными потребностями в сфере уголовно-процессуальной деятельности, конгруэнтности составляющих его элементов.

Пристатейный библиографический список

1. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001.
2. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946.
3. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. II.

References (transliterated)

1. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovny`x dokazatel`stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom. M.: LeksE`st, 2001.
2. Strogovich M.S. Ugolovny`j process. M., 1946.
3. Strogovich M.S. Pravo obvinyaemogo na zashhitu i prezumpciya nevinovnosti. M.: Nauka, 1984.
4. Fojniczkij I.Ya. Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. SPb.: Al`fa, 1996. T. II.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА «РУССКИЙ ДОМ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЮРИСТЫ»

«Русский дом» является юридической фирмой и имеет богатый опыт оказания юридических услуг в России и Азии. В офисах «Русского дома», расположенных в основных финансовых центрах РФ, Европы и Азии, работает свыше 100 юристов. Офис фирмы «Русский дом» был открыт в Москве в 2005 г. Здесь работает 15 юристов, в том числе 4 партнера, двое из которых являются гражданами Российской Федерации. Помимо российских специалистов в московском офисе работают юристы из Италии, Люксембурга, Швейцарии, Китайской народной республики, Японии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, ОАЭ.

Специалисты московского офиса имеют уникальный опыт работы во всех сферах финансового, корпоративного, административного, налогового и международного частного права России, Италии, Люксембурга, КНР, Южной Кореи, Японии. Уже более 10 лет в фирме существует специальный отдел, который занимается судебными и арбитражными разбирательствами.

Основными достоинствами «Русского дома» являются наличие богатого опыта заключения коммерческих сделок в Российской Федерации и глубокое понимание российской правовой системы, которые дополняются обширным международным опытом фирмы. «Русский дом» является одной из немногих юридических фирм, предоставляющих весь комплекс юридических услуг своим клиентам.

«Русский дом» имеет богатый опыт консультирования по любым вопросам всех отраслей права.

Юридическая фирма «РУССКИЙ ДОМ Международные Юристы»

Тел. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50

mt@rhlawi.com , www.rhlawi.ru , www.rhlawi.com

Машинникова Н.О., Татьяна Л.Г.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДОПРОИЗВОДСТВА С ПРЕЗУМПЦИЯМИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Цель: Исследование вопросов соотношения особого порядка судебного разбирательства с презумпциями российского уголовного процесса.

Методология: Использовались формально-логический и логико-юридический методы.

Результаты: В статье дана содержательная характеристика особого порядка судопроизводства по уголовным делам; проанализированы пределы судебного усмотрения при особом порядке судопроизводства. Ставится вопрос о том, насколько принцип состязательности, в полной мере реализовавшийся законодателем в упрощённых процедурах уголовного судопроизводства, соответствует и не противоречит иным принципам уголовного процесса при особом порядке рассмотрения уголовных дел.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть особый порядок судопроизводства через презумпции российского уголовного процесса.

Ключевые слова: презумпция, особый порядок судопроизводства, судебное усмотрение, правосудие, истина.

Mashinnikova N.O., Tatyana L.G.

DISCUSSION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SPECIFIC PROCEDURE OF JUDICIAL PROCEEDINGS AND THE PRESUMPTIONS OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Purpose: The study of the relationship between the special procedure of the trial and the presumptions of the Russian criminal process.

Methodology: Formal logical and logical legal methods were used.

Results: The article gives a substantive description of the special procedure of criminal proceedings; the limits of judicial discretion within the special procedure of judicial proceedings are analyzed; the article raises the question of how much the principle of adversarial justice, fully implemented by the legislator in simplified criminal proceedings, is consistent with and does not contradict other principles of the criminal process in the special criminal proceedings.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider the special procedure of legal proceedings through the presumptions of the Russian criminal process. It also considers the peculiarities of the exercise of judicial discretion at the special legal procedure and its limits.

Keywords: presumption, special procedure of legal proceedings, judicial discretion, justice, truth.

Упрощённые процедуры судопроизводства по уголовным делам, как и любые другие, в полной мере должны соответствовать принципам и назначению уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Согласно теории уголовного процесса все его принципы имеют в равной степени определяющее значение и должны применяться в судопроизводстве во всей своей совокупности, поскольку именно их совокупность является гарантом правосудности принятого по делу судебного акта. Всякий перекосяк в сторону любого из закреплённых в тексте закона принципов препятствует правосудию как исключительной форме правоприменения, у которой не только результат (постановленный приговор), но и сам процесс должен обладать набором установленных законом свойств и качеств.

Упрощённые процедуры судопроизводства по уголовным делам выявили наличие конкуренции презумпции невиновности и принципа состязательности в российском уголовном процессе. При этом именно первой обусловлена не-

обходимость установления истины по делу, поскольку в силу презумпции невиновности в ходе расследования необходимо установить событие преступления и причастность к нему лица, которое в нем обвиняется.

Под установлением непричастности (реабилитации невиновных) профессором М.С. Строговичем понималась истина в её уголовно-процессуальном смысле. Так, по его мнению, «истина в правосудии торжествует и тогда... когда невиновный человек реабилитирован, восстановлен в добром имени» [1]. Однако в тексте УПК РФ мы нигде не найдем ни одного упоминания об истине, поскольку именно с ней по абсолютно непонятной причине связывают всю негативную часть инквизиционного следственного процесса. Считается, что активная роль суда при осуществлении правосудия способна нарушить право на защиту подсудимого.

Принято считать, что установление истины по делу препятствует принципу состязательности сторон, который, как это ни парадоксально,

отвечает за процессуальную экономию и эффективность судопроизводства по уголовным делам. На протяжении всего срока действия УПК РФ законодателем проводятся активные действия по упрощению процедур отечественного уголовного судопроизводства. Их характерной особенностью является существенное сужение пределов доказывания.

Отечественный законодатель впервые выбрал путь усиления диспозитивного начала в уголовном процессе, что подразумевает под собой свободное распоряжение сторонами своими процессуальными правами, и поставил тем самым результат судебного разбирательства в зависимости от позиции добросовестности и волеизъявления сторон по делу. Появление особого порядка рассмотрения дела в российском уголовном процессе обусловлено реализацией принципа состязательности, при котором отсутствие спора по фактическим обстоятельствам подразумевает и отсутствие самого «состязания». Признание обвиняемым своей вины и выбор упрощённой формы судопроизводства освобождает орган предварительного следствия либо дознания от полной проверки всех обстоятельств дела.

Согласно ст. 118 КРФ правосудие в России осуществляется только судом. В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор, постановленный по результатам рассмотрения уголовного дела, должен быть законным, обоснованным и справедливым, а значит и правосудным. Достигается это, в том числе посредством того, что виновность / невиновность подсудимого устанавливается судом путем свободной оценки доказательств в рамках предъявленного обвинения на основе внутреннего убеждения.

Так, в соответствии со ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Следовательно, при любой форме уголовного судопроизводства именно суд путём свободной оценки доказательств должен принять решение о виновности / невиновности подсудимого во вменяемом ему преступлении. Как верно указывал профессор М.С. Строгович, основой судебного приговора является живое убеждение судей, активная творческая роль суда в исследовании и оценке каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности [2]. Особый порядок рассмотрения уголовного дела представляет собой поиск компромиссного решения в рамках санкции соответствующей статьи уголовного закона. Функция по установлению вины в

таких видах судопроизводства законодателем отведена на откуп сторонам по делу, которые пришли между собой к какому-то взаимовыгодному друг для друга соглашению. Сутью соглашения является факт признания подозреваемым / обвиняемым вины в совершении вменяемого ему преступления в обмен на получение от государства каких-либо преференций.

При таком порядке рассмотрения уголовного дела усмотрительная деятельность суда отнюдь не направлена на установление наличия либо отсутствия у подсудимого вины и эффективную защиту прав потерпевших, которые закреплены в ст. 6 УПК РФ. Суд лишь определяет меру ответственности за описанное в материалах уголовного дела преступление.

Таким образом, упрощенные процедуры судопроизводства по уголовным делам являются удобным инструментом для суда, поскольку в процессе именно таких видов судопроизводства судебное усмотрение представляет собой мастерство применения «бесплатной» («не токсичной» для самого правоприменителя) дискреции, позволяющей проявить моральные ценности с наименьшим риском для самого правоприменителя. Упрощённая форма производства по уголовному делу заранее предопределяет его содержание и результат, что противоречит определяющему принципу уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ и ст. 8 УПК РФ) – осуществление правосудия только судом.

У суда отсутствует безусловная, закреплённая в законе возможность на вершение правосудия, а именно самостоятельно, путём свободной оценки доказательств решить, причастен или не причастен подсудимый к вменяемому ему преступлению. Кроме того, такая форма производства по уголовному делу ставит судью в зависимость от воли сторон, что, в свою очередь, противоречит принципу независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ) при принятии им решения по делу. Суд лишен безусловного права по собственному усмотрению постановить по делу приговор, который он считает правосудным. Например, если придет к соответствующим выводам, он не может постановить по делу оправдательный приговор.

Гипотетически такая возможность у суда допускается в ч. 6 ст. 316 УПК РФ, однако на деле указанная формулировка вызывает существенные сомнения в возможности её применения на практике. Так, согласно указанной норме, судья по собственной инициативе может вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения

уголовного дела в общем порядке, по результатам которого у суда будет возможность постановить по делу оправдательный приговор. Однако такая конструкция нормы в контексте других норм, которые в своей совокупности и представляют собой упрощенные процедуры судопроизводства по уголовному делу, не способна решить задачу правосудности упрощенных процедур, поскольку она не носит безусловного характера, а наоборот, обусловлена исключениями и оговорками, например, о невозможности перехода в общий порядок в случае, если дело было расследовано посредством сокращённой формы дознания. Отсутствуют в законе методика и основания перехода из одного порядка в другой, что также препятствует его реализации на практике.

Можно долго дискутировать на тему «истинности» в современном уголовном процессе, однако необходимость установления двух основополагающих фактов для возможности привлечения лица к уголовной ответственности неоспорима: это наличие события преступления и причаст-

ность к нему лица, которое в нем обвиняется. Следовательно, у суда должны быть в распоряжении такие инструменты, которые позволят ему сделать это в рамках своей усмотрительной деятельности самостоятельно, независимо, путём свободной оценки доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 41.
2. Строгович М.С. Уголовный процесс, учебник для военных юристов. М.: Издание Военно-юридической Академии Красной Армии, 1941. С. 33.

References (transliterated)

1. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnoogo processa. M.: Nauka, 1968. T. 1. S. 41.
2. Strogovich M.S. Ugolovny`j process, uchebnik dlya voenny`x yuristov. M.: Izdanie Voенно-yuridicheskoy Akademii Krasnoj Armii, 1941. S. 33.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ.

Основными темами саммита являются:

- 1) *LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?*
- 2) *обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;*
- 3) *обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.*

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Степанов К.В.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ДЕФЕКТ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Цель: Формирование уголовно-процессуальных аксиом, не нарушаемых ни гражданами, ни представителями государства.

Методология: Использовались статистические и формально-юридические методы.

Результаты: В статье указаны тезисы, требующие изменения подхода к оправдательным приговорам как дефектам уголовного судопроизводства, в результате чего концепция уголовно-правовой политики реализует последовательность единого духа уголовно-процессуального законодательства.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья содержит обоснование отсутствия должного социального запроса на оправдательные приговоры в современном обществе и, как следствие, на создание такого уголовного процесса, в котором оправдательный приговор рассматривается как существенный дефект работы судебной системы и правоохранительных органов.

Ключевые слова: оправдательный приговор, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, обвинительный приговор, уголовное дело.

Stepanov K.V.

THE ACQUITTAL AS A SIGNIFICANT DEFECT IN THE MODERN CRIMINAL PROCESS

Purpose: The formation of criminal procedural axioms that are not violated either by citizens or representatives of the state.

Methodology: Statistical and formal legal methods were used.

Results: The article outlines the theses requiring a change in the approach to acquittals as defects in criminal proceedings, as a result of which the concept of criminal law policy implements the sequence of a unified spirit of criminal procedure legislation.

Novelty/originality/value: The article shows the profound lack of proper social request for acquittals in modern society and, as a result, the criminal procedure itself is shaped in such manner where an acquittal is considered as a significant imperfection in the work of judicial system and law enforcement agencies.

Keywords: Verdict of acquittal, criminal trial, criminal proceedings, conviction, criminal case.

В 2018 году, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, федеральными судами и мировыми судьями рассмотрено по существу 820 115 уголовных дел, по окончании которых 681 789 человек осуждено, 2 082 человека оправдано и в отношении 1 722 человек было принято решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям [2]. Нисходящая динамика количества оправданных в сравнении с количеством осужденных вовсе не свидетельствует об обвинительном уклоне судей, как верно отмечает Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев [3]. Это отражение гораздо более значимых черт современного судопроизводства.

Легенда отечественной науки уголовного процесса Михаил Соломонович Строгович писал, что оправдательный приговор в советском уголовном процессе – столь же авторитетный, такого же политического, этического и юридического значения акт социалистического правосудия, как и обвинительный приговор [5, с. 45]. Вторя очевидному и безупречному утверждению ученого, современный законодатель разъяснил назначение уголовного процесса: уголовное преследование

и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Оправдательный приговор является наиболее убедительной и юридически состоятельной формой отказа от уголовного преследования невиновных. Но если законодатель формально признал, что обвинительный и оправдательный приговоры юридически равнозначны в обеспечении прав личности, подвергаемой уголовному преследованию, то на практике на каждого оправданного приходится 327 осужденных.

Причины мизерного количества оправдательных приговоров в настоящее время гораздо более сложны и многогранны, чем видится на первый взгляд, и, конечно же, они не только и не столько в обвинительном уклоне судей. Хотя отрицать сам по себе факт существования обвинительного уклона судей, с точки зрения установления истинного знания, бессмысленно. Другие цели такого отрицания (поддержание внутрикорпоративного единства, попытки поднять авторитет представи-

телей судебной системы и прочие) вполне могут быть актуальны для сиюминутной общественной пользы, но в долгосрочной перспективе отрицание правоприменительной проблемы влечет превращение ее в латентную хроническую болезнь. На наш взгляд, обвинительный уклон судей в большей степени симптом, как и незначительное количество оправдательных приговоров в судебной практике, состояния современного уголовного процесса.

Абсолютно прав М.С. Строгович, приговор есть акт, имеющий и политическое, и этическое значение, а это означает, что нельзя рассматривать уголовный процесс в отрыве от остальных видов государственной деятельности и общественных отношений. Соответственно особенности функционирования современных государства и общества проявляются и в уголовном судопроизводстве. Как бы печально ни звучало, но до последнего времени просто отсутствуют должный социальный запрос на оправдательный приговор и необходимая политическая воля. Социальные вспышки, влекущие демонстративное проявление правосудия по резонансным уголовным делам, лишь подтверждают вышеназванный тезис: незначительная часть общества мобилизуется и требует от власти правосудия не по всем уголовным делам, а только по отдельно взятым, получившим наиболее широкое освещение в средствах массовой информации.

При наличии соответствующих социальных запросов и политической воли уголовный процесс России за последние 18 лет развивался совершенно не в тех направлениях, которые были определены Концепцией судебной реформы [6]. Можно по-разному оценивать данный факт, но результат был предсказуем, ведь сама по себе Концепция судебной реформы, утвержденная в 1991 году и подготовленная в духе научных трудов М.С. Строговича, обгоняла время и эволюционно опережала общественное правосознание. Поиски баланса между интересами общества и государства, с одной стороны, и обеспечением прав личности, с другой, привели к огромному множеству изменений уголовно-процессуального законодательства, и в итоге создан эклектический порядок разрешения уголовных дел, не подпадающий под стандартную типологию уголовного процесса. Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит нормы права, фактически не имеющие реального воплощения и остающиеся пустыми декларациями (состязательность и равноправие сторон, презумпция невиновности, право защитника собирать доказательства и т. д.).

Таким образом, современный уголовный процесс можно охарактеризовать как неоинквизиционный, имеющий следующие черты:

– отсутствие реального разделения властей, что при наличии формально определенных процессуальных функций, возложенных на различных участников судопроизводства, принципиально ничего не меняет в сфере обеспечения прав личности. Так и несформировавшаяся судебная власть не стала гарантом законности в уголовном процессе. А органы судейского сообщества функционируют по правилам исполнительной власти, в которых достаточно четко выстроена управленческая вертикаль;

– наличие различных стандартов доказывания для представителей государства и граждан. Формально закрепленная презумпция невиновности не является основой судопроизводства. Лишь в суде с участием присяжных заседателей можно обнаружить ее элементы, но, учитывая процентное отношение уголовных дел, рассматриваемых в таком порядке, следует считать их исключением из общего правила;

– превращение значимых процессуальных институтов в технологические процедуры. Уголовный процесс, подвергаясь изменениям под знаменем повышения эффективности, во многом превратился в ритуал, набор действий, не имеющих правосудного или правообеспечительного значения. Например, внедрение конференц-связи существенно упростило участие осужденных в апелляционном рассмотрении уголовных дел, но при этом ограничило реализацию права на защиту, получение необходимых консультаций защитника на условиях конфиденциальности, личного предоставления необходимых документов, письменных ходатайств и прочих действий, направленных на защиту своих собственных интересов, доступных лицам, непосредственно участвующим в судебном заседании. Изменения уголовно-процессуального закона, поддержанные Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ, согласно которым принятие судом решений об отказе в производстве судебной экспертизы, в возвращении уголовного дела прокурору и прочим теперь не требует удаления в совещательную комнату, что лишает совещательную комнату и решения, там принимаемые, особого процессуального смысла.

Считаем, что наличие на данном этапе развития нашего общества именно такого судопроизводства является потребностью государства. Необходимо отдать должное тому, что, уголовно-процессуальное право, как одна из форм реализа-

ции политической воли, как элемент управления государством и обществом, чрезвычайно эффективно. При наименьших затратах достигается наилучший результат в управлении обществом, каких бы сфер его жизни это ни касалось.

Указанные выше цифры осужденных и оправданных в совокупности с очевидной тенденцией уменьшения оправдательных приговоров свидетельствуют о четко выстроенной и стабильной системе государственных органов, возбуждающих, расследующих, рассматривающих и разрешающих уголовные дела. В этом смысле суд является неотъемлемой частью системы государственных органов уголовной юстиции. Суд оценивает результаты работы органов предварительного расследования и прокуратуры и принимает соответствующие решения. Все решения, за исключением оправдательных приговоров, постановлений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям и возвращения уголовных дел прокурору, являются результатом положительной оценки досудебного уголовного преследования. Лишь положительная оценка деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры со стороны суда обеспечивает управляемость всех элементов в системе государственных органов.

Не случайно крайне редки судьи, постановившие за свою карьеру три и более оправдательных приговора; как правило, не задерживаются в органах прокуратуры и сотрудники, осуществлявшие поддержание государственного обвинения и не добившиеся трех и более раз обвинительного приговора. Такие участники уголовного судопроизводства в своих профессиональных корпорациях рассматриваются как неэффективные и не соответствующие занимаемым должностям. Все это приводит к однозначному выводу: государство расценивает оправдательный приговор как изъяс работы своих органов.

Количество оправдательных приговоров, составляющих значительно меньше одного процента от их общего числа, есть естественный результат выстроенной системы органов уголовной юстиции. Следовательно, увеличение их количества будет свидетельствовать не о торжестве закона и справедливости, а о дестабилизации этой системы и конфликте различных государственных органов, что противоречит интересам государства.

Конечно же, включение суда в систему государственных органов, осуществляющих общие задачи по уголовному преследованию и разрешению уголовных дел, противоречит классической

оценке суда как органа правосудия, но при этом полностью отражает фактически сложившийся порядок.

Согласно классической концепции, уголовный процесс в той его части, которая относится к деятельности суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел, есть обязательный, необходимый порядок осуществления судом правосудия по уголовным делам [1, с. 9]. Такой видел деятельность суда М.С. Строгович, такой она должна стать в цивилизованном и развитом государстве. Но правосудие не есть сакрально-экзистенциальное творение [4, с. 68], не есть технология по рассмотрению и разрешению уголовных дел, не есть механизм управления обществом, а содержательно иная деятельность судебных органов, наделенных судебной властью (самостоятельной и независимой), построенная на демократических принципах, не декларативных, а реально пронизывающих всю его деятельность. И только отправление правосудия позволит изменить подход к оправдательным приговорам как дефектам уголовного судопроизводства. Такое будет возможно только тогда, когда правосудие будет востребовано обществом и государством на пути судебной реформы, в начале которой должны быть сформированы уголовно-процессуальные аксиомы, не нарушаемые ни гражданами, ни представителями государства.

Только в цивилизованном обществе, имеющем серьезный уровень развития правового сознания, такими аксиомами могут стать презумпция невиновности, обеспечения права на защиту, состязательность и равноправие сторон, то есть все те постулаты, которые отстаивал М.С. Строгович и которые до сих пор во многом остаются нормативными декларациями.

Пристатейный библиографический список

1. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968.
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
3. Стенограмма заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 25 сентября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/>.
4. Середнев В.А. К вопросу сущности судебной ошибки в контексте морально-нравственного аспекта при достижении истины в уголовном процессе // Вест-

ник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2. С. 68.

5. Строгович М.С. Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5.

6. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

References (transliterated)

1. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 1: Osnovny`e polozheniya nauki sovetskogo ugovnogo processa. M.: Nauka, 1968.

2. Svodny`e statisticheskie svedeniya o deyatel`nosti federal'ny`x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy`x sudej za 2018 god № 1 «Otchet o rabote sudov obshhej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovny`x del po pervoj instancii»

[E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

3. Stenogramma zasedaniya Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 25 sentyabrya 2019 goda [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/>.

4. Serednev V.A. K voprosu sushhnosti sudebnoj oshibki v kontekste moral'no-nravstvennogo aspekta pri dostizhenii istiny` v ugovnom processe // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2019. Т. 6. № 2. С. 68.

5. Strogovich M.S. Ob opravdanii vvidu nedokazanosti uchastiya podsudimogo v sovershenii prestupleniya // Pravovedenie. 1983. № 5.

6. Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 «O koncepcii sudebnoj reformy` v RSFSR».

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

Phone: +7 (495) 211 4188

E-mail: info@rala.legal

Ярошик О.Д.

НАМ УЖЕ ДАВНО ПОРА ВСПОМНИТЬ ЗАБЫТУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ!

Цель: Исследование проблемы отсутствия законности в современном уголовном судопроизводстве.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В статье подчеркивается прогрессивность для прошедших лет УПК РСФСР, автором которого был М.С. Строгович, значимость принципов УПК Российской Федерации, которые игнорируются в современном уголовном судопроизводстве. Изложены особенности забытой законности и недостатки сегодняшнего расследования, принципы рассмотрения уголовных дел, проблемы апелляционной и кассационной судебной практики, предложения о внесении изменений в законодательство. Говорится о необходимости полноты и объективности расследования и рассмотрения уголовных дел, недопустимости применения принципов «достаточности доказательств», «виновности обвиняемого», «процессуальной экономии», «рациональности», «оптимизации» и в результате «эффективности» упрощенного правосудия. Указано, что проблемы, которые в свое время обозначил М.С. Строгович, и сейчас актуальны, не потеряли практического значения и должны помочь во времена очередного непонятого применения права и закона.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья является первой попыткой обосновать необходимость восстановления порушенной законности в современном уголовном судопроизводстве России.

Ключевые слова: законность, традиции, принципы, проблемы, упрощенчество, судебная практика.

Yaroshik O.D.

IT'S HIGH TIME WE REMEMBERED THE FORGOTTEN SOCIALIST LAWFULNESS

Purpose: Research into the problem of absence of lawfulness in contemporary criminal procedure.

Methodology: The historical and legal method and the formal legal method were used.

Results: The article underlines the progressivity for the past years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, authored by M.S. Strogovich. The article also underlines the relevance of the principles enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which are ignored in contemporary criminal procedure. The article outlines the distinctive features of the forgotten lawfulness and the deficiencies of contemporary investigation, the principles of dealing with criminal cases, problems of appeal and cassation case-law, propositions for law amendments. The author speaks about the necessity of full and objective investigation and processing of criminal cases, about the unacceptability of application of principles of «sufficiency of evidence», «guilt of the accused», «procedural economy», «rationality», «optimization» and, as a result, «efficiency» of justice simplified. The article indicates, that the problems, pointed out at by M.S. Strogovich at his time are still relevant today, that they have not lost their practical significance and should help at the time of new unclear application of law.

Novelty/originality/value: The article represents the first attempt to justify the necessity for restoration of lawfulness, which is smashed in contemporary criminal justice in Russia.

Keywords: Lawfulness, traditions, principles, problems, simplification, case-law.

В истории отечественной юриспруденции был важный и светлый этап, который мы забыли и к которому нужно вернуться. В этом году исполняется 125 лет со дня рождения М.С. Строговича, автора безупречного для тех лет УПК, в который были заложены прогрессивные принципы в лучших традициях российского уголовного процесса. Были введены институт прокурорского надзора за предварительным следствием, понятие «социалистическая законность» [1].

М.С. Строгович, представляя демократическое направление в российской процессуальной науке, во многом способствовал разработке Концепции судебной реформы в Российской Федерации.

Этот документ, вызвавший резкую критику консервативных сил, стал основой преобразования российского правосудия, осуществления прин-

ципов равноправия и состязательности сторон, отказа от инквизиционного процесса. Концепция судебной реформы была положена в основу нового, ныне действующего УПК Российской Федерации, который представлял собой заметный шаг вперед на пути демократизации уголовного процесса России.

Социально-политические преобразования в России, переход к рыночной экономике, принятие новой Конституции, провозгласившей разделение властей и приоритет прав и свобод человека, послужили причиной кардинального пересмотра прежнего законодательства в направлении его либерализации и приведения в соответствие с новыми социальными ценностями [2].

Принципы современного уголовного процесса, предусмотренные главой 2 УПК РФ, давали уверенную надежду на законность, обоснован-

ность и справедливость процессуальных решений по уголовным делам. Однако этого не произошло. Почему?

В результате «эффективности» правосудия принципы законности и объективности, обязывающие должностных лиц неукоснительно следовать установленному законом порядку производства на всех стадиях процесса, совершать процессуальные действия на законных основаниях и в предусмотренных законом процессуальных формах, имеющие принципиальное значение, были забыты.

После необдуманного и хаотичного законотворчества, внесения под исключительно правильными предложениями многочисленных поправок и изменений, началось, к сожалению, еще более непонятное применение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Как известно, кассация стала сегодня апелляцией, а ситуация рассмотрения судами уголовных дел серьезно ухудшилась. Разумные и мотивированные доводы о невиновности полностью игнорируются, потому что «собранных доказательств достаточно для вывода о виновности и вынесения обвинительного приговора». Действует придуманный сегодняшними правоприменителями так называемый принцип «достаточности» доказательств, отсутствующий в законе.

Невозможно согласиться со следующими «апелляционными и кассационными» доводами:

– «совокупность исследованных доказательств, положенных в основу приговора, обосновано признана достаточной для разрешения дела, а несогласие защитника с данной судом оценкой доказательств на правильность выводов о виновности осужденного в содеянном не влияет»;

– «несогласие с оценкой доказательств, исследованных в судебном заседании, не свидетельствует о необъективности выводов суда и не является основанием для отмены приговора в кассационном порядке»;

– «доводы, изложенные в апелляционной жалобе, заявлялись в суде первой инстанции, являлись предметом исследования суда и по существу сводятся к выражению несогласия с произведенной судом оценкой обстоятельств дела, что не может служить основанием к отмене либо изменению решения суда».

Однако реализация принципа презумпции невиновности, сегодня забытого на всех стадиях современного российского уголовного процесса, имела важное значение даже в осуждаемом нами советском кассационном производстве [3, с. 95–96].

М.С. Строгович в свое время говорил: «Выступающий в кассационной инстанции прокурор никакого убеждения не имел и иметь не мог, он следствием по делу не руководил, обвинительного заключения не утверждал, в суде первой инстанции обвинения не поддерживал. Свое мнение по вопросу о законности и обоснованности приговора прокурор составляет, исходя исключительно и только из материалов данного дела, вне всякой зависимости от той точки зрения, которой придерживался выступавший в суде первой инстанции прокурор» [4, с. 179].

У нас же десятилетиями говорится о том, что обвинительное заключение по уголовному делу должен утверждать не прокурор, а начальник следственного отдела, тогда прокурор будет свободен в отстаивании закона, а не связан тем, что он утвердил; что заявление об отводе председательствующего по делу должна рассматривать коллегия из трех судей; при наличии заключения квалифицированного эксперта защиты назначение повторной экспертизы является обязательным; при наличии законных оснований суд обязан назначить именно повторную экспертизу, а не дополнительную, которая поручается тому же эксперту, и т. д. Сегодня правильные приказы Генерального прокурора, регламентирующие деятельность государственных обвинителей при рассмотрении судами уголовных дел, не работают. Прокуроры повторяют в судебных заседаниях заученное «в настоящее время исследовано достаточное количество доказательств, позволяющих сделать суду обоснованное решение». Когда адвокат подсудимого, гордо именуемый сейчас «равноправной стороной защиты», пытается мотивированно заявить о невиновности подсудимого, он постоянно слышит, что «затягивает процесс», после чего суд отказывает в надлежащей проверке и последующей оценке заявленных доводов и даже в праве на предоставление доказательств. Когда уж совсем деваться некуда, суд выносит постановление (определение), которое иногда вызывает недоумение и недоверие, растерянность и беспомощность.

Забыли мы, что даже в советском процессе, «излагая свои доводы, основанные на рассмотренных в суде фактических обстоятельствах дела, стороны помогают суду полнее и глубже уяснить материалы, исследованные в судебном заседании».

Умышленно забываем мы и следующие требования: «Обладая при судебном рассмотрении дела равными с обвинением процессуальными правами, адвокат обязан быть максимально принципиальным, предельно настойчивым в огражде-

нии законных прав защищаемого им подсудимого» [5].

В 1928 году выдающийся правовед П.И. Стучка утверждал: «Защита, а не обвинение является самой существенной частью состязательного процесса как прочного достижения демократии» [6].

А мы это забыли. Может быть, никогда и не знали? Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что настойчивости одной защиты, даже очень квалифицированной, и ее профессионального мастерства, знаний норм материального и процессуального права и умения применять их на практике недостаточно. Необходима четкая правовая регламентация изложенных проблем в УПК, его точное безусловное законное выполнение и суровая неотвратимая ответственность должностных лиц современного правоприменения, прежде всего за отказ устанавливая фактические обстоятельства совершенных преступлений.

25 июля 2019 года Президент Российской Федерации В.В. Путин, поздравляя нынешних следователей с профессиональным праздником, говорил о необходимости полноты и объективности расследования уголовных дел, а значит, и рассмотрения дел судами.

В это же время Председатель Верховного Суда, который годами последовательно отстаивает хрупкую независимость судебной власти, утверждает, что «процессуальные гарантии независимости судей установлены правилами судопроизводства, которые исключают какое-либо воздействие на судью и предусматривают оценку доказательств судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании» [7].

В юридической литературе подчеркнута важное значение правоприменительной деятельности суда. При рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве суд должен обеспечить участникам процесса возможности для всестороннего, полного и объективного выяснения всех обстоятельств уголовного дела в строгом соответствии с установленными правилами. Любое отступление от установленных законом требований при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции наносит ущерб правосудию, снижает воспитательное и предупредительное воздействие судебной деятельности, затрудняет реализацию задач уголовного судопроизводства, которая в соответствии со ст. 6 УПК РФ состоит в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [8, с. 210–211].

Однако по большинству дел обстоятельства, подлежащие доказыванию, то, что случилось и произошло, чем и какими доказательствами, с каким качеством доказана вина подсудимого, почему и при каких обстоятельствах он полностью признал свою вину, и кто в действительности совершил преступление, теперь мало кого интересуют. Надо признать, что к этому мы сегодня пришли. О какой же полноте и всесторонности может идти речь?

Установленный законом особый порядок, с экономической точки зрения выгодный государству, способствующий оперативному и скорому рассмотрению уголовных дел, уничтожил подлинное правосудие.

Надо сказать, что упрощенный порядок каким-то странным и необъяснимым образом перешел и на общий порядок рассмотрения уголовных дел. Самым простым здесь является, например, явное нежелание судьи устанавливать действительные обстоятельства дела, в связи с чем на каждом судебном заседании, отвергая саму необходимость проверки доказательств, председательствующий может убеждать потерпевшего и подсудимого закончить дело примирением и путем безмотивного отложения судебных процессов, как правило, своего добивается. О том, что подобные действия и решения снижают у граждан авторитет и доверие к судебной системе, судьи не задумываются.

Игнорируя объективное и всестороннее установление по каждому конкретному делу действительных обстоятельств, следователь может привлечь невиновного к уголовной ответственности, а судья рискует оправдать виновного или осудить невиновного.

В российском правосудии, надо с сожалением признать, ведущая роль в исследовании доказательств в интересах обвинения принадлежит отнюдь не беспристрастному суду. Хотели как лучше, а получилось как всегда?

Забыты провозглашенные надежды на «равные возможности» защиты и обвинения, когда-то написанные в УПК Российской Федерации, внедрены и успешно применяются в практике продиктованные «оптимизацией» правосудия лозунгом пресловутой свободы оценки доказательств принципы «виновности», а в результате – упрощенности судопроизводства, двойного толкования и непредсказуемого применения. С учетом «закона и совести», как написано в УПК, и судейского усмотрения, «иногда довольно широкого», как изложено авторами судебной системы в их специальной литературе. Однако почему-

то умалчивают они, что «свобода суда в принятии судебных постановлений ограничена процессуальным законом» [9, с. 14–15].

Объективность и справедливость, всесторонность и обоснованность, законность и беспристрастность, полнота расследования и рассмотрения с целью установления даже не истины, а того, что произошло на самом деле, заменены несуществующими в законе, несовместимыми с правосудием и делающими его невыполнимым, требованиями «эффективности», «рациональности», «процессуальной экономии», «достаточности» собранных доказательств, недопустимости «переоценки» этих доказательств и в связи с этим «затягивания процесса» с целью необходимости соблюдения «разумных» сроков судопроизводства. И все это как заклинание повторяется стороной обвинения и даже судом практически в каждом судебном разбирательстве в ответ на необходимость проверки доводов о невиновности подсудимого, однако разумного ответа на вопрос, куда ж они так все сегодня торопятся, нет.

Все усилия российского следствия и суда направлены сегодня исключительно на признание вины, а если этого нет, тогда происходит избличение «нераскаявшегося» обвиняемого и подсудимого так, как следствие и суд это сегодня научились делать.

В современной следственной и судебной практике полностью игнорируется и мнение заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ, доктора юридических наук, профессора Л.В. Головки: «Если процессуально торопиться, то можно нарушить огромное количество принципов, на которых стоит судопроизводство». Получается, что даже очень обоснованные доводы уважаемых российских юристов А.И. Александрова, Л.В. Головки и Г.И. Загорского совсем не учитываются, а их научно-практические публикации полностью игнорируются руководством российской судебной системы.

Суд сегодня не пресекает некачественное, недобросовестное, крайне некачественное следствие. Суд совсем не «находится посередине», он не разрешает спор между равноправными сторонами обвинения и защиты, он проявляет заведомую избирательность в исследовании и оценке в судебном заседании имеющихся и представленных доказательств, нарушает принцип равенства сторон, установленный Конституцией Российской Федерации.

Суд не знает, что в уголовном судопроизводстве соблюдение принципа равенства означает,

помимо прочего, запрет на проявление не имеющих объективного и разумного оправдания различий в правах сторон обвинения и защиты.

Какое же правосудие было невыполнимым? В те осуждаемые годы или сегодняшнее, очень эффективно реформированное и экономично оптимизированное, а по сути целесообразное и рациональное с его принципами «достаточности» и «виновности»?

Сегодня, кроме пустых деклараций и заявлений об «эффективности правосудия», прикрывающих системные нарушения законных прав и свобод граждан, в судебной практике ничего нет. Побеждает созданное в системе всеобщей безответственности и вседозволенности «правосудие», лишенное здравого смысла, но подчиненное надуманной «законности» и абсурдной отчетности?

Существующее субъективное применение уголовно-процессуального права и закона, по субъективному усмотрению должностных лиц, которые безапелляционно-уверенно или стыдливо-лукаво называют его «судебной практикой», невозможно назвать правосудием. Не в этом ли заключается главная проблема современного уголовного процесса? Законодатель в свое время то ли по недомыслию, то ли очень умышленно создал такой УПК, чтобы потом изворотливой практикой его применения создать то невыполнимое правосудие, которое мы видим сегодня.

Надо признать, в последние годы существуют серьезные, зачастую не поддающиеся логическому осмыслению и рациональному объяснению, системные проблемы современного применения Уголовно-процессуального кодекса.

В результате граждане, привлекаемые к уголовной ответственности, лишаются права на защиту, а их адвокаты – самой возможности оказания квалифицированной юридической помощи, как того требует Закон.

Необходимо подчеркнуть, что проблемы, которые в свое время обозначил М.С. Строгович, и сейчас актуальны, не потеряли своего практического значения и помогают нам во времена очередного непонятного применения права и закона в выборе правильного пути.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.И. Совесть судьи с высоким правосознанием – условие доверия нации к государству // Аргументы недели. 2019. № 4.
2. Шейфер С.А. Предисловие редактора к книге А.М. Ларина «Я – следователь». Тула: ИД «Автограф», 2008.

3. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968.
4. Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
5. Судебные речи известных русских юристов. М.: Юрид. лит., 1957.
6. Стучка П.И. Революция и право. 1928. № 1.
7. Лебедев В.М. Меры по усилению независимости судебной власти // Судья. 2019. № 8.
8. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учеб.-практич. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2019.
9. Полуновская О. Эффективное обжалование. Семь практических советов // Адвокатская газета. 2019. № 18.

2. Shejfer S.A. Predislovie redaktora k knige A.M. Larina «Ya – sledovatel'». Tula: ID «Avtograf», 2008.
3. Perlov I.D. Kassacionnoe proizvodstvo v sovetskom ugovnomn processe. M.: Yurid. lit., 1968.
4. Strogovich M.S. Proverka zakonnosti i obosnovanosti sudebny'x prigovorov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956.
5. Sudebny'e rechi izvestny'x russkix yuristov. M.: Yurid. lit., 1957.
6. Stuchka P.I. Revolyuciya i pravo. 1928. № 1.
7. Lebedev V.M. Mery` po usileniyu nezavisimosti sudebnoj vlasti // Sud`ya. 2019. № 8.
8. Zagorskij G.I. Aktual'ny'e problemy` sudebnogo razbiratel'stva po ugovny'm delam: ucheb.-praktich. posob. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt. 2019.
9. Polunovskaya O. E`ffektivnoe obzhalovanie. Sem` prakticheskix sovetov // Advokatskaya gazeta. 2019. № 18.

References (transliterated)

1. Aleksandrov A.I. Sovestlivy`j sud`ya s vy`sokim pravosoznaniem – uslovie doveriya nacji k gosudarstvu // Argumenty` nedeli. 2019. № 4.

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ

Основными темами саммита являются:

- 1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?
- 2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;
- 3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Жильцов М.А.

ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ УТРАЧЕННОГО ЗАРАБОТКА

Цель: Исследование вопросов компенсации утраченного заработка в целях выделения основных проблем, поиск путей решения данных проблем.

Методология: Использовались анализ и формально-юридический метод.

Результаты: В статье выделены основные проблемы взыскания компенсации утраченного заработка, выявлены подходы, сформировавшиеся в судебной практике по данному вопросу. В случае признания увольнения работника незаконным суд взыскивает компенсацию утраченного заработка за весь период вынужденного прогула. Такая компенсация взыскивается также в случае задержки выдачи трудовой книжки при увольнении работника за весь период задержки. В судебной практике существуют различные подходы в отношении того, с какого момента необходимо исчислять срок для обращения в суд по данным искам, а также по поводу того, какой срок для обращения в суд необходимо применять (трехмесячный или годичный). Существуют также различные правовые позиции судов по поводу возможности начисления компенсации за задержку выплаты заработной платы, предусмотренной ст. 236 ТК РФ, на утраченный заработок, взыскиваемый судом при признании увольнения работника незаконным. В статье анализируются правовые позиции судов, сложившиеся при рассмотрении указанных правоотношений.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток проанализировать и систематизировать проблемы взыскания компенсации утраченного заработка в современной правоприменительной практике.

Ключевые слова: компенсация, утраченный, заработок, срок, обращение, суд.

Zhiltsov M.A.

PROBLEMS OF RECOVERING OF THE LOST EARNINGS

Purpose: The study of compensation for lost earnings in order to highlight the main problems, finding ways to solve these problems.

Methodology: The analysis and formal-legal methods were used.

Results: If the dismissal of an employee is declared unlawful, the court shall recover compensation for lost earnings for the entire period of involuntary absenteeism. Such compensation is also collected in the event of a delay in issuing a work book upon dismissal of an employee for the entire period of delay. In judicial practice, there are various approaches regarding the time from which it is necessary to calculate the time period for applying to the court for these claims, and also about the time period for applying to the court (three-month or one-year). There are also various legal positions of the courts regarding the possibility of accruing compensation for the delay in payment of wages provided for in Art. 236 of the Labor Code of the Russian Federation, for lost earnings, recovered by the court upon recognition of the dismissal of an employee as unlawful. The article analyzes the legal positions of the courts that have developed when considering these legal relations.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, as it is one of the first attempts to analyze and systematize the problems of recovery of compensation for lost earnings in modern law enforcement practice.

Keywords: compensation, lost, earnings, term, appeal, court.

В соответствии с ч. 2 ст. 394 Трудового кодекса РФ орган, рассматривающий индивидуальный трудовой спор, принимает решение о выплате работнику среднего заработка за все время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время выполнения нижеоплачиваемой работы.

При этом ст. 234 ТК РФ перечисляет случаи материальной ответственности работодателя в виде возмещения работнику не полученного им заработка в случаях незаконного лишения его возможности трудиться (незаконное отстранение работника от работы, его увольнение или перевод на другую работу; отказ работодателя от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда

о восстановлении работника на прежней работе; задержка работодателем выдачи работнику трудовой книжки, внесение в трудовую книжку неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника).

В судебной практике существуют неоднозначные подходы к тому, в течение какого срока работник может обратиться в суд с требованием о взыскании компенсации утраченного заработка за задержку выдачи работнику трудовой книжки при увольнении.

Согласно ч. 6 ст. 84.1 ТК РФ в случае, когда в день прекращения трудового договора выдать трудовую книжку работнику невозможно в связи с его отсутствием либо отказом от ее получения,

работодатель обязан направить работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправку ее по почте. Со дня направления указанного уведомления работодатель освобождается от ответственности за задержку выдачи трудовой книжки.

По-разному суды подходят к моменту начала течения срока для обращения в суд с подобным иском. Ряд судов полагает, что срок для обращения в суд за выплатой указанной компенсации следует исчислять с того момента, когда работник узнал о своем увольнении, то есть со дня вручения ему копии приказа об увольнении (апелляционное определение Свердловского областного суда от 28.08.2019 по делу № 33-14938/2019).

Другая позиция содержится в апелляционном определении Свердловского областного суда от 27 мая 2016 г. по делу № 33-9176/2016, в апелляционном определении Свердловского областного суда от 18 мая 2018 г. по делу № 33-9373/2018, согласно которым срок обращения в суд с требованием о взыскании компенсации за задержку выдачи трудовой книжки следует исчислять со дня получения истцом трудовой книжки.

Также нет единого подхода в практике по поводу того, в течение какого срока можно обратиться с таким иском в суд – в течение трех месяцев (ч. 1 ст. 392 ТК РФ) или в течение одного года (ч. 2 ст. 392 ТК РФ).

Отсутствие единого подхода вызвано тем, что суды по-разному трактуют правовую природу компенсации утраченного заработка за задержку выдачи трудовой книжки.

Согласно первому подходу данная выплата имеет правовую природу заработной платы, поэтому судам необходимо применять годичный срок для обращения в суд по данным требованиям.

Такой подход содержится, в частности, в решении Верхнесалдинского городского суда Свердловской области от 28 декабря 2018 г. по делу № 2-1018/2018.

Согласно другому подходу такой срок необходимо определять по ч. 1 ст. 392 ТК РФ как трехмесячный, а не годичный (ч. 2 ст. 392 ТК РФ), поскольку он не связан с разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, а является индивидуальным трудовым спором о возмещении работнику материального ущерба, причиненного в результате незаконного лишения его возможности трудиться – ст. 234 ТК РФ (апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.07.2019 по делу № 33-12664/2019, постановление Президи-

ума суда Ханты-Мансийского автономного округа от 22.12.2017 по делу № 44Г-64/2017, апелляционного определения Челябинского областного суда от 29.05.2018 по делу № 11-6695/2018).

Изменилась судебная практика и по спорам о взыскании компенсации, предусмотренной ст. 236 ТК РФ за задержку выплаты заработной платы. Раньше суды начисляли указанную компенсацию на сумму утраченного заработка в случае признания увольнения незаконным и взыскивали ее за период со дня незаконного увольнения до даты вынесения решения суда (решение Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 13.10.2010 по делу № 2-3940/10).

Такой подход был основан на разъяснениях, содержащихся в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2010 года, согласно п. 6 которого обязанность работодателя выплатить заработную плату за время вынужденного прогула наступает одновременно с отменой им приказа об увольнении и восстановлением работника в прежней должности, являясь неотъемлемой частью процесса восстановления на работе.

При этом ученые обращали внимание на то, что суды выдают сразу после оглашения решения только исполнительный лист на восстановление на работе, так как он подлежит немедленному исполнению, а исполнительный лист на взыскание суммы оплаты вынужденного прогула выдается после вступления решения суда в законную силу. По мнению К.А. Михайличенко, такая позиция существенно нарушает права работника и препятствует своевременному получению возмещения за незаконное лишение возможности трудиться [3, с. 247].

В настоящее время практика поменялась, причем она неоднозначна.

В некоторых случаях суды применяют ст. 236 ТК РФ и начисляют предусмотренную ею компенсацию на утраченный заработок, взыскиваемый судом в случае признания увольнения работника незаконным, но начисляют ее только на период с момента вступления в силу решения о признании увольнения незаконным и до момента исполнения работодателем решения в случае, если ответчик задерживает исполнение решения суда.

В данном случае суды руководствуются статьями 210 и 211 ГПК РФ.

В соответствии со ст. 210 ГПК РФ решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, в порядке, установленном федеральным законом.

Согласно ст. 211 ГПК РФ немедленному исполнению подлежат только судебный приказ или решение суда о взыскании алиментов; выплате работнику заработной платы в течение трех месяцев; восстановлении на работе; включении гражданина Российской Федерации в список избирателей, участников референдума.

Но есть судебная практика, согласно которой на утраченный заработок, взыскиваемый в случае незаконного увольнения, предусмотренная ст. 236 ТК РФ компенсация вообще не начисляется.

Согласно определению Верховного Суда РФ от 10 июня 2019 г. № 58-КГ19-4 из положений ст. 236 ТК РФ следует, что материальная ответственность работодателя в виде выплаты работнику денежной компенсации в определенном законом размере наступает только при нарушении работодателем срока выплаты начисленной работнику заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику по трудовому договору. Материальная ответственность работодателя за неисполнение решения суда данной нормой закона не предусмотрена.

Таким образом, согласно позиции Верховного Суда РФ, при задержке ответчиком исполнения вступившего в законную силу решения суда о взыскании утраченного заработка за время вынужденного прогула ст. 236 ТК РФ не применяется, так как, по его мнению, правовая природа такой компенсации – вид материальной ответственности работодателя, а не заработная плата работника.

Вопрос о правовой природе компенсации утраченного заработка является дискуссионным, и, как явствует из анализа судебной практики, позиция судов периодически меняется. Ученые же довольно единодушны в том, что средний заработок за время вынужденного прогула не является заработной платой. Об этом, в частности, пишет М.А. Козлов, разграничивая средний заработок, взыскиваемый в пользу работника, как вид материальной ответственности, с одной стороны, и оплату труда – с другой [1, с. 32].

По мысли Н.М. Мартыновой и О.В. Сгибневой, данный вид выплат относится к гарантийным выплатам и не является частью заработной платы [2, с. 242]. Аналогичной точки зрения придерживается О.А. Черников [4, с. 193–194].

Таким образом, согласно последним разъяснениям Верховного Суда РФ, в случае взыскания утраченного заработка за время вынужденного прогула и несвоевременного исполнения работодателем вступившего в законную силу решения суда можно взыскать лишь компенсацию, предусмотренную п. 1 ст. 208 ГПК РФ, согласно которой по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда.

Пристатейный библиографический список

1. Козлов М.А. Материальные проблемы: чем ответит работодатель? // Советник бухгалтера государственного и муниципального учреждения. 2014. № 12 (120). С. 32–40.
2. Мартынова Т.Н., Сгибнева О.В. Гарантийные и компенсационные выплаты работникам в трудовом праве Российской Федерации: проблемы терминологии // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 242–247.
3. Михайличенко К.А. Проблемы привлечения работодателя к материальной ответственности, связанной с лишением работника возможности трудиться // Наука и современность. 2014. № 33. С. 243–247.
4. Черников О.А. К вопросу о понятии гарантий и компенсаций в современном трудовом праве // Законность в современном обществе: сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Оренбург, 2017. С. 193–196.

References (transliterated)

1. Kozlov M.A. Material'ny'e problemy': chem otvetit rabotodatel'? // Sovetnik buxgaltera gosudarstvennogo i municipal'nogo uchrezhdeniya. 2014. № 12 (120). S. 32–40.
2. Marty'nova T.N., Sgibneva O.V. Garantijny'e i kompensacionny'e vy`platy` rabotnikam v trudovom prave Rossijskoj Federacii: problemy` terminologii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 22. № 3. S. 242–247.
3. Mixajlichenko K.A. Problemy` privlecheniya rabotodatelja k material'noj otvetstvennosti, svyazannoju s lisheniem rabotnika vozmozhnosti trudit'sya // Nauka i sovremennost`. 2014. № 33. S. 243–247.
4. Chernikov O.A. K voprosu o ponyatii garantij i kompensacij v sovremennom trudovom prave // Zakonnost` v sovremennom obshhestve: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 ch. Ch. 2. Orenburg, 2017. S. 193–196.

Казаченок С.Ю.

РАЗВИТИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ КАК МЕРА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Цель: Анализ развития системно-институционального правового регулирования обеспечительных характеристик арбитражного соглашения в условиях цифровизации российской экономики.

Методология: Использовались общие, специальные и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, системно-структурный, метод конкретно-социологического анализа и другие).

Результаты: В результате исследования предложено внесение изменений в Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» в части урегулирования вопросов удаленного арбитражного разбирательства посредством использования интернет-ресурсов.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью и несет в себе существенную практическую значимость. Положения, содержащиеся в материалах статьи, могут быть использованы при совершенствовании действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитраж, электронный арбитраж, электронное арбитражное соглашение, обеспечительные меры, Институт Чрезвычайного арбитра, NetCase.

Kazachenok S.Y.

DEVELOPMENT OF PROVISIONAL ACTIONS OF THE ARBITRATION AGREEMENT AS A MEASURE OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE INFORMATION SOCIETY

Purpose: Analysis of the development of the system-institutional legal regulation of provisional actions of the arbitration agreement in the conditions of digitalization of the Russian economy.

Methodology: General and special methods of research were used (comparative and system approaches, sociological analysis and others).

Results: As a result of the studies, it was proposed to amend the Federal Law of the Russian Federation of 07.07.1993 N 5338-1 «About international commercial arbitration» in terms of resolving issues of remote arbitration proceedings using Internet resources.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value and carries a significant practical significance. The provisions contained in the materials of the article can be used to improve the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: arbitration, electronic arbitration, electronic arbitration agreement, provisional actions, Institute of an Emergency Arbitrator, NetCase.

В условиях нарастающей глобализации экономики залогом жизнеспособности развития государства является достижение его конкурентного преимущества, поскольку ни одна страна и ни одна экономика или отдельная компания не могут противостоять влиянию конкуренции, так как глобализация влечет за собой не только взаимовыгодное сотрудничество, но и жесткую конкурентную глобальную среду.

Несомненно, российское государство обладает значительным ресурсом для повышения своей конкурентоспособности и пока неиспользованными серьезными преимуществами наряду с некоторыми конкурентными недостатками.

Технологическая подготовленность и инновационность являются двумя крупнейшими показателями исследования Индекса глобальной конкурентоспособности, публикуемого ежегодно, начиная с 2004 года, Международной организацией государственно-частного сотрудничества «Всемирный экономический форум» [3].

Рассматривая оба показателя в единой связи, нетрудно заметить, что доступность высокотехнологичных решений на рынке, а также доступ бизнеса к услугам и информации через коммуникационные сети являются определяющими элементами здоровой конкурентоспособной экономики, составляя 25–50-процентную долю успеха страны в рассматриваемом Индексе.

Данный показатель особенно важен для России с ее большой территориальной протяженностью. Удаленный доступ к информации и услугам в интернете является основой создания нашей современной конкурентной экономики.

Интеграция российской экономики в глобальную мировую экономическую систему неизбежно влечет увеличение внешнеэкономических сделок, к основной составляющей успешности которых следует отнести оперативное, своевременное и справедливое рассмотрение споров и разногласий, вытекающих из бизнес-контрактов [7].

Одним из способов эффективного разрешения конфликтов между сторонами является рассмотрение таких споров международными коммерческими арбитражными судами, обращение в которые становится возможным лишь в случае заключения арбитражного соглашения [7].

Именно поэтому в качестве одной из мер повышения конкурентоспособности российской экономики в современных условиях представляется развитие системно-институционального правового регулирования обеспечительных характеристик арбитражного соглашения.

В России и СНГ интернет и электронный документооборот постепенно находят применение как в бизнесе, так и в деятельности органов государственной власти. Возможность активного использования телекоммуникационных технологий обусловлена и наличием современной законодательной базы: 23.05.2015 в ст. 434 ГК РФ «Форма договора» были внесены изменения, регламентирующие порядок заключения договоров в электронной форме, что позволило заключать любые договоры, в том числе арбитражные соглашения, в электронной форме.

Кроме того, Россия является участником Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (2005); в соответствии с этим, на федеральном уровне были приняты Закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006), Закон РФ «Об электронной подписи» (2011); а также новая редакция (от 25.12.2018) Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», законодательно закрепившая заключение именно арбитражных соглашений с помощью электронных сообщений.

Современный этап развития международного коммерческого арбитража как неотъемлемой части транснациональных торговых отношений определяется масштабным международным обменом материальными и нематериальными благами, в процессе которого могут возникать споры сторон по исполнению обязательств по бизнес-контрактам.

Решающим преимуществом, определяющим примат арбитража среди других способов разрешения споров, является его адаптивный потенциал. При всех иных преимуществах (таких как конфиденциальный характер, экономическая выгодность, скорость рассмотрения, окончательность решения и др.) представляется, что именно большая гибкость, независимость арбитража как по отношению к сторонам контракта, так и к вопросам публичного порядка обеспечивает вос-

требованность данного вида разрешения споров в сфере международного коммерческого оборота. Государственное судопроизводство не отличается гибкостью: единая для всех процедура, «связанность» суда не только законом, но и решениями вышестоящей инстанции, невозможность выбрать лицо, которому стороны доверяют разрешение спора, финансовая затратность, длительность – все это выступает доводами в пользу избрания арбитражной процедуры как более гибкого и адаптивного способа разрешения коммерческих споров [6, 7].

В законодательстве большинства стран, как и в большинстве арбитражных регламентов, обеспечительные меры в контексте международного коммерческого арбитража урегулированы весьма фрагментарно. Причем действующее в некоторых странах более детальное правовое регулирование имеет существенные различия. К наиболее сложным вопросам, связанным с обеспечительными мерами, относятся наличие у арбитров полномочий принимать обеспечительные меры, роль компетентных судов в предварительной защите прав участников спора, приведение в исполнение принятых международным коммерческим арбитражем обеспечительных мер [8].

Виды обеспечительных мер, предусматриваемые национальным законодательством разных стран, весьма различны. Перечислить их все практически невозможно. Арбитражные регламенты чаще всего вообще не содержат перечня тех мер, которые уполномочен принимать арбитражный суд, а ограничиваются довольно широкими формулировками.

Например, регламентом может быть установлено, что арбитражному суду разрешается принимать обеспечительные меры, которые, по его мнению, необходимы в соответствии с обстоятельствами дела. В некоторых случаях приводятся примеры мер, которые могут быть приняты.

В частности, ст. 25 Арбитражного регламента Лондонского суда международного арбитража гласит: «Состав арбитража имеет право по ходатайству любой стороны, после предоставления всем другим сторонам разумной возможности ответить на такое ходатайство и на таких условиях, какие Состав арбитража считает уместными в сложившейся ситуации: обязать любую сторону-ответчика по исковым или ответным исковым требованиям предоставить обеспечение в отношении всей суммы, являющейся предметом спора, или ее части, путем внесения аванса или предоставления банковской гарантии или любым другим способом».

На сегодняшний день российское законодательство ничего не говорит о возможности признания и приведения в исполнение арбитражных обеспечительных мер (государственные суды соответственно не приводят в исполнение такие меры, независимо от того, вынесены они на территории Российской Федерации или на территории иностранного государства) [9].

В данном отношении большое значение имеет п. 26 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер», устанавливающий, что определения иностранных судов о применении обеспечительных мер (как предварительных, так и обеспечения иска) не подлежат признанию и принудительному исполнению на территории Российской Федерации, поскольку не являются окончательными судебными актами по существу спора, вынесенными в состязательных процессах. Причем на практике судьи склонны толковать текст данного письма весьма широко, указывая, что термин «иностранные суды» включает в себя и иностранные арбитражи, а под «определением» следует понимать также решения и любые иные акты, предоставляющие обеспечительные меры. Единственным исключением из сложившейся ситуации являются, пожалуй, обеспечительные меры, предписанные Правилами Международного коммерческого суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее – МКАС при ТПП РФ), которые, как уже было сказано, четко не определены [9].

Так, параграф 34 Правил МКАС при ТПП РФ, регламентирующий обеспечительные меры, говорит лишь о возможности их принятия судом, однако никак их не характеризует.

Таким образом, правила российского международного коммерческого арбитражного суда полагаются лишь на усмотрение арбитров, рассматривающих конкретный спор. По сложившейся практике обеспечительные меры МКАС при ТПП РФ применяются, к сожалению, крайне редко.

Именно это является определяющим фактором столь малого количества дел, рассматриваемых МКАС при ТПП РФ, несмотря на то, что в большинстве стран мира достаточно велика доля успешно исполняемых иностранных арбитражных решений.

При бесспорной первичности экономических отношений право не только дает им форму, но и оказывает на них воздействие, что с очевидностью прослеживается на примере влияния правового института международного коммерческого арби-

тража на развитие и стабилизацию внешнеэкономических отношений, которые, в свою очередь, диктуют необходимость совершенствования законодательства.

Так, целесообразным было бы применение успешной практики внедрения Института Чрезвычайного арбитра, получившей широкое распространение в международном праве.

Сегодня положения о чрезвычайном арбитраже содержатся в регламентах Лондонского международного третейского суда (London Court of International Arbitration – LCIA), Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (Stockholm Chamber of Commerce – SCC), Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce – ICC), Международного арбитражного центра Сингапура (Singapore International Arbitration Centre – SIAC), Гонконгского международного арбитражного центра (Hong Kong International Arbitration Centre – HKIAC), Австралийского центра международного коммерческого арбитража (Australian Centre for International Commercial Arbitration), а также в Швейцарском регламенте международного арбитража (Swiss Rules of International Arbitration). Помимо этого, Регламент P.R.I.M.E. Finance (P.R.I.M.E. Finance Arbitration Rules) и Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization (WIPO)) предусматривают возможность обратиться к чрезвычайному арбитражу.

Главное преимущество Института Чрезвычайного арбитра – скорость рассмотрения арбитражного спора и, в частности, скорость назначения обеспечительных мер: от 24 часов до нескольких дней.

Развитие сферы коммерческих отношений, реализуемых посредством интернета, неизбежно вызвало появление новой разновидности экономических споров, технически сложных и динамичных по характеру. Разрешение таких споров требовало от специалистов не только владения определенными техническими знаниями, навыками и ресурсами, но и большой оперативности в принятии решений. Кроме того, нельзя не отметить, что технологии создают различные преимущества: удобство, повышение качества и даже уменьшение затрат. Таким образом получило распространение такое явление, как внутрисетевые («online») арбитражи. Одним из первых проектов такого рода стал «Виртуальный магистрат» («Virtual Magistrate»), созданный в порядке эксперимента Институтом киберпространственного права. В рамках этого проекта арбитры должны были разрешать представленные на их рассмо-

трение споры в течение 72 часов посредством информационных технологий [1].

Международный арбитражный суд при Международной торговой палате (ICC) всегда проявлял интерес к информационным технологиям. В 2004 г. он ввел в действие новый информационно-технологический инструмент под названием NetCase [10, с. 8].

NetCase – платформа, позволяющая сторонам (или их представителям в арбитраже), арбитрам и Секретариату пользоваться преимуществами частной и защищенной связи с другими участниками процесса через интернет.

Это интерактивный инструмент быстрого обмена сообщениями и информацией с удобным для пользователя интерфейсом.

Все участники процесса видят одну и ту же информацию и одни и те же документы в единой среде. Доступ к такой среде открыт для сторон и арбитров в проводимом арбитраже только в том случае, если все они дали согласие на это.

NetCase ускоряет связь между сторонами и арбитрами, обеспечивает мгновенный и круглосуточный доступ к информации и обмен ею в защищенной среде, предоставляет доступ к документам в ходе заседания, избавляя от необходимости иметь при себе кипы бумажных документов. Это не исключает передачу документов обычным путем и не предполагает ведение дела исключительно в онлайн-режиме или отказ от проведения слушаний в традиционном виде. Данная платформа – всего лишь опция, доступная для пользователей, обеспечивающая быструю и удобную работу с документами.

Онлайн-арбитраж становится все более популярным в разных странах, включая членов Европейского Союза. Причины этого явления аналогичны причинам развития обычного коммерческого арбитража: эффективность, скорость, качество и цена.

Рабочей группой ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров онлайн на протяжении нескольких лет ведется разработка Технических комментариев по урегулированию трансграничных споров онлайн. На сегодняшний день указанный комментарий окончательно не разработан, хотя и разрешение споров онлайн же получило широкое распространение [4].

Наиболее известными являются примеры онлайн-разрешения споров в отношении доменных имен в зоне EU по правилам Европейского Союза. Сотни дел рассмотрены Чешским арбитражным судом – единственным органом, наделенным полномочиями по разрешению общеевропей-

ских споров по доменным именам в зоне EU без каких-либо слушаний. Чешский арбитражный суд имеет богатый опыт в разрешении споров по доменным именам в рамках Единой политики рассмотрения споров о доменных именах и по именам в зоне CZ в онлайн-режиме, а также опыт рассмотрения обычных дел в онлайн-арбитраже [5, с. 12].

Практика разрешения споров показала, что участвующие стороны заинтересованы и с уважением относятся к онлайн-арбитражу, соблюдают его правила, активно участвуют во всех процессуальных действиях, выполняют решения, вынесенные онлайн-арбитражем, не оспаривая их в компетентном суде.

Все это означает, что онлайн-разрешение споров уже можно считать авторитетным способом, который продолжает свое развитие.

Немаловажным фактором развития правового регулирования арбитражного соглашения является имплементация принципов онлайн-арбитража, уже нашедшая применение в современной российской действительности, хотя она пока никак не урегулирована с точки зрения федерального законодательства.

Так, созданный Российской арбитражной ассоциацией при поддержке Государственной некоммерческой организации «Фонд содействия инновациям», образованной 03.02.1994 Постановлением Правительства Российской Федерации, Институт электронного арбитража, представляющий собой онлайн-платформу на базе сайта в интернете, войдя в которую, стороны могут разрешать спор путем третейского судопроизводства, – интернет-аналог упрощенного коммерческого производства по делам, в которых фигурируют незначительные суммы (до 50 тыс. долларов США).

Система предусматривает полный электронный документооборот, все документы, находящиеся в ней, защищены от стороннего вмешательства и предоставлены только сторонам процесса. Все процессуальные документы в системе подписываются электронной подписью, гарантирующей личность подписавшего, а судебные заседания проходят онлайн в режиме видеоконференцсвязи.

Стоит заметить, что в настоящее время такая система рассмотрения споров в режиме онлайн никак не регламентирована законодательством Российской Федерации, между тем она является отличным примером российского подхода к решению проблемы максимально быстрого урегулирования споров, связанных с бизнес-контрактами.

О повышении роли Российской Федерации в участии в разрешении международных ком-

мерческих споров говорит и запланированное проведение Российским национальным комитетом Международной торговой палаты 3 декабря 2019 года XI конференции по международному арбитражу «Россия как место разрешения споров» [2].

Мероприятие традиционно ставит целью содействовать развитию третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража в России и странах СНГ, популяризации России как места разрешения споров и продвижению российских арбитров на национальном и международном уровнях.

В качестве заключения можно констатировать, что арбитражное соглашение как договорный способ закрепления принципа гибкости – это максимально эффективный инструмент, позволяющий сторонам бизнес-контрактов самостоятельно, с учетом особенностей конкретных деловых отношений конструировать процедуру разрешения коммерческих споров.

В целях усовершенствования правового регулирования арбитражного соглашения в Российской Федерации, а также повышения роли Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ необходимым представляется законодательное закрепление растущей легитимной альтернативы применимых форм арбитражного соглашения, а также электронных систем рассмотрения арбитражных споров.

В частности, считаем возможным внесение изменений в Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» в части урегулирования вопросов удаленного арбитражного разбирательства посредством использования интернет-ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Gellman R. A Brief History of the Virtual Magistrate Project: The Earle Months // The On-Line Dispute Resolution Conference, Washington, DC [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umass.edu/dispute/ncair/gellman.htm>.
2. ICC Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iccwbo.ru/meropriyatiya/2019/mezhdunarodnaya-arbitrazhnaya-konferentsiya-rossiya-kak-mesto-razresheniya-sporov>.
3. The Global Competitiveness Report // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf>.
4. United Service Organisations. (n.d.) On-line settlement of disputes for cross-border electronic commerce transactions. Draft outcome document reflecting the elements and principles of the ODR procedure (A/CN.9/WG.III/WP.140).

5. Вит Хорачек. Онлайн-Арбитраж // Legal Insight. 2014. № 8 (34). С. 2.

6. Казаченок С.Ю. Развитие lex electronica как предпосылка включения в арбитражное соглашение условия об онлайн-арбитраже // Современное право. 2014. № 10. С. 124–130.

7. Казаченок С.Ю. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015.

8. Лопатина Д.А. Обеспечительные меры в международном коммерческом арбитраже // Реклама и право. 2008. № 2. С. 35–38.

9. Лопатина Д.А. Правоприменительное значение обеспечительных мер, принятых международным коммерческим арбитражем // Арбитражный гражданский процесс. 2009. № 3. С. 29–33.

10. Миръез Филипп. Онлайн-Арбитраж // Legal Insight. 2014. № 8 (34). С. 8.

References (transliterated)

1. Gellman R. A Brief History of the Virtual Magistrate Project: The Earle Months // The On-Line Dispute Resolution Conference, Washington, DC [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://www.umass.edu/dispute/ncair/gellman.htm>.
2. ICC Russia [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://www.iccwbo.ru/meropriyatiya/2019/mezhdunarodnaya-arbitrazhnaya-konferentsiya-rossiya-kak-mesto-razresheniya-sporov>.
3. The Global Competitiveness Report // World Economic Forum [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://www.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf>.
4. United Service Organisations. (n.d.) On-line settlement of disputes for cross-border electronic commerce transactions. Draft outcome document reflecting the elements and principles of the ODR procedure (A/CN.9/WG.III/WP.140).
5. Vit Xorachek. Onlajn-Arbitrazh // Legal Insight. 2014. № 8 (34). S. 2.
6. Kazachenok S.Yu. Razvitie lex electronica kak predposyl'ka vklyucheniya v arbitrazhnoe soglashenie usloviya ob onlajn-arbitrazhe // Sovremennoe pravo. 2014. № 10. S. 124–130.
7. Kazachenok S.Yu. Soglashenie ob arbitrazhe v sisteme chastnopravovogo obespecheniya vneshnee'konomiceskix sdelok: metodologiya formirovaniya i praktika primeneniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Volgograd, 2015.
8. Lopatina D.A. Obespechitel'ny`e mery` v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Reklama i pravo. 2008. № 2. S. 35–38.
9. Lopatina D.A. Pravoprimeritel'noe znachenie obespechitel'ny`x mer, prinyaty`x mezhdunarodny`m kommercheskim arbitrazhem // Arbitrazhny`j grazhdanskij process. 2009. № 3. S. 29–33.
10. Mir'ez Filipp. Onlajn-Arbitrazh // Legal Insight. 2014. № 8 (34). S. 8.

Терехова В.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Цель: Согласно отечественному законодательству, как мать, так и отец, наделены в равной степени одинаковыми правами и обязанностями, действие которых можно считать официально законченным по достижении ребенком совершеннолетия, то есть после исполнения 18-летнего возраста, признанного российским законодательством началом несения самостоятельной ответственности. Цель статьи – рассмотреть права и обязанности родителей относительно собственного ребенка, а также вопросы лишения родительских прав в отечественном законодательстве.

Методология: При написании данной статьи использовались аналитический и формально-юридический методы.

Результаты: В данной статье автором изучены теоретические и правовые стороны рассматриваемого вопроса; проанализированы статистические данные по лишению родительских прав в различных регионах РФ за последние несколько лет; рассмотрены материалы судебной практики.

По итогам исследования автор сделал следующие выводы. В российской правовой системе понятие родительских прав обозначается в Семейном кодексе РФ, устанавливающем содержание данных прав и порядок их реализации. Основания для лишения родительских прав закреплены положениями Семейного кодекса Российской Федерации. Лишение прав – обратимый процесс, если родители захотят поменять свое отношение к семье и родительским обязанностям. Глава 12 СК РФ закрепляет основные механизмы осуществления родителями их прав. Наряду с группой обозначенных выше непосредственных прав, ст. 65 СК РФ устанавливает дополнительное право получать широкий спектр поддержки и содействия от государства. Лишить возможности использования группы вышеозначенных прав в рамках действующих законодательных норм может только суд. Согласно нормам данной статьи, в ходе судебных слушаний на лиц, лишенных прав, могут возлагаться алиментные обязательства.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит актуальные статистические материалы по лишению родительских прав в различных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: родительские права, лишение родительских прав, несовершеннолетние, супруги.

Terekhova V.V.

ISSUES OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Purpose: According to domestic legislation, both mother and father are endowed with equal rights and obligations, the effect of which can be considered officially completed upon reaching the age of majority of the child, that is, after the execution of 18 years of age, recognized by Russian legislation the beginning of self-responsibility. Purpose of article – consider the rights and obligations of parents with respect to their own child, as well as issues of deprivation of parental rights in the domestic legislation.

Methodology: Analytical and formal legal methods were used in writing this article.

Result: In this article the author has done the following:

1. The theoretical and legal aspects of the issue are considered;
2. statistical data on deprivation of parental rights in various regions of the Russian Federation over the past few years are analyzed;
3. materials of judicial practice are considered.

According to the results of the study the author made the following conclusions. In the Russian legal system, the concept of parental rights is indicated in the Family code of the Russian Federation, which establishes the content of these rights and the procedure for their implementation. The grounds for deprivation of parental rights are enshrined in the provisions of the Family Code of the Russian Federation. Deprivation of rights is a reversible process if parents want to change their attitude to the family and parental responsibilities. Chapter 12 of the RF IC establishes the basic mechanisms for parents to exercise their rights. Along with the group of direct rights indicated above, article 65 of the RF IC establishes an additional right to receive a wide range of support and assistance from the state. Deprivation of the possibility of using the group of the above rights, within the framework of existing legislation, can only court. According to the provisions of this article, alimony obligations may be imposed on persons deprived of their rights during court hearings.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value, as it contains relevant statistical material on deprivation of parental rights in different regions of the Russian Federation.

Keywords: parental rights, deprivation of parental rights, minors, spouses.

Основания для лишения родительских прав закреплены положениями Семейного кодекса Российской Федерации. Также по семейному законодательству можно применить для родителей другие жесткие санкции: ограничить родительские права; отобрать ребенка при угрозе его жизни и здоровью. Каждое из подобных наказаний предусмотрено для защиты интересов детей, не достигших 18 лет, и зависит от тяжести совершенных родителями по отношению к ребенку правонарушений.

Необходимо отметить, что лишение прав – это обратимый процесс, если родители захотят поменять свое отношение к семье и родительским обязанностям. Так, в 2018 году в Московской области 1165 родителей были лишены родительских прав, в том числе в пяти случаях это было связано с жестоким обращением с детьми. 32 родителя восстановили по суду свои родительские права [8].

По общему количеству случаев лишения родительских прав по всем причинам (а не только за жестокое обращение) лидирует Московская область с показателем 1165, в Красноярском крае их – 1126, Свердловской области – 981, Пермском крае – 964, Нижегородской области – 947 [9].

Процесс, лишаящий родителей их родительских прав, может быть официально начат, когда одна из сторон родительской пары или же сразу оба родителя – как отец, так и мать – не являются ответственным исполнителями своих обязанностей перед собственными детьми или же, в иной ситуации, используют свои права в ключе их злоупотребления [4, с. 56].

В соответствии со статьей 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены судом родительских прав, если они [1, с. 48]:

а) уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов.

Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении.

О злостном характере уклонения от уплаты алиментов могут свидетельствовать, например, наличие задолженности по алиментам, образовавшейся по вине плательщика алиментов, уплачиваемых им на основании нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов или судебного постановления о взыскании алиментов; сокрытие им действительного размера заработка и (или) иного дохода, из которых должно произ-

водиться удержание алиментов; розыск родителя, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им своего места нахождения; привлечение родителя к административной или уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Так, согласно Решению Волжского районного суда (Самарской области) от 21 февраля 2019 г. по делу № 2-3192/2018 Администрация муниципального района обратилась в суд с иском к Л.Т.А. о лишении родительских прав. В иске указано, что Л.Т.А. является матерью несовершеннолетних детей: Л.В.А., в отношении которой постановлением Администрации муниципального района установлено попечительство, и Л.С.А., который в настоящее время находится в ГКУЗ СО «ВСПЦН «Тополек». Отец несовершеннолетних детей – Л.А.В. – умер... Семья состоит на сопровождении в ГКУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» по основанию ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, пренебрежительного отношения к нуждам несовершеннолетних детей. Решением Волжского районного суда Л.Т.А. ограничена в родительских правах в отношении несовершеннолетних детей, по заявлению матери несовершеннолетние Л.В.А. и Л.С.А. были определены в ГКУ СО «Волжский социально реабилитационный центр для несовершеннолетних «Тополек» на 6 месяцев. По окончании срока пребывания несовершеннолетних в ГКУ СО «ВСПЦН Тополек» Л.Т.А. детей домой не забрала. По информации администрации ГКУ СО «ВСПЦН «Тополек», Л.Т.А. не навещает в центре своего сына Л.С.А. Над Л.В.А. на основании Постановления установлено попечительство. В соответствии с приказом Минобрнауки России «Об утверждении порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» несовершеннолетние Л.В.А. и Л.С.А. поставлены на первичный учет в банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Л.Т.А. было направлено письмо о том, что дети поставлены на первичный учет, но по настоящее время ответчик в отдел не обратилась. Решением Волжского районного суда с Л.Т.А. взысканы алименты на содержание несовершеннолетних детей в размере 1/6 от всех видов заработка ежемесячно. Однако Л.Т.А. уклоняется от выполнения алиментных обязательств, перечислений на лицевых счетах нет. С Л.Т.А. планомерно проводилась ра-

бота по восстановлению социального здоровья семьи, повышению уровня родительской компетенции, мотивации на ведение здорового образа жизни и трудоустройства, она предупреждалась об ответственности за уклонение от выполнения родительских обязанностей.

Ссылаясь на указанные обстоятельства, с учетом уточнения заявленных требований, истец просит лишить Л.Т.А. родительских прав в отношении несовершеннолетних Л.В.А., Л.С.А.

В силу ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злом уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, являются больными хроническим алкоголизмом, совершили умышленные преступления против жизни и здоровья своих детей.

В соответствии со ст. 70 СК РФ лишение родительских прав производится в судебном порядке.

Руководствуясь ст. 194–199 ГПК РФ, суд решил исковые требования Администрации муниципального района удовлетворить;

б) отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций.

При рассмотрении иска о лишении родительских прав по данному основанию суду, в частности, следует проверить: какими причинами был обусловлен такой отказ и являются ли они уважительными; имеют ли родители (один из них) предусмотренное законом право на устройство своего ребенка на полное государственное обеспечение в соответствующие организации и учреждения, и если имеют, то на какой срок; поддерживают ли родители (один из них) отношения с ребенком; предпринимались ли родителями (одним из них) какие-либо меры к преодолению обстоятельств, послуживших основанием для отказа взять ребенка, и (или) изменились ли эти обстоятельства (например, родителям, временно поместившим ребенка на основании подпункта 2 пункта 3 статьи 14 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершен-

нолетних» в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в связи с утратой семьей жилого помещения в результате стихийного бедствия, предоставлено жилое помещение; одинокий родитель, находившийся в трудной жизненной ситуации в связи с утратой работы, трудоустроился);

в) злоупотребляют своими родительскими правами [1, с. 52].

Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности (статья 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», статья 24 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»);

г) жестоко обращаются с детьми.

Жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность.

Так, российский регион – лидер по количеству родителей, лишенных прав за жестокое обращение с детьми, – Крым. Там за 2018 год было принято 26 таких решений; в Приморском крае – 17, Архангельской области – 14, Нижегородской и Оренбургской – по 11 [7];

д) являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией.

Хронический алкоголизм или заболевание родителей наркоманией должны быть подтверждены соответствующими медицинскими документами. Лишение родительских прав по этому основанию может быть произведено независимо от признания ответчика ограниченно дееспособным;

е) совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Факт совершения указанного преступления должен быть подтвержден вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

Вышеуказанный список имеет закрытый характер, то есть все перечисленные в нем основания являются единственно верными для осуществления процесса лишения родителей их прав.

Итак, что же нужно для реализации процесса лишения родительских прав как обеих сторон родительской пары, так и каждого в отдельности? Кому предоставляется возможность подать заявление с иском в суд о лишении родительских прав? Инициатором данной процедуры может выступить одна из сторон пары родителей, законный представитель опекуна над ребенком или его попечительства. Но не одни они имеют возможность подать иск [3, с. 104].

Также с вопросом о рассмотрении требования лишить родителей их прав в суд могут обратиться представители прокуратуры и государственные организации или муниципальные учреждения, например органы опеки над детьми или административные лица детского приюта или дома сиротки. Все они должны действовать, основываясь исключительно на интересе самого ребенка. Другие же – в лице близких или дальних родственников, преподавателей или воспитателей-педагогов учреждений образовательного характера – не имеют права обращения в судебные органы с требованием лишить родителей их прав. Но, тем не менее, они обладают возможностью подать на рассмотрение в суд особое заявление – ходатайство с подобной инициативой.

Так, из документации необходимо предъявить [3, с. 106]:

- паспорт;
- свидетельства о заключении брака (если таковой был зарегистрирован) или же совершении бракоразводного процесса (если брак является расторгнутым), о рождении ребенка;
- выписку, подтверждающую регистрацию обращающегося с исковым заявлением, а также того, на кого оно было подано в суд, по месту жительства;
- место проживания ребенка должно быть подвержено проверке условий жилища, так, придется предоставить соответствующий документ – акт о наличии такой проверки;
- характеристику с места работы, опять же, обращающегося с иском, а также того, на кого по-

дают в суд; характеристику ребенка из образовательного или воспитательного учреждения, в котором ребенок является официальным учащимся или же пребывает в данном учреждении до поступления в школу;

– справку от обоих родителей, свидетельствующую об их заработной плате, – 2-НДФЛ, также необходимую документацию о наличии источника дополнительного заработка (если таковой имеется), например договор об аренде недвижимого имущества;

– справку (если таковая имеется) об алиментной сумме долга от представителей суда – приставов; справку от медицинского учреждения;

– прочую документацию, свидетельствующую о безответственном отношении одного из родителей или их обоих к соблюдению своих прямых обязанностей касательно ребенка, или же документы, подтверждающие достоверный факт, что поведение родителей не вписывается в рамки норм общепринятого порядка.

Данный список документации, необходимый к предъявлению перед судебным органом, носит только приблизительный характер.

Перечень можно пополнять, изменять – все зависит от конкретной ситуации, например [2, с. 141]:

– когда один из родителей был жесток в обращении с ребенком – подвергал физическому насилию, избиению, при наличии доказательственных фактов, например показаний свидетеля совершенного преступного действия над ребенком, а также медицинского заключения, зафиксированного факта о наличии следов от побоев; другое обстоятельство, но аналогичное плана – когда один из родителей покусился на неприкосновенность ребенка в плане его пола, также справедливыми доказательствами здесь являются свидетельства от очевидцев, показания, зафиксированные в протоколе, от самого ребенка, и заключения, сделанные в медицинском учреждении;

– когда данное дело уже имеет вынесенный приговор от суда, то его нужно прикрепить к папке с основными документами (перечень которых был произведен выше), это послужит доказательством к исковому заявлению;

– когда один из родителей совершил преступное действие против родственников или других членов семейства, то приговор, заключенный на законной основе, тоже необходимо прикрепить к списку основных документов как еще одно доказательство к иску;

– когда один из родителей является патологическим алкоголиком или наркоманом, такое

обстоятельство должно быть подкреплено соответствующими справками из медицинского учреждения – диспансера;

– при ограничении дееспособности одного из родителей решение суда по этому поводу тоже нужно прикрепить к папке с основной документацией.

С количеством убедительных дополнительных, доказывающих справедливость иска фактов растет процент успеха выиграть судебное дело, также увеличиваются шансы и на лаконичный процесс.

После грамотного составления заявления и сбора всех необходимых документов можно отправляться в суд для подачи иска. Полезные рекомендации о том, как проходит порядок подачи иска в судебный орган: режим работы судов не круглосуточный, поэтому подать заявление в любое время не представляется возможным. Так, необходимо заранее узнать режим работы суда. Вся информация о приемных часах обычно размещена на специальном информационном стенде в здании самого суда либо на его официальном сайте в интернете. Копии искового заявления и всей необходимой документации должны быть размножены для всех представителей сторон, принимающих участие в процессе ведения судебного дела.

Обычно данный набор документов составляют 4–5 копий: 4 – на главных представителей от всех сторон (судебный орган, заявитель, ответчик, заинтересованное лицо) и 5-й экземпляр на всякий случай. Копии документов непременно должны сопровождаться подлинным вариантом, так как официальное заверение документа возможно только при наличии оригинала. Перед подачей искового заявления необходимо пройти процедуру оплаты госпошлины, квитанция, свидетельствующая о проходе платежа, также должна быть прикреплена к основному пакету всех документов. С 2015 года содержание Налогового кодекса претерпело некоторые изменения в плане размера выплат госпошлины. Так, взимаемая за подачу иска сумма составляет 300 рублей. Цена этой процедуры может варьироваться в зависимости от сопутствующих заявлений (если таковые имеются): например, если одновременно с подачей иска заявитель решил предъявить требования о выплате алиментов [2, с. 175].

Подготовленное заявление и прикрепленные к нему документы подаются в суд района (города) по месту жительства того, на кого подали иск, то есть той стороны, которую должны лишить прав родительства.

Судебный орган – единственный уполномоченный представитель власти, который является компетентным в вынесении приговора в вопросе о лишении прав на родительство. В процессе судебного дела принимают участие следующие стороны: оба родителя, ребенок, представитель прокуратуры, органов опеки или попечителя. Сама процедура судебного заседания длится достаточно долгое время, так как требует тщательного изучения и анализа сложившихся обстоятельств, составления психологического и социального портрета обоих родителей и ребенка, проверки достоверности данных (приложенной документации). При этом вынесение судебного решения опирается не только на задокументированные доказательства, а еще и заключение представителя прокуратуры и органов опеки или попечителя.

Принятие итогового приговора суда не только вынесение приговора о лишении прав или отклонение иска, но и решение ряда сопутствующих вопросов. Если истец не располагает информацией о точном адресе проживания того, на кого он подает заявление, то иск может быть подан в суд на основе информации о последнем месте проживания на территории РФ отвечающей стороны (в соответствии со статьей 29 Гражданского процессуального кодекса РФ). Хотя российское законодательство и не предусматривает единого образца заполнения заявления по поводу лишения родительских прав, все же его составление требует соблюдения нескольких основных правил. Они предусмотрены в статье 131 Гражданского процессуального кодекса РФ:

– в исковом заявлении должна содержаться информация о наименовании судебного органа, в который подается данное заявление;

– необходимо указать информацию о персональных данных истца и отвечающей стороны (ФИО, адрес проживания, контактные данные – номера телефонов и адреса электронной почты);

– также необходимо предоставить сведения о прокурорах, ведущих данное дело, представителях органов опеки или попечителях;

– следует указать обстоятельства, которые являются основой требований истца, а также справедливые доказательства, точно подтверждающие сложившуюся ситуацию; необходимо перечислить весь пакет документов, прикрепленных к исковому заявлению.

Лишение родительских прав относится к средствам государственного регулирования семейных отношений, необходимых для исполнения и защиты прав детей. Сама процедура проходит в рамках судебного процесса и предполагает

участие в слушаниях представителей органов власти и наличие искового заявления. Иск может быть подготовлен и направлен в суд как самими органами госвласти, так и кем-либо из родителей.

В российской правовой системе понятие родительских прав обозначается в Семейном кодексе РФ, устанавливающем содержание данных прав и порядок их реализации. Так, глава 12 СК РФ закрепляет основные механизмы осуществления родителями их прав, включающие:

1. Реализацию мер воспитательного процесса.
2. Совместное проживание.

3. Получение материального содержания от детей по достижении ими совершеннолетнего возраста.

Наряду с группой обозначенных выше непосредственных прав, ст. 65 СК РФ устанавливает дополнительное право получать широкий спектр поддержки и содействия от государства. Речь здесь идет о помощи, необходимой для обеспечения жизни и развития ребенка. К их числу относятся как различные льготы, предоставляемые молодым и многодетным семьям, так и предоставление медицинских или образовательных услуг на безвозмездных или льготных основаниях, а также получение денежных выплат – регулярных и единовременных.

Лишить кого-либо возможности использования группы вышеозначенных прав в рамках действующих законодательных норм может только суд. Согласно нормам данной статьи, в ходе судебных слушаний на лиц, лишенных прав, могут возлагаться алиментные обязательства. Стоит обратить внимание на то, как инициируется судебный процесс.

Пристатейный библиографический список

1. Гомола А.И., Гомола И.А., Саломатов Е.Н. Семейное право. М.: Academia, 2017.

2. Корнеева И.Л. Семейное право. М.: Юрайт, 2017.
3. Кравцова Л.Н. Семейное право. М.: Феникс, 2016.
4. Радько Т.Н. Основы семейного права. М.: Проспект, 2016.
5. Рясенцев В.А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 2016.
6. Цагарели А.А. Гражданское уложение. Кн. 2. Семейное право. Т. 1. М.: Книга по Требованию, 2017.
7. Власти раскрыли данные о жестоком обращении с детьми в регионах [Электронный ресурс]. URL: <https://newvz.ru/info/159202.html>.
8. Детский омбудсмен раскрыла статистику лишения родительских прав [Электронный ресурс]. URL: <https://nnsn.fm/society/society-detskiy-ombudsmen-raskryla-statistiku-lisheniya-roditelskikh-prav-v-moskovskoy-oblasti>.
9. Пермский край стал лидером по числу случаев жестокого обращения с детьми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4060734>.

References (transliterated)

1. Gomola A.I., Gomola I.A., Salomatov E.N. Semejnoe pravo. M.: Academia, 2017.
2. Korneeva I.L. Semejnoe pravo. M.: Yurajt, 2017.
3. Kravczova L.N. Semejnoe pravo. M.: Feniks, 2016.
4. Rad'ko T.N. Osnovy` semejnogo prava. M.: Prospekt, 2016.
5. Ryasencev V.A. Semejnoe pravo. M.: Yurid. lit., 2016.
6. Czagareli A.A. Grazhdanskoe ulozhenie. Kn. 2. Semejnoe pravo. T. 1. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2017.
7. Vlasti raskry`li dannyye o zhestokom obrashhenii s det`mi v regionax [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://newvz.ru/info/159202.html>.
8. Detskiy ombudsmen raskry`la statistiku lisheniya roditel`skix prav [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://nnsn.fm/society/society-detskiy-ombudsmen-raskryla-statistiku-lisheniya-roditelskikh-prav-v-moskovskoy-oblasti>.
9. Permskiy kraj stal liderom po chislu sluchaev zhestokogo obrashheniya s det`mi [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4060734>.

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Бессарабова С.Ю.

РАЗДЕЛ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПОСЛЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА И УСТАНОВЛЕНИЕ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Цель: Рассмотрение проблемы установления сроков исковой давности при разделе совместно нажитого имущества супругов.

Методология: В данной работе использовались формально-юридические и историко-правовые методы.

Результаты: На основании данного исследования было выявлено, что отечественное законодательство нуждается во внедрении уточнений относительно сроков давности при разделе совместного имущества.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, поскольку вопрос по уточнению сроков давности раздела имущества очень важен и актуален в настоящее время.

Ключевые слова: расторжение брака, супруги, бывшие супруги, имущество.

Bessarabova S.Yu.

DIVISION OF JOINTLY ACQUIRED PROPERTY OF SPOUSES AFTER DISSOLUTION OF MARRIAGE AND THE STATUTE OF LIMITATIONS

Purpose: Consideration of the problem of establishing a statute of limitations in the division of jointly acquired property of spouses.

Methodology: Formal legal and historical – legal methods were used in this work.

Results: Based on this study, it was revealed that the domestic legislation needs to introduce clarifications regarding the Statute of limitations in the division of joint property.

Novelty/originality/value: The Article has a scientific value, as the question of clarifying the limitation period of the division of property is very important and relevant at the present time

Keywords: dissolution of marriage, spouses, former spouses, property.

Семейный кодекс РФ предусматривает возможность раздела общего имущества после развода по инициативе любого из супругов. Процесс непростой и требует юридических познаний. Если отсутствуют споры между супругами, они могут решить этот вопрос самостоятельно, составив заверенное нотариально соглашение, в противном случае раздел имущества будет осуществляться через суд.

По действующему законодательству исковая давность при разделе общего имущества между мужем и женой – это период времени, на протяжении которого возможно восстановить нарушенное право.

Основной целью института исковой давности выступает внедрение дисциплины для участников оборота и их подталкивание к исполнению своих прав и обязанностей. Как показывает практика, неопределенность в аспекте данного рода отношений по своей сути имеет противоречия. Получается, что основание для применения исковой давности сосредоточено в необходимости строгого порядка для общества в целом.

Необходимо разобраться, с какого именно момента начинается исчисление срока исковой давности.

Расторжение брака в официальном порядке не является окончательным этапом взаимоотношений бывших супругов. Часто для бывших супругов на первом месте находится вопрос, свя-

занный с делением совместно нажитого имущества. В данной процедуре может рассматриваться только имущество, приобретенное во время брачных отношений. При этом совместной собственностью не могут признаваться долговые обязательства супругов, и к категории делимого имущества могут быть отнесены только возникшие имущественные права.

Такого же мнения придерживаются В.А. Рясенцев, А.М. Белякова, М.Г. Масевич, И.М. Кузнецова, Ю.А. Королев. Они полагают, что «к совместной собственности относится имущество, нажитое в браке. Нажито то, что приобретено, получено, а не долги» [3].

Необходимо рассмотреть наличие исковой давности в вопросах раздела имущества при разводе.

По действующему отечественному законодательству исковая давность при разделе общего имущества между мужем и женой – это тот временной интервал, когда на правовой основе можно восстановить нарушенные права.

Гражданский кодекс устанавливает определение исковой давности, при котором в понятие вкладывается период правовой защиты истца, заявившего о нарушении его прав (ст. 195 ГК РФ). К тому же законодательством установлено недопущение изменений срока давности путем соглашения сторон (ст. 198 ГК). Такое же правило установлено и относительно приостановления

или прерывания срока давности, установленного гражданским кодексом и федеральными законами. Такими нормами должны руководствоваться все судебные органы власти.

Принято рассматривать объективное понятие исковой давности как институт гражданско-правового характера, которой содержит в себе нормы, регулирующие гражданские отношения. В то же время, рассматривая субъективную сторону понятия, следует определять исковую давность в качестве права лица, интересы которого нарушены, и оно имеет возможность использовать защиту своих законных интересов в течение определенного времени.

Основной целью института исковой давности выступает внедрение дисциплины для участников оборота и их подталкивание к исполнению своих прав и обязанностей. Как показывает практика, неопределенность в аспекте данного рода отношений по своей сути имеет противоречия. Получается, что основание для применения исковой давности сосредоточено в необходимости строгого порядка для общества в целом и способно колебать приобретенные и установленные законодательством права, а также возбуждать протесты [8]. Все это определяет нормы гражданско-правового института императивными [9].

Семейный кодекс РФ предусматривает возможность раздела общего имущества после развода по инициативе любого из супругов. Процесс непростой и требует юридических познаний. Если отсутствуют споры между супругами, они могут решить этот вопрос самостоятельно, составив заверенное нотариально соглашение, в противном случае раздел имущества будет осуществляться через суд. В таком случае необходимо разобраться, с какого момента начинает течь срок исковой давности.

В настоящее время, исследуя практику и научную литературу, можно выделить две основополагающие стороны, выражающие момент наступления исковой давности в данных вопросах. Срок наступает:

- 1) сразу после развода;
- 2) с момента нарушения [2].

В данном случае следует ссылаться на п. 7 ст. 38 Семейного кодекса, в котором прописан срок давности в три года. В то же время, анализируя ст. 9 СК РФ и ст. 195–200 ГК РФ, следует исчислять срок исковой давности в три года.

Обращение в суд с просьбой о разделе общей собственности может быть подано мужем или женой в таких случаях:

1. Когда супруги в браке, но при этом задумываются или не задумываются о разводе.

2. Когда супружеская пара находится в процессе расторжения брака.

3. Непосредственно после расторжения брака.

Следует обратить внимание, отмечает Л.М. Пчелинцева, что в правовом аспекте семейного права в большей мере находят отражение неимущественные права, срока давности которых не предусмотрено [5].

Необходимо разобраться, с какого именно момента начинается исчисление срока давности. На практике чаще встречаются случаи, когда срок исковой давности берет свое начало с момента расторжения брачных отношений между супругами в судебном порядке.

Пленум Верховного Суда [14] определяет срок исковой давности в тот момент, когда лицо, чьи права нарушены, узнало или должно было узнать об ущемлении своих прав, а не с момента расторжения брачных отношений.

При разделе имущества сроки исковой давности зависят от конкретных обстоятельств. Периодом для исчисления сроков может быть любой момент, когда кто-то из бывших супругов осознал, что его права были нарушены. В этом случае гражданин вправе потребовать разбирательства в суде после трех лет. Если бывшие муж и жена после момента расторжения брачных отношений продолжают проживать на одной территории, относящейся к совместной собственности, отсчет срока исковой давности следует начинать с момента ущемления прав на данное имущество. К примеру, муж запретит жене входить в квартиру; между супругом и супругой возникнут споры о распорядке проживания в данной квартире; один из бывшей семейной пары продаст квартиру без ведома второй стороны. Таким образом, течение срока исковой давности будет брать начало с момента, когда какой-либо из супругов узнал о нарушении своих прав на совместное имущество, а не с момента расторжения брака. Моментом отсчета срока давности может считаться любое время после расторжения брачных отношений.

Некоторые ученые и практики придерживаются мнения о том, что нарушение права на совместную собственность может считаться моментом возникновения спорных ситуаций между бывшими супругами. ВС РФ определяет, что если лица после развода по-прежнему используют общее имущество совместно, то в процессе судебного разбирательства срок давности может быть рассчитан с момента совершения определенных ущемляющих права другого супруга действий,

который посредством таких действий не сможет распоряжаться этим имуществом, к примеру произошедшего отчуждения.

Статьей 202 ГК РФ предусмотрены ситуации, при наличии которых можно приостановить течение срока исковой давности, которая распространяется на спорные взаимоотношения о разделе общей собственности между супругами. Приостановление исковой давности может быть применено, например, если супруга или супруг не могли подать заявление в суд из-за чрезвычайных событий, к примеру стихийного бедствия; если кто-то из супругов пребывает на службе в армии и переведен на военное положение; когда отсрочено выполнение обязательства; в случае, когда действие документа, координирующего данные отношения между супругами, приостанавливается.

По общим правилам пропуск срока исковой давности создает препятствия на пути к обращению в суд заинтересованного лица. Однако если истец пропустил срок исковой давности, он может подать ходатайство о его продлении.

Следует обратить внимание, что законодательство не ограничивает понятие уважительных причин конкретными рамками. Уважительной причиной пропуск сроков будет считаться только в том случае, если он произошел в последние шесть месяцев исковой давности. Если этот период времени равен шести месяцам или менее, то в течение срока исковой давности также пропущенный срок возможно восстановить. Это происходит тогда, когда он был пропущен по уважительной причине.

В научных публикациях часто встречается мнение о том, что применение исковой давности в вопросах раздела имущества для супругов не имеет оснований [12].

В судебной практике есть случаи, когда раздел имущества происходит и после 5–6 лет с момента расторжения брака. В частности, если бывшие супруги не перестают пользоваться общим имуществом совместно, то в процессе судебного разбирательства срок давности может быть рассчитан с момента совершения определенных ущемляющих права другого супруга действий, который посредством таких действий не сможет распоряжаться этим имуществом. Необходимо иметь в виду тот аспект, что судебная практика к моменту, с которого начинается течение срока давности по спорам о делении совместной собственности, в большинстве случаев относит: смерть бывшего мужа либо жены и открытие наследства; создание препятствий в пользовании имуществом; отказ зарегистрировать лицо в жилом помещении,

которое является предметом спора; отказ заключать соглашения о разделе имущества; распоряжение общим имуществом без ведома одного из семейной пары. Когда вышеперечисленных обстоятельств нет, то срок исковой давности не начинается.

Помимо этого, нередко встречается судебная практика, в которой истцам по причине пропущенного срока давности отказывают в вопросе раздела совместно нажитого имущества. После расторжения брачных отношений на протяжении трех лет наблюдались регулярные конфликты относительно реализации своих прав на совместно нажитое имущество, то есть комнату. Супруга ограничила право доступа в комнату для истца. Таким образом, по истечении трех лет со дня развода истец узнал о нарушении прав на имущество. В данной ситуации судом признано нарушение срока [15]. Другим примером может послужить решение, при котором супруг узнал о нарушении своих прав в 2003 году, но не подавал заявление на супругу. По истечении срока давности, только в 2010 году, истец решил подать заявление о нарушении своих прав. Решением суда было отказано в принятии искового заявления по причине нарушения сроков исковой давности [16]. Еще одним примером может быть ситуация, когда брак был расторгнут в 1985 году, и в этом случае ответчик считал, что срок давности истек (п. 7 ст. 38 СК РФ). При этом доказательств нарушения прав в 2010 году предоставлено не было. В данном случае суд принял решение об отказе в принятии заявления [17]. Данный вопрос рассматривался и другими судебными разбирательствами [18–21].

Помимо общих сроков давности нередко применяются и специальные сроки, которые, как правило, используются при возникновении споров относительно имущества, которое куплено посредством заключения договора инвестирования в строительство. В данном случае срок будет отсчитываться с момента оформления имущественных прав [19].

Таким образом, можно выделить случаи, при которых будет иметь место возникновение нарушения права одного из супругов. К таким аспектам могут быть отнесены: отчуждение собственного имущества посредством сделок; отсутствие свободного доступа к совместному имуществу; невозможность свободного пользования имуществом в случае, когда им пользуется другой супруг; остальные действия, при которых использование имущества по назначению не представляется возможным.

Таким образом, можно отметить, что в анализируемом аспекте срок исковой давности будет рассчитываться относительно времени нарушения права собственности одного из супругов. При этом нарушение прав может возникнуть не после развода, но и в течение многих лет после него. Проблемным аспектом может выступать то, что нарушение права определяется как оценочная категория и во многом зависит от кругозора судьи, рассматривающего конкретный вопрос.

Из вышеизложенного следует отметить, что отечественное законодательство нуждается во внедрении уточнений относительно сроков давности при разделе совместного имущества, тем самым устранив неопределенность в семейном праве относительно рассматриваемого вопроса. Помимо этого, целесообразным было бы повысить срок исковой давности рассматриваемого вопроса до 10 лет.

Пристатейный библиографический список

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник для вузов. М.: Юристъ, 2008.
2. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003.
3. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Юрлитиздат, 1954.
4. Черепяхин Б.Б. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности. Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 213.
5. Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1967.
6. Толстой Ю.К. Исковая давность // Правоведение. 1992. № 4. С. 12.
7. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1997.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 138-ФЗ, принят 14.11.2002, по состоянию на 04.12.2007 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 95-ФЗ, принят 24.07.2002, по состоянию на 25.03.2008 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
10. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. 4-е изд., перераб. М.: Норма, 2006. С. 51.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон № 146-ФЗ, принят 26.11.2001 по состоянию на 29.11.2007 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
12. Жилинкова И.В. Правовой режим имущества членов семьи. М., 2012. С. 195–196.
13. Учебник Гражданское право. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2003.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 05.11.1998 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

15. Дело № 2-5563/10, Бабушкинский районный суд г. Москвы.

16. Дело № 2-869/11, Ленинский районный суд г. Екатеринбурга.

17. Дело № 2-100/11, Черемушкинский районный суд г. Москвы.

18. Решение 15 сентября 2010 г. Промышленный районный суд г. Оренбурга.

19. Решение от 24 июня 2011 г., Дмитриевский районный суд Курской области.

20. Решение от 15 августа 2011 г., Советский районный суд г. Красноярск.

21. Дело № 33-5624/11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда.

22. Бюллетень судебной практики Московского областного суда за первый квартал 2012 года.

References (transliterated)

1. Antokol'skaya M.V. Semejnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Yurist`, 2008.
2. E`ngel`man I.E. O davnosti po russkomu grazhdanskomu pravu: Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. M.: Statut, 2003.
3. Noviczkiy I.B. Sdelki. Iskovaya davnost`. M.: Yurilitizdat, 1954.
4. Cherepaxin B.B. Sporny`e voprosy` ponyatiya i dejstviya iskovoy davnosti. Iskovaya davnost` v novom sovetskom grazhdanskom zakonodatel`stve // Cherepaxin B.B. Trudy` po grazhdanskomu pravu. M.: Statut, 2001. S. 213.
5. Griбанov V.P. Sroki v grazhdanskom prave. M.: Yurid. lit., 1967.
6. Tolstoj Yu.K. Iskovaya davnost` // Pravovedenie. 1992. № 4. S. 12.
7. Krashenninnikov E.A. Ponyatie i predmet iskovoy davnosti. Yaroslavl`: Izd-vo YarGU, 1997.
8. Grazhdanskiy processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon № 138-FZ, prinyat 14.11.2002, po sostoyaniyu na 04.12.2007 // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
9. Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon № 95-FZ, prinyat 24.07.2002, po sostoyaniyu na 25.03.2008 // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 30. St. 3012.
10. Pchelinceva L.M. Kommentarij k Semejnomu kodeksu RF. 4-e izd., pererab. M.: Norma, 2006. S. 51.
11. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` tret`ya): Federal`ny`j zakon № 146-FZ, prinyat 26.11.2001 po sostoyaniyu na 29.11.2007 // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 49. St. 4552.
12. Zhilinkova I.V. Pravovoj rezhim imushhestva chlenov sem`i. M., 2012. S. 195–196.
13. Uchebnik Grazhdanskoe pravo. T. 3 / pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. M., 2003.
14. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF № 15 ot 05.11.1998 «O primenenii sudami zakonodatel`stva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka».

15. Delo № 2-5563/10, Babushkinskij rajonnyj sud g. Moskvy`.

16. Delo № 2-869/11, Leninskij rajonnyj sud g. Ekaterinburga.

17. Delo № 2-100/11, Cheremushkinskij rajonnyj sud g. Moskvy`.

18. Reshenie 15 sentyabrya 2010 g. Promy`shlennyj rajonnyj sud g. Orenburga.

19. Reshenie ot 24 iyunya 2011 g., Dmitrievskij rajonnyj sud Kurskoj oblasti.

20. Reshenie ot 15 avgusta 2011 g., Sovetskij rajonnyj sud g. Krasnoyarska.

21. Delo № 33-5624/11. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo oblastnogo suda.

22. Byulleten` sudebnoj praktiki Moskovskogo oblastnogo suda za pervyj kvartal 2012 goda.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ.

Основными темами саммита являются:

1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?

2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;

3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.

В работе саммита примут участие признанные эксперты в области права и инвестиций, руководители юридических департаментов крупнейших государственных и частных компаний, старшие партнеры юридических фирм и представительств России, ОАЭ и Саудовской Аравии, послы стран Азии и Ближнего Востока, юристы Пакистана, Китая, Испании, Италии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Швейцарии и Малайзии, старшие юристы и адвокаты Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации и депутаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Партнерами форума являются:

Государственная Дума ФС Российской Федерации

BrandPol Group (Ирландия)

Палата адвокатов Саудовской Аравии

Общество адвокатов ОАЭ

Индийская Национальная Ассоциация Адвокатов

Глобальная Ассоциация юристов, говорящих на китайском языке (Китай)

Всекитайская Ассоциация Юристов (Китай)

Юридическая фирма Grandall (Китай)

Юридическая фирма Русский Дом Международные Юристы (Россия)

Палата адвокатов Азербайджана

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Куликов В.Ю.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В РАМКАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Цель: Рассмотреть современные особенности реализации принципа свободы договора в рамках заключения наследственного договора, выявить по итогам проведенного исследования проблемные аспекты данного вопроса и сделать авторские выводы.

Методология: В статье были использованы логический, правовой, системный и сравнительно-аналитический методы научного исследования.

Результаты: В статье рассмотрены особенности применения принципа свободы договора в наследственном праве в современных условиях изменения наследственного законодательства в России путем введения нового вида наследственного правопреемства в виде наследственного договора. Раскрыты особенности свободы договора с позиции гражданского права, которые легли в основу договорной свободы в наследственном праве. Выявлены особенности свободы договора и характеристики наследственного договора в сравнении с другими похожими видами договора.

Новизна/оригинальность/ценность: Автором статьи представлены проблемные точки при введении наследственного договора в систему наследственного права. Сделан вывод о том, что свобода договора, будучи основой гражданского законодательства, имеет большое значение для системы наследственного правопреемства.

Ключевые слова: договор, наследственный договор, свобода договора, наследственное право, наследственное правопреемство.

Kulikov V.Yu.

FEATURES OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE FRAMEWORK OF THE INHERITANCE CONTRACT

Purpose: To consider modern features of realization of the principle of freedom of contract in the framework of the conclusion of the hereditary contract and the results of the study to identify problematic aspects of the issue and make more of the findings of completed research.

Methodology: The article uses logical, legal, systemic and comparative-analytical methods of scientific research.

Results: The article the features of application of the principle of freedom of contract in inheritance law in modern conditions of change of the hereditary legislation in Russia by introduction of a new type of hereditary succession in the form of the hereditary contract are considered. The features of freedom of contract from the position of civil law, which formed the basis of contractual freedom in inheritance law, are disclosed. Features of freedom of contract and characteristics of the hereditary contract with other similar types of contract are revealed.

Novelty/originality/value: In conclusion, the author presents the problem points in the introduction of the inheritance contract in the system of inheritance law. It was also concluded that freedom of contract, being the basis of civil legislation, is no less and even more important for the system of hereditary succession.

Keywords: contract, inheritance contract, freedom of contract, inheritance law, hereditary succession.

В настоящее время в правовой литературе понятие свободы исследуется с различных точек зрения, в том числе в философии и теории права. При этом в цивилистической науке свобода рассматривается в связи с законодательным закреплением принципа свободы договора как главного для всей системы гражданского законодательства. Поэтому при рассмотрении свободы договора в наследственном праве, прежде всего, стоит опираться на нормы гражданского законодательства.

Главными мотивами закрепления принципа свободы договора в наследственном праве выступают свобода завещания и при определении диспозитивности правовых норм. Однако в связи с введением в законодательство о наследовании понятия наследственного договора принцип сво-

боды договора приобретает дополнительное значение. Стоит отметить, что наибольшее внимание понятию «свобода» в частном праве уделяется в научных работах философской и правовой направленности С.С. Алексеева [2].

В частях 1 и 2 статьи 6 Гражданского кодекса РФ речь идет о праве заключить договор, который не предусмотрен напрямую актами гражданского законодательства, однако соответствует общим принципам гражданского права. Кроме того, указывается право сторон регулировать в договоре, предусмотренном актами гражданского законодательства, дополнительные виды отношений, которые также не урегулированы актами.

В этой связи стоит отметить, что традиции понимания свободы договора были разработаны советским правоведением и на сегодняшний день

практически не включают какие-либо новшества, а потому и не вызывают интереса ученых. Вместе с тем наличие права сторон на отступление от положений законодательства, его содержание и пределы, а также введение новых видов договоров безусловно влекут за собой повышенный интерес к проблематике свободы договора, в частности в такой отрасли, как наследственное право [6, с. 455–465].

Относительно наследственного права можно выделить два отдельных направления научного исследования: свобода договора в соотношении со свободой завещания и отдельно договор как способ урегулирования наследственных правоотношений.

Отметим, что свобода завещания, согласно статьям 1119 и 1120 Гражданского кодекса РФ, выступает самостоятельным принципом, являющимся главным для всей системы наследственного права. В философском плане свобода завещания выступает в виде реализации принципа свободы воли как детерминанты поведения человека [5, с. 449–456].

Вместе с тем появление в законодательстве понятия наследственного договора ставит перед юристами новую задачу осмысления свободы договора, отличной от свободы завещания, но в то же время и смежной с ней. Так, наследственный договор в качестве основания наследственного правопреемства представляет собой соглашение между двумя сторонами, в соответствии с которым одна сторона (приобретатель) берет на себя обязательство выполнения по распоряжению второй стороны (отчуждателя) определенного действия имущественного или неимущественного характера и в момент его смерти получает право собственности на имущество отчуждателя, прописанное в договоре [8].

Рассмотрим основные характеристики наследственного договора для понимания отличия его от других видов договоров в гражданском праве, а значит и понимания специфичности свободы договора в наследственном правопреемстве.

Наследственный договор представляет собой документ, включающий в себя элементы завещания и дарения, при этом подразумевает включение и некоторых качественно новых положений.

В соответствии с нормами действующего гражданского законодательства российские граждане могут распоряжаться своим имуществом в случае смерти только путем составления завещания. В случае отсутствия завещания наследование необходимо осуществлять по закону, то есть в порядке очередности. Таким образом, здесь при-

сутствует принцип свободы при выборе способа передачи имущества наследодателя в случае его смерти [8].

В современном гражданском законодательстве содержится указание на два вида наследования: по закону и по завещанию. То есть существует необходимость внесения изменения в процедуру наследования посредством введения нового третьего института наследования и обновления тем самым существующих норм, которые установлены два десятилетия назад, особенно касающихся защиты гражданских прав пожилых людей, которые имеют необходимость в постоянном постороннем уходе [8].

Вместе с тем принцип свободы также предполагает право выбора. К примеру, на сегодняшний день в целях обеспечения себе достойной старости граждане преклонного возраста могут заключить договор пожизненной ренты на условиях пожизненного содержания с иждивением относительно имущества, которое принадлежит им на праве собственности. Указанные выше виды обязательств схожи между собой, потому что оба договора имеют целью передачу имущества одного лица в собственность другого лица за выполнение каких-либо распоряжений, которые предусмотрены в договоре [1, с. 260–264].

При подписании указанного договора с потенциальными наследниками наследодатель вправе возложить на них дополнительные обязанности имущественного или неимущественного характера. Такие обязанности могут быть как в пользу наследодателя, так и в пользу иных лиц, которые должны указываться наследодателем.

По наследственному договору право собственности на недвижимое имущество должно переходить к приобретателю напрямую после смерти отчуждателя. При этом от приобретателя не требуется совершение дополнительных действий, связанных с принятием наследства.

Этим рассматриваемый нами договор принципиально отличается от наследования по завещанию или по закону. Налицо расширение свободы и вариативности действий наследодателя в отношении своего имущества.

Согласно положениям наследственного договора, в отличие от договора дарения, право собственности на имущество не переходит к наследнику непосредственно после подписания договора, а может сохраняться за наследодателем до его смерти.

В данном случае защищен также владелец жилого помещения, который может оказаться совсем без жилья после подписания договора да-

рения, и наследник, который получает гарантии на это жилое помещение после ухода из жизни владельца.

Наследодатель вправе прописать в договоре обязанность наследников предоставлять ему какие-либо материальные блага при его жизни, к примеру материальное обеспечение и уход.

В этом наследственный договор схож с договором пожизненного содержания с иждивением, однако стоит обратить внимание и на существенное различие.

Право собственности на недвижимость после подписания наследственного договора может сохраняться за его владельцем, а не переходить к плательщику ренты.

Если инициатором расторжения наследственного договора является наследодатель, то, в отличие от расторжения договора пожизненного содержания, ему необходимо возместить предполагавшимся наследникам понесенные ими убытки.

Кроме указанных выше особенностей, рассматриваемая форма договора дает возможность супругам совместно распоряжаться общим имуществом, то есть передавать не только непосредственно личное имущество одного из супругов, но и совместно нажитое имущество.

Таким образом, мы видим, что, как и в гражданском праве, принцип свободы в рамках наследственного правопреемства предполагает:

- свободу формы передачи имущества;
- вариативность (свободу) формы юридического оформления наследства;
- свободу выбора альтернативной формы передачи имущества (к примеру, договор ренты);
- вариативность выбора условий в рамках наследственного договора;
- возможность изменения условий договора или отказа от части из них.

В целом для стабильной и достаточно постоянной системы российского наследственного права такое основание наследования, как наследственный договор, является нетрадиционным, а потому введение его в Гражданский кодекс РФ было сопряжено с большим количеством дискуссий как среди ученых-цивилистов, так и среди практиков-юристов. Дадим анализ представленной в законе модели наследственного договора.

Во-первых, тот объем правового регулирования, который представлен в законе, некоторые ученые считают недостаточным. Специфические особенности наследственного договора и практически полное отсутствие в науке частного права каких-либо научных исследований по сущности

наследственного договора влечет за собой необходимость установления более точного детального нормативно-правового регулирования [4, с. 6–9].

Во-вторых, дискуссионным считался вопрос о лицах, которые могут принимать участие в наследственном договоре. Так, согласно закону, наследодатель вправе заключить наследственный договор с любым лицом, которое призывается к наследованию [7], таким образом, возникает вопрос об участии недееспособных лиц в качестве одной из сторон договора, ведь они также могут призываться к наследованию. В том случае, когда договор регламентирует переход прав не к лицу, с которым заключается договор, а к другому – третьему – лицу, не до конца понятно, в качестве кого будет выступать это лицо. Стороной в договоре оно не является, но относится к лицам, участвующим в договоре.

В-третьих, достаточно спорным моментом выступает допустимость наследственных договоров под условие. Так, в законе прописано, что последствия, которые предусмотрены наследственным договором, могут находиться в зависимости от обстоятельств, зависящих от воли одной из сторон [9].

Подобная формулировка может привести к заключению наследственных договоров с размытыми, неточными условиями, что повлечет за собой неисполнение воли наследодателя вследствие односторонних действий другой стороны. То есть данное положение входит в противоречие с действием законодательства о запрещении сделки под условием.

В-четвертых, в законопроекте изначально присутствовало положение о возможности наследодателю совершать сделки после заключения наследственного договора, что входит в противоречие с тем, что завещание признается недействующим в части, которая противоречит наследственному договору [3].

Вместе с тем последняя редакция Гражданского кодекса в статье 1140.1 регламентирует указанные недочеты и недоработки, что позволяет использовать данное основание наследственного правопреемства на практике. И уже практическое применение данных норм покажет, какие недоработки и недочеты необходимо будет отрегулировать внесением изменений или включением новых уточняющих норм.

Таким образом, можно сделать вывод, что свобода договора, будучи основой гражданского законодательства, имеет не меньшее и даже все большее значение для системы наследственного правопреемства. С позиции данного принципа

наследование предполагает свободу выбора формы и юридического оформления передачи имущества при наследовании, свободу заключения, к примеру, договора ренты или наследственного договора или же вовсе не заключение какого-либо договора, а действие в соответствии с законом.

Кроме того, введение наследственного договора в наследственное законодательство предусматривает некоторое расширение принципа свободы в сравнении с наследованием только по закону или по завещанию, поскольку договор предусматривает большую вариативность и возможность изменения условий договора, в том числе со стороны действий третьих лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Горина Н.В. Наследственный договор – третий вид наследования в гражданском праве России: быть или не быть? // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2 (43). С. 260–264.
2. Григорьева М.А. Понятие свободы в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
3. Димова А.Ю. Наследственный договор как новое основание наследования // Регулирование гражданско-правовых, финансовых и трудовых отношений в Восточной Сибири: материалы круглого стола. Иркутск, 2016.
4. Матвеев И.В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6–9.
5. Печеный О.П. К вопросу о принципах наследственного права // Гражданское право: вызовы времени: материалы международной науч. конференции, посвященной юбилею д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Диденко. Алматы, 3 октября 2014 г. / отв. ред. Н.В. Уварова. Алматы: Изд-во Каспийского общественного ун-та, 2015. С. 449–456.
6. Печеный О.П. Свобода договора в наследственном праве: сборник статей / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. М., 2016. С. 455–465. (Анализ современного права).

7. Смирнов С.В. Актуальные вопросы совершенствования наследственного права // Нотариальный вестник. 2015. № 11.

8. Гаркуша И.В., Егорова А.М. Новый правовой институт в сфере наследования в России // Теория и практика современной науки. 2016. № 5 (11). С. 230–235.

9. Совместное завещание и наследственный договор. Новые способы поделить имущество [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/377081/>.

References (transliterated)

1. Gorina N.V. Nasledstvenny`j dogovor – tretij vid nasledovaniya v grazhdanskom prave Rossii: by`t` ili ne by`t`? // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2018. № 2 (43). S. 260–264.
2. Grigor`eva M.A. Ponyatie svobody` v rossijskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004.
3. Dimova A.Yu. Nasledstvenny`j dogovor kak novoe osnovanie nasledovaniya // Regulirovanie grazhdansko-pravovy`x, finansovy`x i trudovy`x otnoshenij v Vostochnoj Sibiri: materialy` kruglogo stola. Irkutsk, 2016.
4. Matveev I.V. Nasledstvenny`j dogovor: zarubezhny`j opy`t i perspektivy` poyavleniya v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 1. S. 6–9.
5. Pecheny`j O.P. K voprosu o principax nasledstvennogo prava // Grazhdanskoe pravo: vy`zovy` vremeni: materialy` mezhdunarodnoj nauch. konferencii, posvyashhennoj yubileyu d-ra jurid. nauk, prof. A.G. Didenko. Almaty`, 3 oktyabrya 2014 g. / отв. red. N.V. Uvarova. Almaty`: Izd-vo Kaspijskogo obshhestvennogo un-ta, 2015. С. 449–456.
6. Pecheny`j O.P. Svoboda dogovora v nasledstvennom prave: sbornik statej / Moskovskij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina. M., 2016. S. 455–465. (Analiz sovremennogo prava).
7. Smirnov S.V. Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya nasledstvennogo prava // Notarial`ny`j vestnik. 2015. № 11.
8. Garkusha I.V., Egorova A.M. Novy`j pravovoj institut v sfere nasledovaniya v Rossii // Teoriya i praktika sovremennoj nauki. 2016. № 5 (11). S. 230–235.
9. Sovmestnoe zaveshhanie i nasledstvenny`j dogovor. Novy`e sposoby` podelit` imushhestvo [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/377081/>.

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340

Козлова М.В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПРАВА НА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Цель: Рассмотрение основных правовых проблем, связанных с обращением взыскания на исключительные права на произведения и права использования произведений на основании предоставленных лицензий.

Методология: Использованы системный подход, позволивший выявить основные проблемы в рассматриваемой области и осуществить их последовательный анализ, и формально-юридический метод, с помощью которого осуществлялось описание полученных результатов.

Результаты: Автором делается вывод о том, что применение общих подходов, регламентирующих обращение взыскания на имущество должника в целях удовлетворения законных требований кредиторов, в рассматриваемой области сталкивается с особенностями, обусловленными характером создания произведения как результата творческой деятельности автора и неразрывной связью, существующей между автором и его произведением.

Новизна/оригинальность/ценность: Новизна предложений автора состоит, в частности, в обосновании недопустимости принудительного перехода прав требования автора по заключенным им договорам и необходимости внесения соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: автор, авторское право, результат творческой деятельности, исключительное право, банкротство, залог, переход исключительного права.

Kozlova M.V.

LEGAL REGULATION OF ISSUES OF FORECLOSURE ON EXCLUSIVE RIGHTS TO WORKS AND RIGHTS TO THEIR USE

Purpose: To consider the main legal problems associated with the enforcement of exclusive rights to works and the right to use works on the basis of granted licenses.

Methodology: As a methodological basis for the preparation of the article, a systematic approach was used, which made it possible to identify the main problems in the field under consideration and to carry out their consistent analysis, and a formal legal method, with the help of which the results were described.

Results: The author concludes that the application of common approaches to the enforcement of the debtor's property in order to meet the legitimate claims of creditors, in the field encounters with the features due to the nature of the creation of the work as a result of the creative work of the author and the inextricable relationship existing between the author and his work.

Novelty/originality/value: The novelty of the author's proposals consists, in particular, in substantiation of inadmissibility of compulsory transfer of the rights of claim of the author under the contracts concluded by him and necessity of making corresponding changes in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: author, copyright, result of creative activity, exclusive right, bankruptcy, pledge, transfer of exclusive right.

Обращение взыскания на исключительные права на произведения науки, литературы и искусства традиционно является одним из сложных вопросов отечественного гражданского права, не получившим, как представляется, окончательного разрешения до настоящего времени.

Основная проблема заключается в том, что применение общих подходов, регламентирующих обращение взыскания на имущество должника в целях удовлетворения законных требований кредиторов, в рассматриваемом случае сталкивается с особенностями, обусловленными характером создания произведения как результата творческой деятельности автора и неразрывной связью, существующей между автором и его произведением, в той или иной мере признаваемой законодательством большинства современных стран.

В законодательствах многих стран были заложены основы для разграничения прав авторов как «первичных» обладателей авторских прав, в отношении которых к произведению всегда имеется определенный личностный элемент, и прав иных правообладателей, интересы которых предполагаются сосредоточенными исключительно в имущественной сфере, в получении дохода от использования произведения или, по крайней мере, в обеспечении возможности контроля за его использованием [2, с. 38–41].

В Российской Федерации различие в охране прав авторов и прав правообладателей обеспечивается за счет признания наличия у авторов особых личных неимущественных прав, возникающих в связи с созданием ими произведений – результатов их личной творческой деятельности [1,

с. 40]. ГК РФ закрепляет также несколько специальных положений, направленных на защиту интересов авторов в отношении получения особых видов вознаграждений (ст. 1245, п. 3 ст. 1263 ГК РФ и др.), а также на обеспечение для авторов особых преференций, защищающих их от утраты возможности контроля за использованием созданных ими произведений при отсутствии договорных оснований для этого. Одним из таких особых случаев является правовая регламентация вопросов обращения взыскания на исключительное право на произведение и на право использования произведения по лицензии, устанавливаемая статьей 1284 ГК РФ.

Российский законодатель традиционно придерживается концепции недопустимости изъятия у автора прав на его произведение при отсутствии согласия самого автора, даже несмотря на то, что затрагиваемые положениями данной статьи права имеют имущественный характер. Данный подход является традиционным для отечественной цивилистики. Например, еще в начале прошлого века профессор Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «принудительный переход авторского права вследствие обращенного на автора или его правопреемника взыскания признается со стороны закона недопустимым... Можно обратиться взыскание на запас уже отпечатанных книг, можно обратиться взыскание на заключенный автором издательский договор, однако в пределах договора, но приобретение с публичного торга литературного произведения не дает покупщику авторского права на это произведение» [3, с. 440]. Им также выражалась интересная мысль о том, что «имущественным правом авторское право становится тогда и настолько, когда и насколько сам автор пожелает придать ему имущественный характер. Поэтому оно не входит в конкурсную массу, и конкурсное управление не вправе ни распорядиться авторским правом, ни вынуждать автора к творчеству, ни к обнародованию его рукописи, ни к новому изданию уже обнародованных произведений» [3, с. 440].

В соответствии с данным подходом пунктом 1 статьи 1284 ГК РФ устанавливается, что на принадлежащее автору исключительное право на произведение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение.

Данные положения подлежат применению также в отношении наследников автора, включая

«наследников автора, их наследников и так далее в пределах срока действия исключительного права» (абз. третий п. 1 ст. 1284 ГК РФ). Все перечисленные лица считаются «продолжением личности» автора, что представляется недостаточно обоснованным и существенным образом отличается, например, от определения круга лиц, уполномоченных принимать меры для защиты права на неприкосновенность произведения согласно статье 1266 ГК РФ.

Рассматриваемая статья 1284 ГК РФ до настоящего времени не нашла широкого применения на практике и, как правило, только упоминается в относительно немногочисленных судебных решениях (см.: Решение Арбитражного суда Московской области от 17 июля 2015 г. по делу № А41-29680/2015, Решение Арбитражного суда Тульской области от 23 сентября 2013 г. по делу № А68-5610/2013, Решение Арбитражного суда Тульской области от 23 сентября 2013 г. по делу № А68-5611/2013, Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 декабря 2013 г. по делу № А09-5821/201; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2013 г. по делу № А68-5611/2013 и др.) без раскрытия и детального анализа ее положений.

Следует отметить, что до внесения Федеральным законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ изменений в ГК РФ в 2014 г. рассматриваемым пунктом 1 статьи 1284 ГК РФ не предусматривалось никаких исключений из правила о недопустимости обращения взыскания на принадлежащее автору исключительное право на произведение, что лишило автора возможности использовать указанные права, в частности, в качестве предмета залога. В 2014 г. рассматриваемые нормы были откорректированы за счет установления положения о возможности обращения взыскания на принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение, если оно было предоставлено в залог по надлежащим образом оформленному договору.

Как поясняется в пункте 46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10, статьи 358.18 и 1233 ГК РФ допускают возможность распоряжения исключительным правом на объект исключительного права путем залога, кроме исключительного права на фирменное наименование и исключительного права на наименование места происхождения товара, которые не могут становиться предметом залога ввиду недопустимости их отчуждения другим лицам. Неимущественные права также не мо-

гут выступать в качестве предмета залога в силу своей природы, в частности, в связи с тем, что они являются неотчуждаемыми и непередаваемыми каким-либо способом.

В качестве предмета залога имущественные права могут выступать при условии, что их отчуждение допускается ГК РФ (п. 1 ст. 336, п. 1 ст. 358.18 ГК РФ). Так, не может становиться предметом залога право на произведения изобразительного искусства, действующее также в отношении авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений.

В соответствии с пунктом 6 статьи 1235 ГК РФ предмет договора залога определяется путем указания на соответствующий результат интеллектуальной деятельности либо на средство индивидуализации, право на которое передается в залог. При этом в соответствующих случаях должна приводиться ссылка на реквизиты документа, которым удостоверяется исключительное право на соответствующий результат или средство индивидуализации – патент или свидетельство. Данное положение относится только к случаям установления залога применительно к таким объектам интеллектуальных прав, для которых законодательство устанавливает порядок государственной регистрации с выдачей соответствующего удостоверяющего документа.

Договором залога также должно определяться, устанавливается ли соответствующий залог в отношении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме (п. 1 ст. 1234 ГК РФ) или залог устанавливается только в отношении права использования такого результата или средства в ограниченных пределах, предусмотренных договором (п. 1 ст. 1235 ГК РФ). В случае установления залога только в отношении права использования в ограниченных пределах договор о залоге должен предусматривать также условия, определяемые подпунктом 2 пункта 6 статьи 1235 и статьей 1236 ГК РФ, устанавливаемые в отношении соответствующих лицензионных договоров.

На основании пункта 4 статьи 358.18 ГК РФ залогодатель по договору залога исключительного права вправе без согласия залогодержателя в течение всего срока действия этого договора использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, а также распоряжаться исключительными правами на них, но не может осуществлять отчуждение исключительного права без согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено договором. Договор залога может пред-

усматривать ограничения по самостоятельному использованию залогодателем соответствующего результата или средства индивидуализации, а также устанавливать ограничения в отношении самостоятельного распоряжения залогодателем исключительным правом на них способами, на которые распространяется действие залога, а также способами, отличными от тех, которые предусмотрены при заключении договора об отчуждении исключительного права. В качестве примеров в упомянутом Постановлении приводится возможность установления запрета на заключение лицензионных договоров, в том числе на основании положений статьи 1286.1 ГК РФ («открытая лицензия»), и возможность запрета на совершение публичных заявлений, предусмотренных пунктом 5 статьи 1233 ГК РФ. Ограничено может быть также право залогодателя заключать договоры, влекущие отчуждение исключительного права. При этом залогодатель вправе осуществлять защиту являющегося предметом залога исключительного права. Статьи 347 и 1250 ГК РФ не предусматривают предоставление залогодержателю каких-либо полномочий по защите исключительного права, составляющего предмет залога.

Согласно пункту 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 договором о залоге может быть также предусмотрена обязательная передача в залог исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, которое в будущем возникнет у правообладателя (залогодателя) или в будущем перейдет к нему (п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 358.1, ст. 358.18 ГК РФ). При этом для целей индивидуализации предмета договора залога потребуется указать сведения, позволяющие однозначным образом определять соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, исключительное право на которые составляет предмет залога (п. 2 ст. 358.3 ГК РФ).

Положениями пункта 1 статьи 1284 ГК РФ устанавливается, что взыскание может быть также обращено на права требования автора к другим лицам, возникшие по договору об отчуждении исключительного права на произведение или по лицензионным договорам, взыскание может обращаться также на доходы, получаемые от использования произведения по заключенным договорам. Если возможность обращения взыскания на доходы от использования произведения представляется полностью оправданной, то принудительный переход прав требования автора по заключенным им ранее договорам нуждается в

более детальной регламентации, поскольку соответствующие требования могут быть связаны с условиями, имеющими определенный личностный характер и связанными с законными интересами автора не только как субъекта экономических отношений, но и в качестве творческой личности, создавшей произведение.

Так, например, условиями договора могут быть предусмотрены положения о необходимости согласований редакции, доработок, переводов, переработанных произведений, осуществляемых постановок, подготовленных сценариев, кандидатур привлекаемых артистов, режиссеров, других авторов и т. д. Права требования, возникающие из подобного рода договорных положений и основанных на них отношений, требующих личного участия автора или обеспечивающих для него возможность принятия определенного рода решений неимущественного характера, не должны переходить к иным лицам при обращении взыскания на имущество автора, а рассматриваемые положения пункта 1 статьи 1284 ГК РФ должны быть уточнены в целях их применения только к случаям обращения взыскания на вознаграждение, выплачиваемое на основании заключенных автором договоров, с сохранением за автором всех иных вытекающих из таких договоров прав требования.

Абзацем вторым статьи 1284 ГК РФ предусматривается, что на исключительное право, принадлежащее не самому автору, а другому лицу, и на право использования произведения, принадлежащее лицензиату, может быть обращено взыскание. Возможность дальнейшего перехода принадлежащего правообладателю исключительного права на произведение без согласия автора произведения вытекает, в частности, из положений статей 1234 и 1285 ГК РФ.

В соответствии с положениями статьи 1241 ГК РФ, как отмечается в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10, при реорганизации юридических лиц переход к другому лицу исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации происходит без заключения договора с правообладателем. Положения указанной статьи нашли широкое применение в судебной практике, но преимущественно в отношении случаев перехода прав на товарные знаки и иные средства индивидуализации (Определение Верховного Суда Российской Федерации № 310-ЭС15-4638 от 17 сентября 2015 г. по делу № А36-376/2014; Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-

ЭС17-1054 от 15 марта 2017 г. по делу № А45-27193/2015).

В пункте 51 указанного Постановления разъясняется, что также без заключения договора с правообладателем к другому лицу переходит исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации при обращении взыскания на имущество правообладателя в предусмотренных ГК РФ случаях.

В соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» реализация имущественных прав осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона (ч. 3 ст. 87 Федерального закона). Лицо, выигравшее торги, и организатор торгов подписывают в день проведения аукциона протокол о результатах торгов (п. 6 ст. 448 ГК РФ). Если переход исключительного права подлежит государственной регистрации, то основанием для такой регистрации может служить непосредственно протокол о результатах торгов. Основанием для государственной регистрации перехода исключительного права при его передаче от должника взыскателю как нереализованного имущества является акт приема-передачи, который оформляется при осуществлении такой передачи согласно положениям части 14 статьи 87 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Однако возможность обращения взыскания и перехода права использования произведения, принадлежащего лицензиату, к другому лицу в некоторых случаях может вступать в противоречие с содержанием заключенного с автором лицензионного договора на использование произведения. Например, автор может предоставить лицензиату права на использование произведений без возможности осуществлять дальнейшую передачу таких прав или сублицензирование без согласия автора либо с согласием на передачу прав только определенным организациям или с правом заключения сублицензионных соглашений только с определенными организациями, что позволяет автору эффективным образом отслеживать использование его произведения определенным кругом лицензиатов и сублицензиатов, являющихся, как правило, аффилированными лицами. Подобная практика широко распространена, в частности, в книгоиздательской сфере.

В этом случае принудительный переход прав лицензиата к другим лицам при обращении взыскания на имущество такого лицензиата может самым непосредственным образом задевать закон-

ные интересы автора и вступит в противоречие с гарантиями, предоставляемыми автору в части возможности определять круг лицензиатов и сублицензиатов в заключаемых автором договорах или путем предоставления дополнительных разрешений на осуществление сублицензирования прав или передачу прав лицензиата, вытекающих из заключенного с автором лицензионного договора. В соответствии с пунктом 2 статьи 1284 ГК РФ признается наличие у автора преимущественного права на приобретение принадлежащего лицензиату права использования произведения, если при обращении взыскания на это право осуществляется его реализация с публичных торгов. В отношении данного положения также возникает ряд вопросов, в том числе о целесообразности ограничения данного подхода только случаями обращения взыскания на лицензиатов, в то время как автор в не меньшей степени может быть заинтересован в преимущественном приобретении исключительного права при обращении взыскания на имущество правообладателя, о порядке реализации предусмотренного законодательного решения и ряд других.

Остается открытым также вопрос о случаях и условиях применения положений рассмотренной статьи 1284 ГК РФ к отношениям, связанным с обращением взыскания на исключительное право на результаты творческой деятельности артистов-исполнителей или на права, вытекающие из заключенных ими лицензионных договоров в отношении созданных ими исполнений. Несмотря на признание такой возможности, нашедшее подтверждение, в частности, в пункте 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.03.2009 № 5/29, необходимым представляется уточнение условий и порядка реализации предусмотренных законодательством положений с учетом специфики соответствующих объектов смежных прав.

Решение проблем обращения взыскания на исключительные права на произведения науки, литературы и искусства и на права использования произведений и объектов смежных прав на основании предоставленной лицензии требует дальнейшего развития законодательства, подзаконного нормативного регулирования и судебной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Блинец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права / под ред. И.А. Блинеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
2. Липчик Д. Авторское право и смежные права: пер. с фр. / предисловие М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005.

References (transliterated)

1. Bliznecz I.A., Leont'ev K.B. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava / pod red. I.A. Bliznecza. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015.
2. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava: per. s fr. / predislovie M. Fedotova. M.: Ladomir; Izdatel'stvo YuNESKO, 2002.
3. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1. M.: Statut, 2005.

On the 12th of January 2020 in Dubai, UAE
II International Legal Summit
«Investments and Law at Asia and Russia»
Venue: The Oberoi Hotel, Al A'amal St., Dubai, UAE
Main purposes of the Summit are:

- 1) LegalTech – Uber for lawyers- how to make millions with legal robots?
- 2) Doing business in Russia and Asia, the problems with export and certification of Russian products in Asia and the Middle East, lobbying for Russian products and services exports, anti-dumping and customs barriers in the import of products of Asian manufacturers into the Russian Federation- successful cases of Russian business in Asia and Bay countries.

3) Using UAE arbitration courts in the interests of Russian exporters, investments in large infrastructure projects in Russia, Asia and the Middle East (gas industry, road building, ship building, power generation, oil refining, construction)- successful court cases.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION
РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Филиппова О.В.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: Выявить основные проблемы применительно к правовому обеспечению уголовно-правовой охраны и защиты безопасности предпринимательства в РФ.

Методология: В статье использовались правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В статье проанализированы данные проведенного авторами опроса, а также имеющаяся в открытом доступе информация. По данным, основанным на опросе бизнесменов и оперативных работников Уральского федерального округа, латентная часть преступлений против безопасности бизнеса в 20–25 раз превышает зарегистрированную. Иными словами, регистрируется менее 5 % фактически совершаемых в этой сфере преступлений. Кроме того, эксперты (специалисты из числа научных, практических работников и предпринимателей) подтвердили близость этих оценок к реальной ситуации.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку содержит ряд выводов о современном состоянии рассматриваемого вопроса. В частности, авторами сформулирован ряд актуальных проблем в сфере безопасности предпринимательства, в том числе несогласованность карательной практики по делам о коррупционных преступлениях и тенденций этих преступлений и необходимость создания единой базы данных для справочного обслуживания оперативно-розыскных и следственных и судебных органов.

Ключевые слова: предпринимательство, безопасность, преступления, криминал.

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Filippova O.V.

LEGAL ASPECTS OF BUSINESS SECURITY AND THEIR CURRENT STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Purpose: To identify the main problems in relation to the legal provision of criminal law protection and protection of business security in the Russian Federation.

Methodology: The article uses legal and formal legal methods.

Results: The article analyzes the data available on the results of the survey conducted by the authors, as well as the data available in the public domain. According to the data obtained, based on a survey of businessmen and operatives of the Ural Federal district, the latent part of the claims against business security is 20-25 times higher than the registered part. In other words, less than 5% of crimes actually committed in this area are registered. In addition, experts (experts from the number of scientists, practitioners and entrepreneurs) confirmed the proximity of these assessments to the real situation.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value, as it has a number of conclusions about the current state of the issue considered in the article. In particular, the authors formulated a number of questions about the current situation in the field of business security: currently, there is, in particular, a lack of coordination of the criminal practice in cases of corruption crimes and trends in these crimes; it is necessary to create a single database for the reference service of operational-search and investigative and judicial bodies.

Keywords: business, security, crime, criminal.

Правовая база борьбы с преступлениями против безопасности предпринимательства (как и организационное, ресурсное и кадровое ее обеспечение) требует точных оценок ее распространенности, структуры и динамики. К сожалению, в настоящее время можно говорить лишь об относительной точности оценок в связи с огромной латентностью [7].

В настоящее время растет число хозяйствующих субъектов различных форм собственности, находящихся под «опекой» коррупционеров или преступников и испытывающих жесткое давление со стороны последних [14]. Конечно, оперативные данные (цифры называются на брифингах и в печатных материалах) не могут рассматри-

ваться как истина в последней инстанции. Однако определенное представление о возможной распространенности преступных посягательств на безопасность предпринимательства, а тем самым о степени вреда, причиняемого переходу экономики страны на новые пути, приведенные цифры дают [1].

Публичная информация о размерах «уклонения» от налогообложения предпринимателями, выявленная контрольными органами, а также оперативные, экспертные и статические данные менее информативны в рассматриваемом отношении, чем данные о хозяйствующих субъектах, испытывающих давление преступников, которые «стремятся» внедриться в них или отобрать часть

прибыли. Эти сведения дальше стоят и от предмета нашего исследования, но они также дают некоторое представление о размахе «посягательств» на безопасность предпринимательства.

В приведенном случае размер невыплаченных налогов косвенно указывает на:

1) объем денежной массы, обращающейся в силу ощущения предпринимателями экономической и политической нестабильности помимо легальных каналов (в том числе в связи с передачей «из рук в руки» денег взяточникам и современным «рэкетирам») [13];

2) по некоторым доверительным источникам (мелкие и средние предприниматели), таким образом передается до 30 % прибыли. Поэтому объем средств, которые «тратятся» на взятки и уплаты рэкетирам, соотносится с общей суммой средств, укрываемых от налогов. Причем «больше всего коррупции в таких сферах, как правоохранительная, образование и наука, здравоохранение...» [15];

3) объем средств, укрытых от налогообложения и других нарушающих закон операций в сфере производства, посредничества, перевозок и хранения, торговли, указывает на возможности для шантажа предпринимателей со стороны преступников по схеме «плати, а то сообщим куда следует».

По сообщениям открытых источников правоохранительных органов, «прибыль» от такой деятельности предпринимателей составляет от 10 до 50 % на каждый рубль, вложенный в хозяйственную деятельность. Эти данные также подкрепляют вывод о широкой распространенности налоговых преступлений и правонарушений, «подставляющих» их виновников вымогателям [10].

Аналогично значение данных об утечке из страны конвертируемой валюты, оседающей на зарубежных счетах хозяйствующих субъектов, которые осуществляют экспортно-импортные операции или вывозят доход от внутренних операций. По оценке зарубежных экспертов, речь идет о суммах в миллиард долларов в месяц. Эти данные также свидетельствуют о достаточно широких возможностях как для прямого вымогательства, так и для шантажа угрозой раскрытия незаконных валютных операций и укрытия прибыли. Хотя преобладающая часть этих средств «бежит» от неуверенности в стабильности экономики, эта мотивация не избавляет предпринимателей от возможной ответственности, которой их шантажируют.

Для оценки состояния и тенденций преступности против безопасности предпринима-

тельства существенное значение могли бы иметь данные уголовной статистики о так называемых индикаторных преступлениях. Для действующего УК таковыми являются взяточничество и вымогательство. Однако в публикуемой официальной статистической информации вымогательство до последнего времени не выделялось. Данные о регистрации фактов взяточничества и осужденных взяточников, хотя и публикуются, но из-за высокой латентности этого деяния надежным индикатором пока служить не могут.

В рамках имеющейся статистической отчетности можно включить в число индикаторных преступлений также регистрируемые преступления в сфере приватизации, преступления против антимонопольного законодательства, нападения на денежные хранилища и некоторые другие, преобладающая часть которых причиняет вред именно предпринимательству. Но всех их вместе регистрируется в год небольшое количество. Более значима для оценки ситуации в настоящее время другая цифра – фиксирующая количество хозяйствующих субъектов. Современная ситуация в сфере безопасности предпринимательства и пределы этих возможностей дают основание для постановки ряда вопросов.

Во-первых, обеспечение достаточной эмпирической базы для обоснования изменений в законодательстве, принятия стратегических решений правоохранительными органами и согласования их совместных усилий [3].

В настоящее время отмечается, в частности, рассогласованность карательной практики по делам о коррупционных преступлениях и тенденций этих преступлений. Так, лишь треть осужденных взяточников были приговорены к реальным срокам лишения свободы. Это ранее способствовало распространению среди чиновников, вымогавших взятки у предпринимателей, мнения о «безопасности» этого деяния [12].

Во-вторых, должна быть создана единая база данных для справочного обслуживания оперативно-розыскных, следственных и судебных органов, вплоть до фиксации фамилий и телефонов, упоминающихся в какой-либо связи хотя бы по одному из уголовных дел за 10–15 лет.

В-третьих, заслуживает внимания создание единого банка данных для платных справок, запрашиваемых предпринимателями, например о надежности партнера, а не только о недвижимом имуществе в Росреестре [3].

В-четвертых, необходимо правильно ориентировать население о значении борьбы с посягательствами на безопасность предпринимательства, а

также обучать и психологически ориентировать самих бизнесменов, их служащих и близких на возможность борьбы с преступлениями.

Современное состояние информационного обеспечения вынуждает правоохранительные органы, безусловно заинтересованные в показе реального состояния преступлений против безопасности бизнеса (от этого зависит расчет ресурсного обеспечения, материальная поддержка от государства и моральная – от предпринимательских структур и т. д.), либо использовать заведомо неполные сведения, либо сослаться на данные более общего характера, в которых «растворена» информация об этих преступлениях.

Надо отметить, что, несмотря на определенную достаточность конкретной информационной базы, официальные источники МВД дают не совсем объективную оценку ситуации, сложившейся за последние годы. Отмечается, в частности, что «с развитием предпринимательства, сосредоточением в негосударственном секторе экономики значительных ресурсов, постоянным объектом преступного посягательства криминальных группировок стала собственность коммерческих структур. Преступники используют самые разнообразные способы вплоть до профессионального рэкета и бандитских нападений. Преступные группировки вовлекли в незаконный бизнес многих предпринимателей». Но эта оценка существенно выигрывает при подкреплении ее достаточными количественными данными.

Ряд проблемных ситуаций возник и применительно к правовому обеспечению уголовно-правовой охраны и защиты безопасности предпринимательства.

Для уголовно-правовой борьбы с посягательствами на безопасность предпринимательства особо актуальна и проблема ответственности за бездействие представителей власти, в результате которого нанесен ущерб предпринимателю, его служащим и близким, их имуществу. При рассмотрении этой проблемы целесообразно (при характеристике круга защищаемых лиц) использовать не понятие «близкие родственники», а понятие «близкие». Для «авторов» угрозы важно не формальное «родство», а «значимость» человека для предпринимателя.

Решение данной «проблемы», которое позволит частично снять у потерпевших и свидетелей опасения за собственную безопасность, связано с закреплением в законе возможности не указывать в деле данные о личности некоторых свидетелей и потерпевших, осуществлять очные ставки и опознание без непосредственного контакта

с обвиняемым, давать показания в суде, будучи замаскированным, устанавливая охрану или помещать потерпевшего, свидетеля в охраняемое место и т. д. [4].

Эффективность борьбы с рассматриваемыми преступлениями во многом зависит от формирования правильной позиции общественного мнения в целом, как и профессионального общественного мнения предпринимателей и их служащих. Как показали опросы общественного мнения в Уральском регионе, около 40 % респондентов идентифицируют частное предпринимательство с жульничеством. Среди предпринимателей и их служащих только 6 % опрошенных были убеждены в возможности вести дело, не вступая в сделки с коррумпированными чиновниками регистрационных, выдающих лицензии, контролирующих, финансово-банковских и др. служб либо с рэкетирами и недобросовестными конкурентами.

Принятые в последние десятилетия законы, обеспечивающие становление и развитие экономики России, определяют основные направления уголовного законодательства об ответственности за так называемые хозяйственные преступления. И следствием изменения сложившегося подхода должно быть в настоящее время следующее:

- 1) исключение из действующего уголовного законодательства рудиментов (от лат. rudimentum зачаток, первооснова) необоснованного административного вмешательства в хозяйственную деятельность;

- 2) четкое и исчерпывающее определение оснований ответственности за «новые» виды хозяйственных преступлений (лжепредпринимательство, получение кредита путем обмана, нарушение выпуска ценных бумаг, ложное и злостное банкротство, коммерческий (промышленный) шпионаж, разглашение коммерческой тайны и др.).

Таким образом, представляется, что в системе организационно-правовых гарантий развития предпринимательской деятельности, обеспечения его безопасности важное место не должно принадлежать правоохранительным органам, как органу исполнительной власти, осуществляющему комплексную, двуединую задачу: защиты личности, ее прав и имущественных интересов предпринимателей, а также борьбы с криминальными проявлениями в этой сфере хозяйствования. И хотя в соответствии с законом функциональное выполнение этих задач – традиционная обязанность правоохранительных органов, тем не менее, противоречивое (часто негативное) общественное мнение из-за сложной криминогенной ситуации требует повышенного внимания к ее исполнению

в отношении этого вновь формирующегося социального слоя со стороны государства.

Пристатейный библиографический список

1. АСВ: 73 000 вкладчиков пострадали от мошеннических схем в банках [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/view/141211>.
2. Без салюта по воробьям // Российская газета. 2016. 9 декабря (№ 280 (7148)).
3. Васин В.Н., Ткачев В.Н. О месте и роли информационного сегмента в обеспечении общественной безопасности // Законодательство. 2008. № 12. С. 42–53.
4. Введено уголовное наказание за незаконное преследование бизнесменов. К делу не пришьют // Российская газета. 2016. 23 декабря (№ 292 (7160)).
5. Верховный Суд выпустил второй обзор практики за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/view/140448>.
6. Верховный Суд запретит силовикам возбуждать дела на предпринимателей без заявлений потерпевших... Верховный Суд взялся за дело // Российская газета. 2016. 7 ноября (№ 251 (7119)).
7. Ветров Н.И., Зацепин М.Н. Милиция и безопасность предпринимательства: учеб. пособ. / МВД РФ. М., 1995.
8. За коррупцию привлечены 37 местных депутатов, 12 судей, 65 прокуроров, 213 адвокатов, 231 следователь МВД... // Российская газета. 2015. 15 января (№ 4 (6575)).
9. За уголовные дела против невинных силовиков и чиновники могут сесть в тюрьму на 10 лет [Электронный ресурс]. URL: www.kp.ru/daily/26601.5/3616923.
10. Мы видим только вершину айсберга коррупции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.znak.com/2016-12-06>.
11. Налоговые дела теперь будут возбуждать по новому. 15 суток до ареста // Российская газета. 2014. 24 октября (№ 244 (6516)).
12. «Неприкасаемые» читают Уголовный кодекс // Российская газета. 2014. 10 декабря (№ 281 (6553)).
13. Преступность уходит с улиц // Российская газета. 2016. 8 ноября (№ 252 (7120)).
14. Рыбакова Е.А. Рейдерство: новые этапы борьбы (криминологический аспект) // Юридический мир. 2012. № 11(191). С. 39–45.
15. Что в последствии // Российская газета. 2016. 13 декабря (№ 282 (7150)).
16. <https://pda.pravo.ru/news/view/139616/?cl=DT>.

References (transliterated)

1. ASV: 73 000 vkladchikov postradali ot moshennicheskix sxem v bankax [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://pravo.ru/news/view/141211>.
2. Bez saljuta po vorob`yam // Rossijskaya gazeta. 2016. 9 dekabrya (№ 280 (7148)).
3. Vasin V.N., Tkachev V.N. O meste i roli informacionnogo segmenta v obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti // Zakonodatel`stvo. 2008. № 12. S. 42–53.
4. Vvedeno ugovolnoe nakazanie za nezakonnoe presledovanie biznesmenov. K delu ne prish`yut // Rossijskaya gazeta. 2016. 23 dekabrya (№ 292 (7160)).
5. Verxovny`j Sud vy`pustil vtoroj obzor praktiki za 2017 god [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://pravo.ru/news/view/140448>.
6. Verxovny`j Sud zapretit silovikam vzbuzhdat` dela na predprinimatelej bez zayavlenij poterpevshix... Verxovny`j Sud vzyalsya za delo // Rossijskaya gazeta. 2016. 7 noyabrya (№ 251 (7119)).
7. Vetrov N.I., Zacepin M.N. Miliciya i bezopasnost` predprinimatel`stva: ucheb. posob. / MVD RF. M., 1995.
8. Za korrupciyu privlecheny` 37 mestny`x deputatov, 12 sudej, 65 prokurorov, 213 advokatov, 231 sledovatel` MVD... // Rossijskaya gazeta. 2015. 15 yanvarya (№ 4 (6575)).
9. Za ugovolny`e dela protiv nevinovny`x siloviki i chinovniki mogut sest` v tyur`mu na 10 let [E'lektronny`j resurs]. URL: www.kp.ru/daily/26601.5/3616923.
10. My` vidim tol`ko vershinu ajsberga korrupcii [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://www.znak.com/2016-12-06>.
11. Nalogovy`e dela teper` budut vzbuzhdat` ponovomu. 15 sutok do aresta // Rossijskaya gazeta. 2014. 24 oktyabrya (№ 244 (6516)).
12. «Neprikasaemy`e» chitayut Ugolovny`j kodeks // Rossijskaya gazeta. 2014. 10 dekabrya (№ 281 (6553)).
13. Prestupnost` uxodit s ulicz // Rossijskaya gazeta. 2016. 8 noyabrya (№ 252 (7120)).
14. Ry`bakova E.A. Rejderstvo: novy`e e`tapy` bor`by` (kriminologicheskij aspekt) // Yuridicheskij mir. 2012. № 11(191). S. 39–45.
15. Chto v posledstvii // Rossijskaya gazeta. 2016. 13 dekabrya (№ 282 (7150)).
16. <https://pda.pravo.ru/news/view/139616/?cl=DT>.

ЕВРАЗИЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340

Бабич Д.В.

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ЦЕЛЬЮ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цель: Исследовать особенности ответственности за конвенциональные преступления, совершаемые с целью трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации и Республике Беларусь, для выявления и использования положительного зарубежного опыта в целях противодействия такой преступности.

Методология: Использовались общенаучные, формально-юридические методы, а также сравнительно-правовой подход.

Результаты: В статье рассмотрены нормы уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь о противодействии торговле людьми, а также проанализированы международные нормативные акты в этой области. В процессе исследования был сделан вывод, что уголовное законодательство Российской Федерации о противодействии торговле людьми в целом соответствует принципам, заложенным в Палермском Протоколе «О предупреждении и пресечении торговли людьми». Недостатки, которые выделяют праведы в статье 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, не являются непреодолимым препятствием для применения указанной нормы. Исследование опыта Республики Беларусь в этом вопросе позволило сделать вывод о целесообразности дополнения её нормой, предполагающей уголовное преследование лиц, занимающихся незаконным трудоустройством российских граждан за границей, в результате которого последние подвергаются сексуальной и другой эксплуатации помимо своей воли.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье впервые предпринята попытка системно и комплексно исследовать особенности ответственности за конвенциональные преступления, совершаемые с целью трансплантации в России и Республике Беларусь. Разработаны и обоснованы новые правовые предложения и рекомендации, касающиеся внесения изменений в положения Уголовного кодекса Российской Федерации о противодействии торговле людьми с целью трансплантации их органов и тканей.

Ключевые слова: торговля людьми, уголовное законодательство, преступление, объективная сторона, субъективная сторона, вербовка, протокол, трансплантация органов и тканей человека.

Babich D.V.

FEATURES OF RESPONSIBILITY FOR CONVENTIONAL CRIMES COMMITTED FOR THE PURPOSE OF TRANSPLANTATION HUMAN ORGANS AND TISSUES IN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Purpose: To investigate the features of liability for conventional crimes committed with the aim of transplanting human organs and tissues in the Russian Federation and the Republic of Belarus in order to identify and use positive foreign experience in order to counter such crime.

Methodology: General scientific, formal and legal methods were used, as well as a comparative legal approach.

Results: The article discusses the norms of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus on combating trafficking in human beings, and also analyzes international regulatory acts in this area. In the process of the study, it was concluded that the criminal legislation of the Russian Federation on combating trafficking in persons generally complies with the principles laid down in the Palermo Protocol «On Preventing and Combating Trafficking in Human Beings. The shortcomings that jurists emphasize in Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are not an insurmountable obstacle to the application of this norm. A study of the experience of the Republic of Belarus in this matter has led to the conclusion that it is advisable to supplement the norm providing for liability for illegal actions aimed at hiring Russian citizens abroad if, as a result of such actions, persons employed abroad have been sexually or otherwise exploited against their will.

Novelty/originality/value: The article first attempts to systematically and comprehensively investigate the features of liability for conventional crimes committed with the aim of transplantation in Russia and the Republic of Belarus. New legal proposals and recommendations have been developed and justified regarding the amendment of the Criminal Code of the Russian Federation in the provisions on combating trafficking in persons with the aim of transplanting their organs and tissues.

Keywords: human trafficking, criminal law, crime, objective side, subjective side, recruitment, protocol, transplantation of human organs and tissues.

За последнее десятилетие наблюдается рост числа преступлений, хорошо известных в международном праве, но не распространенных ранее в России и Республике Беларусь. К таким преступлениям относится, в первую очередь, торговля

людьми, в которую вовлечены как экономически развитые, так и развивающиеся страны.

Россия и Белоруссия в полной мере ощутили на себе глобальный криминальный характер этой проблемы, став крупными поставщиками

и странами-транзитерами живого товара. В связи со сложившейся ситуацией Россией и Республикой Беларусь был ратифицирован целый ряд международных документов, затрагивающих ответственность за принудительную эксплуатацию людей, а также меры по пресечению такого рода преступлений. Однако до последнего времени в этих странах не существует универсальных законов, предусматривающих все уголовно-правовые аспекты торговли людьми.

Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» от 15 ноября 2000 года (Палермский Протокол, принят Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 года на 62-м пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН) определяет торговлю людьми следующим образом: «...осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой, или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов» (ст. 3(a)) [9].

Хотя в ряде международных соглашений отмечается, что до сих пор нет универсального документа, в котором затрагивались бы все аспекты торговли людьми, представляется, что данное в Палермском Протоколе современное определение этого явления прекратило споры, касающиеся его содержания. В нем, в отличие от более узких определений, применяемых в международных документах, принятых в странах Европейского союза и странами – участницами ОБСЕ, используется широкое понятие торговли людьми, не ограниченное половой принадлежностью его жертв и определенной формой эксплуатации, хотя многие специалисты в течение длительного времени отождествляли торговлю людьми и принуждение женщин к оказанию сексуальных услуг.

Несмотря на все предпринимаемые усилия в области совершенствования законодательства большинства стран Европы против организованной преступности и торговли людьми, число случаев торговли людьми ежегодно увеличивается, причем наказание виновных не соответствует

тяжести преступлений, а организованные преступные сообщества и группы наращивают свои обороты, увеличивая и извлекая экономическую прибыль, благодаря коррумпированности высших эшелонов власти и правоохранительных структур [1, 2, 3].

В действующее уголовное законодательство России и Республики Беларусь нормы об ответственности за торговлю людьми были включены в результате ратификации Конвенции и Дополнительного Протокола высшими законодательными органами названных стран.

Для стран СНГ большую роль в уголовном законодательстве сыграл Модельный уголовный кодекс. Оказали влияние и положения Конвенции от 20 ноября 1989 года о правах ребенка. Позже произошла ратификация Палермского Протокола, которая потребовала ревизии уголовного законодательства Республики Беларусь, и, как мы видим, ст. 181 УК РБ претерпела серьезные изменения [7].

В России спустя некоторое время, а именно 8 декабря 2003 года, в Уголовный кодекс были внесены изменения, касающиеся торговли людьми (ст. 127.1). Новеллы в законе в сфере торговли людьми коснулись ряда деяний, которые сложно было квалифицировать, давая правовую оценку до вступления в силу нового ФЗ от 8 декабря 2003 года.

УК РФ определяет торговлю людьми как куплю-продажу человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.

Любое нормальное общество во главе всегда ставит право на свободу. Оно закреплено во многих конституциях. Это право является основным регулятором демократизации общества и развития демократии. При совершении этого преступления свободы лишаются дети, мужчины и женщины. Хотя основная масса жертв – молодые женщины в возрасте до тридцати лет, однако в зависимость могут попасть и мужчины, чаще всего молодые, лишившиеся средств к существованию, наркоманы, похищенные торговцами людьми.

Как было сказано выше, Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» сыграл большую роль. Рассматривая объективную сторону ст. 127-1 УК РФ, мы это явно видим, как в диспозиции нормы, так и в действиях, а именно: купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, его вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение.

Рассматривая данный вопрос согласно ст. 181 УК РБ, мы видим, что объективная сторона, а именно действия, выражаются в купле-продаже человека или совершении иных сделок в отношении его, а равно совершении в целях эксплуатации, в вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении человека. Первоначально данная редакция была предложена в пп. 5.1–5.3 Декрета Президента Республики Беларусь от 09.03.2005 № 3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы РБ по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные, связанные с ней правонарушения» [9]. В ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» от 14.12.2011 дается тождественное определение этого деяния.

Диспозиции ст. 181 УК РБ и ст. 127-1 УК РФ содержат перечень альтернативных действий, выполнение хотя бы одного из которых рассматривается как оконченное преступление.

Особняком стоит вопрос момента окончания преступления. Мы можем обратиться в части сделки к гражданскому законодательству, где сделка либо договор купли-продажи считаются совершенными с момента достижения договоренностей. Все действия происходят после заключения сделки либо договора купли-продажи. Личная свобода является камнем преткновения, поскольку преступление направлено на него как на объект [4], в момент, когда человек становится как вещь, попадая в распоряжение. В основном все сделки происходят по ранее обговоренному сценарию, когда стороны договорились, выбрав жертву, и происходит своего рода заказ. Конечному получателю во многих случаях важен пол, возраст, национальность и многое другое. Сама жертва еще не знает и не предполагает, что ее свобода уже поставлена под угрозу, но действия физических со стороны субъекта не произведены [6]. Нет нарушения личной свободы будущей жертвы. Но смело можно утверждать, что сделка купли-продажи человека уже является заключенной. Моментом окончания преступления в части купли-продажи человека полагаем считать момент, при котором произошла смена собственника товара, человека, а все условия сделки полагаем считать формальными, так как это может быть и вид рассрочки по оплате за товар, либо обмен, либо получение процента при купле-продаже человека с целью его использования в сфере занятия проституцией.

Вопрос квалификации, если содеянное не доведено до конца, а именно момент передачи потерпевшего, жертвы не был зафиксирован опера-

тивными работниками, полагаем рассматривать как покушение на торговлю людьми [10].

Для запрета на совершение других сделок в отношении жертвы законодатель обеих стран использует понятия «иные сделки», «получение» и «передача», содержание которых чрезвычайно широко.

Законодатель как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь не подчеркивает обязательную возмездность сделки с человеком за исключением купли-продажи. В соответствии с этим криминальные сделки как разновидность торговли людьми могут быть как возмездными, так и безвозмездными.

Передача как вид торговли людьми проявляется в возмездном или безвозмездном предоставлении фактических прав по владению живым товаром другому лицу на время, обусловленное договором, или навсегда. Передача потерпевшего может осуществляться самим продавцом после приобретения живого товара, например, для временного использования кем-либо или залога. Продавец несет ответственность лишь за продажу человека.

Обратной стороной передачи является получение человека в фактическое постоянное или временное владение либо в собственность, как на возмездной, так и безвозмездной основе. При получении субъект приобретает определенные правомочия в отношении «живого товара». Если же потерпевший получен для исполнения поручения по передаче его истинному владельцу, действия посредника следует оценивать как торговлю людьми в форме передачи потерпевшего.

Вербовка является одним из способов торговли людьми.

Вербовка подразумевает под собой действия, основной целью которых является получение доверия потерпевшего, согласия потерпевшего на трудоустройство либо выполнение каких-либо действий. Вербовка – процесс разносторонний, сложный и может начинаться с поиска кандидатов на работу, агитации, оформления документов, направления к месту эксплуатации. Соглашение между вербовщиком и жертвой заключается как в устной, так и письменной форме, и включает положения о характере деятельности, в том числе и незаконной, завербованного.

Вербовка включает в себя и обещания, и угрозы, и шантаж. Трудоустройство возможно как в России, и за рубежом (последнее встречается, как показывает практика, значительно чаще). Для пересечения границы нередко используются фальшивые визы, паспорта, приглашения. Но и в тех

случаях, когда лицо пересекло границу по своим документам, миграция может оказаться нелегальной, поскольку в стране пребывания лицо находится не с теми целями, которые были заявлены, и, следовательно, оно должно иметь визу иной категории (например, не туристическую, а рабочую).

И снова встает вопрос, когда считать действие оконченным. Вербовку считают оконченной в момент получения согласия потерпевшего, которое было получено под воздействием шантажа, угроз, психологического воздействия, гипноза, одурманивания наркотическими веществами, путем применения насилия, чаще всего с использованием простой формы обмана, где сначала все вопросы касаются исключительно работы и трудоустройства. Согласие может быть дано как в устной форме, так и в письменной.

Перевозка живого товара – это транспортировка его любым способом лицами, не являющимися владельцами (собственниками) потерпевшего, между регионами в пределах национальной территории или за ее пределами (как законно, так противозаконно), с изменением места его проживания. Использование транспорта является обязательным для перевозки. Виды перевозок могут быть разные, как открытого, так и закрытого типа (тайного). Моментом окончания перевозки как преступного действия является сам факт перемещения потерпевшего в назначенное место, из пункта А в пункт Б. Расстояние между пунктами значения не имеет.

Рассматривая вопрос укрывательства потерпевшего, можно сказать, что оно выражается в прямом сокрытии потерпевшего, т. е. физическом, а именно потерпевшему предоставляется помещение, жилище, тайник и т. д. Фактически мы видим, что укрывательство направлено действиями виновных для затруднения в поиске и обнаружении объекта торговли людьми, потерпевшего. Лица, осуществляющие укрывательство, входят в состав организованной преступной группы или преступного сообщества, но являются фактическими собственниками или владельцами живого товара, потерпевшего. Преступление в виде укрывательства признается оконченным с момента выполнения одного из перечисленных действий, независимо от того, удалось субъекту фактически укрыть потерпевшего или нет. Торговля людьми предполагает активные действия виновных. Совершение рассматриваемого деяния путем бездействия возможно лишь при укрывательстве, которое может проявляться в виде несообщения о месте нахождения живого товара.

Прямой умысел и специальная цель эксплуатации жертвы характеризуют субъективную сторону торговли людьми. Причем специальные указания на цель не содержатся в ст. 181 УК РБ и 127-1 УК РФ применительно к таким действиям, как купля-продажа или совершение иных сделок. Цель эксплуатации человека является обязательным признаком при выполнении вербовки, перевозки, передачи, получении, укрывательстве потерпевшего. Поэтому содержание умысла различается в зависимости от характера совершаемых действий. При совершении купли-продажи и иных сделок с человеком виновный понимает и осознает, что совершает куплю-продажу или иные сделки с человеком как с товаром и желает их совершить, в полном объеме или частично осознает последствия его действий. Мотивация поведения виновного в данном случае не влияет на правовую оценку его действий [5].

В остальных ситуациях необходимо, чтобы виновный сознавал, что совершает одно из действий, образующих торговлю людьми, с целью эксплуатации потерпевшего (вербовку, перевозку, передачу, получение либо укрывательство живого товара) и желает их совершить.

Сложность конструкции рассматриваемой нормы создает существенные трудности при установлении вины. В тех моментах, когда виновный производит действия по передаче, вербовке, транспортировке или укрывательству потерпевшего, производит посредническую функцию в передаче потерпевшего заказчику или другим посредникам сделки, умысел виновного должен рассматриваться следующим образом:

а) им осуществляется незаконная деятельность в отношении потерпевшего, который рассматривается как товар;

б) лицо, получающее права владения, пользования или распоряжения потерпевшим, должно использовать жертву преступления с определенной целью, указанной в норме. В данном случае – с целью использовать органы и ткани для трансплантации.

Понятие эксплуатация в уголовном кодексе РФ раскрыто во втором примечании к ст. 127.1. Эксплуатация рассматривается как использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние, а равно изъятие органов и тканей. Рабство и подневольное состояние выделено как отдельный и самостоятельный вид эксплуатации, нет понимания уязвимости. Нормой охватывается цель изъятия органов и тканей для последующей трансплан-

тации виновными у потерпевшего как с его согласия, полученного путем обмана, описанного ранее, или без согласия потерпевшего, но если в действиях виновных содержится принуждение различными формами в изъятии органов и тканей, деяние будет рассматриваться в совокупности ст. 120 и 127.1 УК РФ.

Дополнительной квалификации требует действие, направленное на изъятие органов и тканей, по нормам об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью в рамках рассмотрения ст. 127.1 УК РФ. Лицо, совершая торговлю людьми, всегда осознает, что потерпевшему может быть причинен дополнительный вред при производстве трансплантации, где риском и объектом являются жизнь и здоровье потерпевшего, а целью – получение вознаграждения, неважно в какой форме и виде, согласно условиям сделки купли-продажи, виновное лицо обязательно должно нести дополнительную ответственность и за пособничество в убийстве по ч. 5 ст. 33 и п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Эксплуатация в статье 181 УК РБ рассматривается и понимается как незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Законодатель включил рабство и обычаи, сходные и неотделимые от рабства. Как видим, белорусский законодатель включает рабство и сходные с рабством обычаи в число услуг, которые оказываются потерпевшим. Согласно примечанию потерпевший от торговли людьми должен находиться как минимум в уязвимом состоянии, от него независящем, в силу чего не имеет возможности отказаться от выполнения навязываемых потерпевшему работ или услуг, которые он должен выполнять, его эксплуатации. Сексуальная эксплуатация определяется во втором примечании к ст. 181 УК РБ и не связывается с уязвимым положением лица.

Анализируя понятие торговли людьми обеих стран, можно заметить, что Палермский Протокол и его положения не всегда учитывались законодателями России и Беларуси при создании и конструировании закона.

Протокол прямо, четко и всесторонне охватывает понятие торговли людьми, включая в конструкцию и вербовку, и перевозку, и передачу, и укрывательство, и получение людей путем угрозы силой, или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо подкупа в виде платежей или

выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. В уголовных законах России и Беларуси не дается специальных указаний относительно способов совершения торговли людьми.

Анализируя Протокол и уголовные законы России и Республики Беларусь, можно сделать вывод, что законодатели обеих стран сформировали лишь квалифицированные составы как в ст. 181 УК РБ (совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; с использованием стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств потерпевшего путем обмана, злоупотребления доверием или соединенные с насилием, угрозой его применения или иными формами принуждения), так и ст. 127-1 УК РФ (применение насилия или угроза его применения, зависимость потерпевшего, использование служебного положения, использование поддельных документов, изъятие, сокрытие или уничтожение документов). Между тем наличие или отсутствие конкретного способа торговли людьми несущественно только для несовершеннолетних, однако сам факт несовершеннолетия потерпевшего образует квалифицированный состав преступления в рассматриваемых деяниях.

Существенным отличием ст. 181 УК РБ от ст. 127-1 УК РФ является отсутствие примечания, где указано условие для освобождения от уголовной ответственности лица за торговлю людьми, а на действия, целью которых является изъятие органов или тканей человека для трансплантации, данное примечание не распространяется, рассматривается уже как квалифицирующий признак торговли людьми.

Можно сделать вывод о том, что российское уголовное законодательство о противодействии торговле людьми в целом соответствует принципам и нормам международного права. Имеющиеся в ст. 127-1 УК РФ недостатки, отмеченные в исследованиях российских правоведов, не являются непреодолимым препятствием для применения указанной нормы. В то же время представляется целесообразным дополнить, по примеру белорусского законодателя, уголовный закон нормой об ответственности за противоправные действия, которые направлены на трудоустройство как внутри страны, так и за рубежом, и повлекшие в результате попадание в сферы сексуальной или иной эксплуатации. Подобные действия, достаточно широко распространенные в настоящее время, остаются до сих пор абсолютно безнаказанными, хотя фактически создают условия для последующей торговли людьми.

Пристатейный библиографический список

1. Волженкин Б.В., Квашис В.Е., Цагинян С.Ш. Ответственность за взяточничество: социально-правовые и криминологические проблемы. Ереван: Айастан, 1988.
2. Галахова А.В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации. М.: Юрид. лит., 1978.
3. Глушков В.А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев: Вища школа, 1987. С. 165.
4. Егорова Л.Ю. Объективная сторона – один из важнейших признаков состава преступления – торговли людьми // Российский следователь. 2005. № 3. С. 23–25.
5. Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния: учеб. пособ. М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997.
6. Каликова Г.А. Проблемы гражданско-правового регулирования медицинского страхования и медицинских услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1992.
7. Марчук В.В. Выступление на Международном научно-практическом семинаре для судей и работников прокуратуры на тему «Система мер противодействия торговле людьми в Республике Беларусь», г. Минск [Электронный ресурс]. URL: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-razdela-elektronnaya-biblioteka/5414-2012-01-27%2018-16-05.html>.
8. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 13.
9. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
10. Шатилович С.Н. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Тюмень, 2006. С. 17.

References (transliterated)

1. Volzhenkin B.V., Kvashis V.E., Czaginyan S.Sh. Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo: social'no-pravovy'e i kriminologicheskie problemy'. Erevan: Ajastan, 1988.
2. Galaxova A.V. Prevyshenie vlasti ili sluzhebny'x polnomochij. Voprosy' ugovovno-pravovoj kvalifikacii. M.: Yurid. lit., 1978.
3. Glushkov V.A. Otvetstvennost' za prestupleniya v oblasti zdравooxraneniya. Kiev: Vishha shkola, 1987. S. 165.
4. Egorova L.Yu. Ob`ektivnaya storona – odin iz vazhnejshix priznakov sostava prestupleniya – trgovli lyud`mi // Rossijskij sledovatel'. 2005. № 3. S. 23–25.
5. Ivanov N.G. Motiv prestupnogo deyaniya: ucheb. posob. M.: MCz pri GUK MVD Rossii, 1997.
6. Kalikova G.A. Problemy' grazhdansko-pravovogo regulirovaniya medicinskogo straxovaniya i medicinskix uslug: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Alma-Ata, 1992.
7. Marchuk V.V. Vy`stuplenie na Mezhdunarodnom nauchno-prakticheskom seminare dlya sudej i rabotnikov prokuratury' na temu «Sistema mer protivodejstviya trgovle lyud`mi v Respublike Belarus'», g. Minsk [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-razdela-elektronnaya-biblioteka/5414-2012-01-27%2018-16-05.html>.
8. Pudovochkin Yu.E. Otvetstvennost' za trgovlyu lyud`mi po rossijskomu ugovovnomu pravu // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2007. № 3. S. 13.
9. Chuprova A.Yu. Ugolovno-pravovy'e mexanizmy' regulirovaniya otnoshenij v sfere e`lektronnoj kommercii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015.
10. Shatilovich S.N. Special'ny'e vidy' osvobozhdeniya ot ugovovnoj otvetstvennosti. Tyumen', 2006. S. 17.

LAW FIRM «RUSSIA HOUSE INTERNATIONAL LAWYERS»

«Russia House» is legal and has a wealth of experience in providing legal services in Russia and Asia. The offices of the «Russia House,» located in the main financial centers of Russia, Europe and Asia, employ more than 100 lawyers. The office of the company «Russia House» was opened in Moscow in 2005. The Moscow office employs 15 lawyers, including 4 partners, 2 of whom are citizens of the Russian Federation. In addition to Russian specialists, lawyers from Italy, Luxembourg, Switzerland, China, Japan, South Korea, Saudi Arabia, and the UAE work in the Moscow office.

Specialists from the Moscow office have unique experience in all areas of financial, corporate, administrative, tax and international private law in Russia, Italy, Luxembourg, China, South Korea, and Japan. For more than 10 years, the firm has had a special department dealing with litigation and arbitration.

One of the main advantages of the «Russia House» are the rich experience of concluding commercial transactions in the Russian Federation and the deep understanding of the Russian legal system, which are supplemented by the extensive international experience of the firm. «Russia House» is one of the few law firms that provides the whole range of legal services to clients.

Russia House has extensive experience advising on all issues of all branches of law.

Law Firm «RUSSIA HOUSE International Lawyers»
Tel. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50
mt@rhlawi.com www.rhlawi.ru www.rhlawi.com
General Director Evgeny Stasyuk

Гасымова С.А.

ПРОГРАММЫ СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА УЧАСТИЕ В КАРТЕЛЕ: ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ

Цель: Несмотря на то, что за последние два десятилетия был достигнут значительный успех в инициировании большого количества судебных дел в рамках программ смягчения наказания за участие в картеле, распространенность таких программ и управление ими поднимают вопросы об их эффективности и стоимости. В свете вышесказанного целью данной статьи стал анализ существующих программ смягчения наказания за участие в картеле на примере опыта зарубежных стран.

Методология: В статье были использованы следующие методы научного познания: логический, правовой, сравнительный, аналитический и другие.

Результаты: После проведения самостоятельного исследования были получены авторские выводы относительно рассматриваемого вопроса. В частности, можно отметить следующее. В 2011 году некоторые заявления о смягчении наказания подавались в несущественных случаях, кроме того, правоохранительные органы не возбудили ни одного уголовного дела после подачи заявления об амнистии и по прошествии нескольких лет расследования. С самого начала рассмотрение этих дел в худшем случае вызывало вопросы с точки зрения здравого смысла, длительные и дорогостоящие расследования не требовались вплоть до их закрытия. Второй связанной с этим проблемой была тенденция, как в отношении компаний, так и физических лиц, «растягивать» факты, чтобы они соответствовали определению соглашения или «согласованного действия», с целью добиться освобождения от ответственности или смягчения наказания. К сожалению, такая практика до сих пор сохраняется в некоторых юрисдикциях. Стремление большого числа заявителей получить смягчение наказания, похоже, привело к тому, что правоохранительная система оказалась переполненной заявлениями, которые, по сути, являются запросами на консультативное заключение.

Новизна/оригинальность/ценность: Основная ценность статьи заключается в авторских выводах и предложениях по решению рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: смягчение наказания, уголовная ответственность, консультативное заключение, амнистия.

Gasymova S.A.

THE LENIENCY FOR PARTICIPATING IN THE CARTEL: CAUTION AND COSTS

Purpose: While there has been considerable success over the past two decades in initiating a large number of court cases under cartel mitigation programs, the prevalence and management of such programs raise questions about their effectiveness and cost. In light of the above, the purpose of this article was to analyze the existing programs of mitigation of punishment for participation in the cartel on the example of the experience of foreign countries.

Methodology: In this article the following methods of scientific knowledge were used: logical, legal, comparative, analytical and others.

Results: In article after carrying out independent research the author received author's conclusions concerning the considered question. In particular, the following can be noted. In 2011, some applications for commutation of sentences were filed in very minor cases, and in addition, law enforcement agencies did not initiate any criminal cases after the application for Amnesty and after several years of investigation. From the outset, the handling of these cases at worst raised questions from the point of view of common sense, and lengthy and costly investigations were not required until they were closed. The second and related problem was the tendency, both for companies and individuals, to «stretch» the facts to fit the definition of an agreement or «concerted action» in order to obtain an exemption or mitigation of punishment. Unfortunately, this practice still persists in some jurisdictions. There is another problem. The desire of a large number of applicants to obtain a reduced sentence seems to have resulted in the law enforcement system being overwhelmed with applications that are essentially requests for an Advisory opinion.

Novelty/originality/value: The main value of the article lies in the author's conclusions and suggestions for solving the problem under consideration.

Keywords: mitigation of punishment, criminal liability, Advisory opinion, Amnesty.

Увеличение числа программ смягчения наказания (более чем в 60 странах в настоящее время действует своего рода режим смягчения наказания) зачастую абсолютно неопытными людьми и соответствующее увеличение расходов, похоже, в малой степени способствует достижению общей цели обеспечения правопорядка, т. е. выявлению и сдерживанию антиконкурентной деятельности

и компенсации тем, кто от нее пострадал. Время и усилия, потраченные на множество заявлений о смягчении наказания, отдельные из которых не имеют прямого отношения к антиконкурентной деятельности, было бы разумнее потратить на более продуктивную правоприменительную деятельность.

Иными словами, поскольку программы смягчения наказания распространились по всему миру, возникает вопрос, не превзойдут ли в определенный момент издержки, связанные с чрезмерной отчетностью и отсутствием дисциплинированного подхода со стороны некоторых учреждений, явные преимущества антимонопольного права по смягчению наказания.

Поскольку многие правоохранительные органы считают необходимым действовать в ответ на заявление, даже если в расследование вовлечены другие ведомства, имеющие непосредственное отношение к данному делу, стоимость таких «защитных» заявлений и последующих расследований не является низкой и, похоже, продолжает расти. Данная проблема усугубляется программами «Амнистия плюс», которые создают еще один стимул для подачи заявки практически без дополнительных затрат для заявителя с целью получения защиты даже в самых незначительных случаях.

Гонка за смягчением наказания перегрузила правоприменительную систему.

Существуют некоторые признаки того, что антимонопольное сообщество начинает осознавать стоимость многочисленных и зачастую полностью дублирующих друг друга расследований и уголовных преследований, а также отсутствие даже минимальной ценности уголовных преследований-двойников для сдерживания картелей. Цель этой короткой статьи – предложить более авторитетным правоохранительным органам попытаться навести порядок и повысить эффективность процесса, который приводит к значительной путанице и затратам в лучшем случае лишь с незначительной выгодой для целей сдерживания.

1. Распространение программ смягчения наказания

В последние несколько лет наблюдалось широкое международное давление на картели. Помимо их строгого преследования в странах со зрелым режимом, юрисдикции с небольшой историей правоприменения начали широкие расследования и уголовные преследования картелей. Практически во всех случаях эта деятельность осуществляется по программам смягчения наказания.

Дело об автозапчастях, пожалуй, является самым ярким примером. В дополнение к штрафам, наложенным в США на сумму 2,6 млрд долларов, и штрафам, присужденным Европейской комиссией, в размере 1,6 млрд евро, шесть других юрисдикций проводили примерно ту же самую деятельность: Китай (195 млн долларов), Япония

(112 млн долларов), Корея (68,7 млн долларов), Канада (56 млн долларов), Сингапур (6,7 млн долларов) и Австралия (5 млн долларов). Несмотря на то, что штрафы еще не налагались в Бразилии, генеральный суперинтендант CADE выдвинул обвинения против семи производителей шариковых подшипников [4] и начал расследование как минимум семи других автомобильных продуктов [5]. В Южной Африке продолжается расследование, начатое в октябре 2014 года, в отношении 82 поставщиков автомобильных запчастей и 121 отдельных автомобильных запчастей [4].

В ответ на расследование Министерства юстиции США в сфере автомобильных перевозок, приведшее к штрафам в размере 135 миллионов долларов против трех компаний, антимонопольные органы Японии (штрафы в размере 223 млн долларов против четырех компаний), Чили (штрафы в размере 75 млн долларов против шести компаний) и Южной Африки (штраф в размере 7,8 млн долларов против одной компании на сегодняшний день) приняли аналогичные меры. В Китае ведется расследование в отношении, как минимум, пяти морских перевозчиков [1].

Также продолжаются и другие международные расследования. Например, в ответ на расследование в отношении конденсаторов в США, по которому до настоящего времени сделано только одно обвинительное заключение, были проведены расследования в Китае, Японии, Европе, Южной Корее, Тайване и Бразилии [3].

Наложение санкций на компании в этих и подобных случаях должно принести значительные выгоды, сдерживая будущую антиконкурентную деятельность как в затронутых отраслях, так и за их пределами. Например, недавние случаи в отрасли морских перевозок автомобилей, вероятно, побудят участников отрасли принять более надежные антимонопольные программы соответствия.

Тем не менее, новые и неопытные агентства с готовностью принимают заявления о смягчении наказания и устанавливают новые рекорды по наложению штрафов, что, в свою очередь, вызывает еще больший поток заявлений. Вероятно, настало время задуматься о том, существуют ли новые способы сохранения и усиления эффективного правоприменения при одновременном обеспечении того, чтобы расходы на этот глобальный правоприменительный механизм в определенный момент не превзошли его неоспоримые преимущества.

Некоторые выдающиеся юристы уже выразили обеспокоенность по поводу стоимости программ смягчения наказания, уделяя особое вни-

мание административным расходам. Гэри Спрэтлинг, сыгравший важную роль в разработке программы смягчения наказания в США, будучи сотрудником Министерства юстиции США, отметил значительные расходы на «проведение поиска, проверки и производства документов; перевод; внутренние интервью компании; предложения; заявления; запросы на информацию и другую работу в десятках юрисдикций по всему миру». По сути, он задал вопрос о том, не могут ли программы смягчения наказания «стать жертвой [их] собственного успеха в результате негативных последствий, связанных с принятием и активным использованием политик смягчения наказания со стороны постоянно растущего числа правоохранительных органов».

Заместитель помощника генерального прокурора США Brent Snider из Министерства юстиции США недавно высказал предположение о том, что «правоохранительные органы могут работать вместе, чтобы минимизировать нагрузки и расходы на расследования в отношении заявлений о смягчении наказания» [2]. Помимо призыва к улучшению координации между учреждениями он предложил использовать предиктивное кодирование, т. е. компьютерный анализ документов и другие методы, применяемые министерством юстиции США в гражданских делах для сокращения расходов на обзор и разработку множества документов. Он также отметил сбои, вызванные запросами на интервью со стороны агентств по всему миру, и необходимость координации действий агентств в этом отношении [2].

Процедурная координация документооборота и опросов свидетелей следователями должна сократить расходы и ускорить процессы. Но проблема выходит за рамки производства повторяющихся документов и многочисленных опросов свидетелей. Огромное количество и объем расследований, связанные с этим штрафы и расходы вызывают реальную обеспокоенность в отношении соразмерности и справедливости. В некоторых случаях для завершения официального разбирательства может потребоваться много лет, что повлечет за собой значительные расходы компаний на оплату юридических услуг и время, затрачиваемое на ведение разбирательства. Конечно, до определенного момента такие расходы являются естественной и оправданной частью процесса защиты, и компании, уличенные в явно антиконкурентной деятельности, обязаны нести бремя этих расходов.

Тем не менее, в таких случаях, как дело об автозапчастях, когда первое заявление о смягче-

нии наказания в связи с пучками проводов было подано в преддверии рейдов в начале февраля 2010 года, спустя почти шесть лет все еще оставались неразрешенными административные расследования и гражданские иски о возмещении ущерба. Как известно, некоторые из этих неразрешенных расследований все еще находятся на начальных стадиях, и, вероятно, на их завершение уйдут годы. Может пройти 10 лет, прежде чем вопрос будет окончательно решен. На первый взгляд, это кажется ненормальным, и одни только судебные издержки в данном случае являются, безусловно, чрезмерными. Некоторые из этих затрат, скорее всего, будут покрыты участвующими компаниями, но некоторые в равной степени могут быть переложены на заявителей.

На наш взгляд, было бы правильно, если бы страны, которые применяют более жесткое антимонопольное регулирование во всем мире, также возглавили обсуждение и реализацию более разумного и скоординированного субстантивного и процедурного подхода к международным расследованиям в связи с установлением цен, проводимым антимонопольными органами.

Несмотря на то, что взаимодействие и ограничения правоохранительных органов в ходе расследованиях международных слияний являются значительными и труднопреодолимыми, существуют случаи слияния, когда юрисдикции с относительно малой заинтересованностью в сделке слияния полагаются на один или два антимонопольных органа, которые берут на себя основную работу. Несмотря на то, что существуют очевидные различия в правоприменительных действиях в отношении слияний и картелей, и в отдельных случаях между ними нельзя провести параллели, представляется, что аналогичный подход может сработать и в контексте картелей, т. е. юрисдикции, которые в основном занимаются рассмотрением дел о картелях, могли бы возглавить правоприменительные действия правительства. Конечно, если заявители во вторичных юрисдикциях были вовлечены в картельную деятельность, они должны иметь возможность обратиться за помощью в свои гражданские суды, если это разрешено местным законодательством. Но если три или более государственных ведомства преследуют по существу одну и ту же деятельность, это представляется неразумным и недостаточным для достижения цели сдерживания.

2. Система маркеров

Система маркеров в Соединенных Штатах, ЕС, Бразилии и Канаде (в числе прочих) может уменьшить проблемы, связанные как с гонкой

за смягчением наказания, так и с очевидной неспособностью некоторых агентств отличить вопросы, представляющие реальную конкурентную угрозу, от добросовестной или нейтральной деятельности. Система маркеров позволяет компаниям проводить более тщательное внутреннее расследование, удерживая свое место в очереди на смягчение наказания. Маркер позволяет заявителям отозвать свою заявку, если впоследствии будет сделан вывод о том, что рассматриваемая деятельность не является нарушением. Маркеры являются полезным дополнением национальных программ, принявших их, и, на наш взгляд, должны использоваться во всех юрисдикциях, где действуют программы смягчения наказания. Однако система маркеров должна тщательно контролироваться опытными прокурорами и регулирующими органами.

Одним из недостатков системы маркеров может быть то, что возможность отозвать маркер предоставляет компаниям еще один стимул запрашивать маркеры при обнаружении малейших признаков плохой деятельности. В качестве примера приведем один случай, когда компания сначала запросила маркеры на более чем дюжину продуктов, а затем отказалась от всех маркеров после многих месяцев расследования. Как отмечалось выше, программы «Амнистия плюс» могут частично отвечать за распространение маркеров в незначительных случаях, поскольку маркеры могут быть практически без дополнительных затрат для заявителя.

Огромное количество и объем расследований, связанные с этим штрафы и расходы вызывают реальную обеспокоенность в отношении соразмерности и справедливости.

В 2012 году Скотт Хаммонд, бывший заместитель помощника генерального прокурора по уголовному преследованию в Министерстве юстиции, сообщил, что около трети фирм отказываются от своего маркера, потому что в ходе внутреннего расследования не обнаруживается незаконная деятельность. С одной стороны, это может показаться здоровой тенденцией, предполагающей, что компании и их адвокаты готовы добиваться амнистии всякий раз, когда они подозревают возможную проблему, и что антимонопольные органы готовы отказаться от рассмотрения дела при наличии недостаточных доказательств истинно антиконкурентной деятельности. С другой стороны, мы подозреваем, что во многих случаях запрашиваются и предоставляются маркеры деятельности, которые с самого начала практически не имеют шансов при-

вести к действиям принудительного характера. В этом случае должно быть вынесено какое-либо суждение адвоката компании или правоохранительных органов.

Кроме того, по нашему мнению, в отсутствие исключительных обстоятельств антимонопольные агентства не должны начинать расследование по заявкам конкурентов заявителя о смягчении наказания до тех пор, пока маркер не будет усовершенствован. Это позволит избежать неоправданных расходов для участников рынка и снизить вероятность необоснованных гражданских исков, которые приводят к весьма существенным затратам.

Пристатейный библиографический список

1. WWL добивается смягчения наказания от ГКРР Китая за картель грузоперевозок, Mlex [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlex.com/GlobalAntitrust/DetailView.aspx?cid=691356&siteid=202&rdir=1>.
2. Brent S. Snajder, заместитель помощника генерального прокурора по уголовному правоприменению Министерства юстиции США, Отдел антимонопольного законодательства. Замечания на шестом ежегодном Чикагском форуме по международному антимонопольному законодательству (8 июня 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justice.gov/opa/speech/deputy-assistant-attorney-general-brent-snyder-delivers-re-marks-sixth-annual-chicago>.
3. ГКРР Китая подтверждает антимонопольные проверки производителей конденсаторов, автозапчастей и компаний группы OТА, MLex (2 июля 2014 г.).
4. Главное управление CADE расследует деятельность картеля на рынке подшпиликов качения, Conselho Administrativo de Defesa Economica (10 октября 2014 г.).
5. Главное управление CADE расследует деятельность картеля на рынке устройств безопасности для транспортных средств, Conselho Administrativo de Defesa Economica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cade.gov.br/Default.aspx?b-c70be4adb31c74bdf6dfe53ed51>.
6. CADE начинает борьбу с картелем автомобильных амортизаторов, PaRR [Электронный ресурс]. URL: <http://app.parr-global.com/intelligence/view/1310099>.

References (transliterated)

1. WWL dobivaetsya smyagcheniya nakazaniya ot GKRR Kitaya za kartel` gruzoperevozok, Mlex [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.mlex.com/GlobalAntitrust/DetailView.aspx?cid=691356&siteid=202&rdir=1>.
2. Brent S. Snajder, zamestitel` pomoshhnika general`nogo prokurora po ugovolnomu pravoprimereniyu Ministerstva yusticii SShA, Otdel antimonopol`nogo zakonodatel`stva. Zamechaniya na shestom ezhegodnom Chikagskom forume po mezhdunarodnomu antimonopol`nomu zakonodatel`stvu (8 iyunya 2015 g.) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.justice.gov/opa/speech/deputy-assistant-attorney-general-brent-snyder-delivers-re-marks-sixth-annual-chicago>.

3. GKRR Kitaya podtverzhdает antimonopol'ny'e proverki proizvoditelej kondensatorov, avtozapchastej i kompanij gruppy` OTA, MLex (2 iyulya 2014 g.).

4. Glavnoe upravlenie CADE rassleduet deyatel'nost' kartelya na ry`nke podshipnikov kacheniya, Conselho Administrativo de Defesa Economica (10 oktyabrya 2014 g.).

5. Glavnoe upravlenie CADE rassleduet deyatel'nost' kartelya na ry`nke ustrojstv bezopasnosti dlya transport-

ny`x sredstv, Conselho Administrativo de Defesa Economica [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.cade.gov.br/Default.aspx?b=c70be4adb31c74bdf6dfe53ed51>.

6. CADE nachinaet bor`bu s kartelem avtomobil'ny`x amortizatorov, PaRR [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://app.parr-global.com/intelligence/view/1310099>.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ.

Основными темами саммита являются:

1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?

2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;

3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.

В работе саммита примут участие признанные эксперты в области права и инвестиций, руководители юридических департаментов крупнейших государственных и частных компаний, старшие партнеры юридических фирм и представительства России, ОАЭ и Саудовской Аравии, послы стран Азии и Ближнего Востока, юристы Пакистана, Китая, Испании, Италии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Швейцарии и Малайзии, старшие юристы и адвокаты Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации и депутаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Партнерами форума являются:

Государственная Дума ФС Российской Федерации

BrandPol Group (Ирландия)

Палата адвокатов Саудовской Аравии

Общество адвокатов ОАЭ

Индийская Национальная Ассоциация Адвокатов

Глобальная Ассоциация юристов, говорящих на китайском языке (Китай)

Всекитайская Ассоциация Юристов (Китай)

Юридическая фирма Grandall (Китай)

Юридическая фирма Русский Дом Международные Юристы (Россия)

Палата адвокатов Азербайджана

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Желудков М.А., Шевелева С.В.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО НАУЧНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО¹

Цель: Определение специфических признаков личности научного мошенника.

Методология: Использовались системно-структурный и формально-логический методы.

Результаты: Используя классические для отечественной криминологии градации личностных свойств преступника, авторы определяют особенности социально-демографических, нравственно-психологических и ролевых свойств личности лица, осуществляющего плагиат и фальсификацию результатов научного исследования. С учетом латентного характера научного мошенничества в качестве эмпирической основы послужило анкетирование, проведенное авторами исследования среди студентов и молодых ученых, а также уже известные результаты исследований, полученные как в России, так и за рубежом.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает определенной научной ценностью, поскольку сама постановка вопроса о необходимости исследования личности научного мошенника является новым направлением в криминологии. Полученные результаты представляют собой основу для поиска оптимальных путей противодействия научному мошенничеству.

Ключевые слова: личность преступника, научное мошенничество, типология личности, плагиат, фальсификация результатов научного исследования.

Zheludkov M.A., Sheveleva S.V.

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE IDENTITY OF THE CRIMINAL COMMITTING SCIENTIFIC FRAUD

Purpose: Of the study is the identification of specific personality traits of a scientific fraud.

Methodology: Used system-structural and formal-logical methods.

Results: Using the gradations of the criminal's personality traits that are classical for Russian criminology, the features of the socio-demographic, moral, psychological and role-based properties of the personality of a person who plagiarizes and falsifies the results of a scientific research are determined. Given the latent nature of scientific fraud, the questionnaire conducted by the authors of the study among students and young scientists, as well as the well-known results obtained both in Russia and abroad, served as an empirical basis.

Novelty/originality/value: The article has a certain scientific value, since the very statement of the question of the need to study the personality of a scientific fraud is a new direction in criminology. The results are the basis for finding the best ways to counter scientific fraud.

Keywords: criminal identity, scientific fraud, personality typology, plagiarism, falsification of scientific research results.

Изучение причин и условий совершения индивидами научных обманов и злоупотреблений доверием не будет иметь полноценного результата без анализа сущности и процессов формирования личности, которая совершает подобные деяния. Под личностью преступника обычно понимают человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности, обладающего совокупностью социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на его преступное поведение [1].

Как представляется, это определение может быть взято за основу формулирования признаков личности преступника, совершающего научное мошенничество, но с некоторыми оговорками, которые объясняются следующими обстоятельствами.

Во-первых, официальная отчетность по данной разновидности мошеннических действий отсутствует. Получение исходных данных осуществляется посредством изучения конкретных уголовных дел без учета всей совокупности таких преступлений на территории государства. Это неизбежно влечет статистические погрешности.

Во-вторых, научные мошенничества следует относить к высоколатентным преступлениям. Их выявление вызывает особые трудности в связи с тем, что для определения подделки данных или результатов исследования, а также их фальсификации необходимо проведение другого исследования (экспертизы), назначение которого возможно в рамках возбужденного уголовного дела. Однако повод к возбуждению уголовного дела может и не возникнуть. В этом случае реальное научное мошенничество будет отнесено к потенциально скрытым преступлениям.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 29.7357.2017/БЧ на выполнение проекта по теме «Мошенничество в области научных исследований при выполнении государственного задания».

В-третьих, возможности по возбуждению уголовного дела по плагиату ограничены крупным ущербом автору или правообладателю, что существенно влияет на количество выявленных преступлений в этой области. Например, плагиат в диссертационном исследовании или научной статье не является преступным деянием, так как отсутствуют явные предпосылки получения доказательств причиненного ущерба – криминообразующего признака составов преступлений, предусмотренных ст. 146–147 УК РФ.

Таким образом, соглашаясь с тем, что «личность преступника» относится к лицам, которые признаны виновными в совершении преступления вступившим в законную силу приговором суда, мы не можем не учитывать вышеуказанные обстоятельства при характеристике личности научного мошенника. С научных позиций и ввиду необходимости разработки особых профилактических мер в сфере научного мошенничества можно и необходимо говорить о латентной личности преступника – научного мошенника. Подобные латентные научные мошенничества не зарегистрированы в виде преступных деяний, но они имеют отражение в публикациях в информационной среде и находят выражение в некоторых базах данных, которые осуществляют проверку оригинальности научных работ (например, Диссернет). Изучение данной категории лиц, наряду с лицами, которые уже совершили преступление, позволяет более полноценно понять причины и условия совершения этих деяний и более комплексно построить системную основу профилактики данной разновидности преступлений.

В 2019 году Центром институционального анализа науки и образования при Европейском университете в Санкт-Петербурге было опубликовано исследование под названием «Некорректные заимствования в российских докторских диссертациях: сколько, где и у кого?» [2].

В данном исследовании были проанализированы «2468 докторских диссертаций, защищенных в 2006–2015 годах (8,8 % от генеральной совокупности) с помощью скриптов программы «Антиплагиат». Средняя доля обнаруженных заимствований составила 19,1 %, медианная – 13,9 %. Только четверть диссертаций имеет долю заимствований менее 7 % текста, при этом, однако, лишь 6,1 % авторов заимствовали более 50 %» [2].

Данные цифры указывают на признаки научного мошенничества, но говорить о личности преступника в его полном смысле с учетом приговора мы не можем. В данном аспекте мы должны применять содержание понятия латентного

научного мошенника, которое должно подвергаться изучению в целях выявления факторов и качественных характеристик, приведших данную личность к обману или злоупотреблению доверием в научной сфере.

При изучении личности как реального, так и латентного научного мошенника существует проблема в выявлении соотношения социальных и биологических факторов, оказавших влияние на его негативное поведение. Если в других видах корыстных преступлений социальное явно превалирует над биологическим, то в научном мошенничестве не все так однозначно. В то же время полученные сведения о биологических особенностях отдельных личностей не могут стать полноценными репрезентативными данными, так как при исследовании мы оперируем лишь единичными случаями зафиксированных преступлений данного вида. В научной сфере не работают душевнобольные люди, и только поэтому уже можно утверждать, что в научном мошенничестве нет биологических факторов, которые можно считать непосредственной причиной совершения конкретного преступления. Однако никто не будет спорить, что во многом именно биологические факторы: одаренность, волевые качества, уровень умственного развития, высокий интеллект, жизненный опыт, склонность к анализу, эмоциональность и другие – создали предпосылки для становления личности ученого, который уже под влиянием социальной среды совершил научное мошенничество. Подобные преступники не только не снижают свой уровень умственного развития, но и постоянно повышают его. Их эмоциональность проявляется при уравнивании нервных процессов при совершении научного мошенничества и после его выявления. Выделим качества самоуверенности и безнаказанности при совершении рассматриваемых деяний. Важно здесь усвоить также то, что среди лиц, которые совершают научное мошенничество, нами не выявлены имеющие такие отклонения от психической нормы, как слабоумие, психопатические заболевания, алкогольные и наркотические зависимости. Сложно здесь рассуждать о генетически обусловленных факторах совершения преступлений в этой сфере, так как уже ранее указывалось, что большинство деяний имеют латентный характер, и исследователи не могут проводить полноценное изучение хромосомных или иных аномалий подобной личности.

В криминологической характеристике личности преступника обычно выделяют: пол, возраст, социальное положение в обществе и форму

занятия, образование, семью, место проживания, материальное положение. В данных о соотношении мужского и женского пола в структуре научных мошенников присутствуют различные точки зрения. Например, некоторые исследования показывают, что мужчины более склонны к академической нечестности (F.C. Fang, J.W. Bennett, A. Casadevall) [3]. Причем в некоторых областях исследований подобная гендерная нечестность в науке выделена в качестве решающего фактора повышения по карьерной лестнице.

Согласно новому исследованию, опубликованному в журнале *mBio*, Отделом этики научных исследований (ORI) США было зарегистрировано 228 случаев нарушений в записях. В миссию ORI входит выявление сфабрикованных данных и плагиата. В мае 2012 года было зарегистрировано по меньшей мере 2047 биомедицинских открытий, которые содержали ошибки или были вообще сфабрикованы. Оказалось, что мужчины чаще замешаны в научном мошенничестве, чем женщины. Разрыв был замечен на каждой ступеньке карьерной лестницы. Среди научных сотрудников 43 % мужчин были задействованы в научном мошенничестве. Среди студентов число нарушителей мужского пола составило 58 %. Это число выросло до 69 % среди аспирантов и 88 % преподавателей. Например, среди 72 преподавателей, которые совершили мошенничество, было только 9 женщин. Учёные, проводившие исследование, говорят, что на данный момент не совсем понятно, почему существует такой гендерный разрыв. Скорее всего, что мужчинам больше свойственно рисковать, чем женщинам [4].

Ученые, изучающие некорректные заимствования в российских докторских диссертациях, опираясь на зарубежные исследования, приходят к выводу об отсутствии значимых различий нарушителей академических норм по гендерному признаку [2].

По нашим исследовательским данным, в научном мошенничестве присутствует устойчивое равновесие без преобладания доли мужчин. Подобный фактор обуславливается тем, что в науке достаточно велика доля лиц женского пола и нет особых поведенческих стереотипов относительно того, кто должен заниматься определенными исследованиями. Некоторая гендерная зависимость прослеживается при определенных видовых исследованиях. Женщин, совершающих научный плагиат, достаточно много в гуманитарной, медицинской, экономических сферах. Мужчины преобладают в техническом плагиате или фальсификации сведений при выполнении научных заданий.

Возрастная характеристика научного мошенника лежит в основе его криминальной активности с учетом специфики выполняемой научной работы. Впервые научное мошенничество совершается в студенческой среде. Его мы относим к первичному латентному мошенничеству, включающему возрастную категорию лиц от 18 до 24 лет. В этом возрасте студенты впервые выполняют научные работы, которые имеют общественную, а иногда и научную значимость. Плагиат в курсовой или выпускной работе, манипулирование научными сведениями при выполнении студенческих грантов, фабрикация данных в научной статье – впервые студенты совершают эти действия именно в указанном возрасте. Как показывают международные исследования, большинство студентов в мире списывали хотя бы раз за время учебы [5, 6, 7].

Возрастная группа от 25 до 29 лет характеризуется уже сформированной позицией с точки зрения совершения научного мошенничества. В этой возрастной категории находятся как аспиранты, так и уже сформировавшиеся молодые ученые. Подложные данные вносятся в диссертации, научные проекты и гранты.

Возрастная категория от 30 до 70 лет включает ученых и практиков, которые получают возможность осваивать бюджетные денежные средства, выделяемые на различные научные проекты.

Социальное положение научных мошенников зависит от их вида занятия и выполняемых научных функций. Меньше 1 % научных мошенников не имеет работы или места научной деятельности. Подобная категория лиц находится или на пенсионном обеспечении, или в поиске места будущей работы. Более 60 % данных лиц занимаются преподавательской деятельностью, около 10 % являются руководителями определенных научных коллективов, около 30 % являются работниками и служащими различных государственных, муниципальных органов и служб, коммерческих и иных форм предприятий. Типичными функциональными свойствами для данных лиц является степень широкой вовлеченности в деятельность научного и производственного коллектива. Однако подобная вовлеченность направлена лишь на поддержание своего стабильного положения в данной общественной микрогруппе.

В настоящее время большинство исследований академической нечестности сконцентрировано на нечестности студентов [8, 9, 10], восприятии ими этических кодексов [11, 12], а также кодексов как таковых [13, 14, 15].

Именно студенты чаще всего становятся объектом исследования в работах по изучению академической нечестности. Количество работ, посвященных эмпирическому изучению распространенности нечестности среди ученых или аспирантов, – на порядок меньше [16].

Однако фабрикация данных, подлог и плагиат распространены не только в среде студентов, о чем свидетельствуют регулярные случаи отзыва статей редакциями журналов. То, что студенты оказываются предпочитаемым объектом исследования, связано, вероятно, с тем, что состоявшиеся исследователи (имеющие степень, публикации и т. д.) обычно вызывают меньше подозрений. Чаще всего в исследованиях академической нечестности применяются опросы; организовать представительный опрос студентов значительно легче, чем «взрослых» ученых. Кроме того, есть подозрение, что опрос вообще плохо подходит для изучения девиантного поведения состоявшихся ученых, так как они несут большие репутационные риски и потому менее склонны сообщать о сомнительном поведении [2].

В рамках нашего исследования также был проведен опрос 50 студентов 4-го курса по различным видам специальностей. Опрос был анонимный, поэтому все 100 % студентов признались в том, что использовали чужие тексты при написании курсовых и лабораторных работ. Опрос уже сформировавшихся ученых невозможно провести по указанной в данном исследовании причине.

По наличию или отсутствию семейного положения нельзя сделать однозначные выводы о склонности лица к научному мошенничеству. В свою очередь именно молодые, чаще семейные ученые более склонны совершать обман в науке. В данном аспекте играет роль, кем является данное лицо в семейной иерархии. Молодые ученые, которые не являются главами семьи, гораздо чаще совершают научный обман, так как рационально полагают, что их семья от разоблачения данного обмана не потеряет материально или репутационно. Семейное положение научных мошенников в 95 % случаев выявленных преступлений имеет полноценное наполнение с наличием детей.

Местом проживания научных мошенников является городская среда на уровне субъектов территориального образования. Также отмечаем, что по результатам отдельных исследований территориальная зависимость научного мошенничества от места проживания не прослеживается.

По большей части, статистически значимых различий между ними нет. Исключение – значимая разница между Центральным округом про-

тив Приволжского и Южного (в последних медианное количество некорректных заимствований больше на 4 % и 5,6 % соответственно, значимо на уровне $<0,05$). Разница имеется между Северо-Западным и Северо-Кавказским округами (в последнем количество некорректных заимствований выше на 6,2 %, значимо на уровне $<0,05$), Приволжским и Южным (в обоих количество некорректных заимствований выше на 5,1 % и 6,7 % соответственно, значимо на уровне $<0,01$). В то же время явных лидеров по количеству некорректных заимствований мы выделить не можем, стоит отметить, что Южный, Северо-Кавказский и Приволжский округи демонстрируют высокие медианные значения по сравнению с остальными округами [2].

Образовательно-культурная среда личности научного мошенника свидетельствует о его высоком интеллектуальном и образовательном уровне. Подобный уровень у данных лиц выше, чем у граждан той же возрастной группы, но занимающихся другой формой социальной деятельности. Их уровень образования повышается в зависимости от возрастных групп, наличия ученой степени, ученого звания и различных почетных наград и званий.

Культурно-досуговая среда характеризуется постоянным поиском целевых интеллектуальных форм развития. Культура по отношению к лицу, которое совершило научное мошенничество, – это отдельный феномен духовно-преобразующей деятельности. Ученый или сотрудник, выполняющий научные задания, воспитан на культурных предписаниях той общественной группы, где он воспринимается как личность. Однако не всегда эти предписания общества становятся основой его поведения. В отдельных случаях они могут быть отвергнуты или приняты не на том уровне поведения, которое общество ожидает от личности. Также считаем, что наличие диплома или ученой степени только по формальным критериям делают человека образованным. Образование, а именно знания в определенных областях науки, конкретизируются в социальном отношении. Через него преломляется мотивация жизнедеятельности личности в виде корыстного или иного преступного мотива действия. Выбор или отказ от таких мотивов зависит от многих обстоятельств, где не последнюю роль играет воспитание личности.

Существует мнение, что выбор культурных предписаний зависит и от страны, где ученый проявляет свои способности. Страны также различаются исторически сложившейся академи-

ческой культурой, более или менее способствующей взаимному контролю. Если коллеги не критикуют и не проверяют работу друг друга, то шансы публикации подлога возрастают. Некоторые исследователи отмечают, что академическая нечестность более распространена в развивающихся странах, принявших иерархическую федральную немецкую модель в противовес более коллегиальным системам англо-американских департаментов [2].

Материальное положение данных лиц высокое, но постоянно требует своего повышения по причине поддержания социального статуса в обществе.

Итак, научного мошенника как преступника можно именовать с определенной долей условности, исходя из необходимости выявления характерных черт лиц, занимающихся подлогом и фальсификацией результатов своих научных исследований. Учитывая, что научные мошенничества представляют собой латентную группу преступлений, при изучении личности как реального, так и латентного научного мошенника существует проблема в выявлении соотношения социальных и биологических факторов, оказавших влияние на его негативное поведение. Тем не менее, к биологическим факторам следует отнести высокий интеллект, склонность к анализу, целеустремленность, самоуверенность. Нами не выявлены лица, страдающие слабоумием, психопатическими заболеваниями, алкогольной или наркотической зависимостью. По гендерному признаку существенных различий не выявлено. Возрастная характеристика определена с учетом социальной роли: студенчество (18–24 года), аспиранты и молодые ученые (25–29 лет), ученые, имеющие звания и степени, а также практики (30–70 лет). Социальное положение: более 60 % данных лиц занимаются преподавательской деятельностью, около 10 % являются руководителями определенных научных коллективов, около 30 % – работниками и служащими различных государственных, муниципальных органов и служб, коммерческих и иных форм предприятий. Семейное положение научных мошенников не оказывает значимого влияния на формирование негативных личностных ориентиров, тем не менее, в 95 % выявленных преступлений имеет место полноценное наполнение с наличием детей. Образовательно-культурная и досуговая среда ориентирована на постоянный поиск целевых интеллектуальных форм развития.

Пристатейный библиографический список

1. Криминология / отв. ред.: В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М.: Юрид. лит., 1979. С. 105.
2. Макеева А., Цивинская А., Соколов М., Соколова Н., Губа К. Некорректные заимствования в российских докторских диссертациях: сколько, где и у кого? СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2019. (Серия препринтов ННС-С (5)).
3. Fang F.C., Bennett J.W., Casadevall A. Males are overrepresented among life science researchers committing scientific misconduct // *MBio*. 2013. Vol. 4. № 1.
4. Научное мошенничество [Электронный ресурс]. URL: <https://infuture.ru/article/7976/>.
5. McCabe D.L. The influence of situational ethics on cheating among college students // *Sociological Inquiry*. 1992. Vol. 62, № 3. P. 365–374.
6. McCabe D.L., Bowers W.J. Academic dishonesty among males in college: A thirty year perspective // *Journal of College Student Development*. 1994. Vol. 35. № 1. P. 5–10.
7. Stearns S.A. Administrative ramifications of student cheating // *Journal of the Association for Communication Administration (JACA)*. 1997. Vol. 2. P. 133–139.
8. Fields M.U. The influence of psychological type, self-esteem, and gender on academic dishonesty of students in higher education // *Dissertation Abstracts International Section A: Humanities and Social Sciences*. 2004. 64 (3-A). P. 737.
9. Ward D.A., Beck W.L. Gender and dishonesty // *The Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 130. № 3. P. 333–339.
10. Macfarlane B., Zhang J., Pun A. Academic integrity: a review of the literature // *Studies in Higher Education*. 2014. Vol. 39. № 2. P. 339–358.
11. Gundersen D.E., Capozzoli E.A., Rajamma R.K. Learned ethical behavior: An academic perspective // *Journal of Education for Business*. 2008. Vol. 83. № 6. P. 315–324.
12. Rezaee Z., Elmore R.C., Szendi J.Z. Ethical behavior in higher educational institutions: The role of the code of conduct // *Journal of Business Ethics*. 2001. Vol. 30. № 2. P. 171–183.
13. Kelley P.C., Agle B.R., DeMott J. Mapping our progress: Identifying, categorizing and comparing universities' ethics infrastructures // *Journal of Academic Ethics*. 2005. Vol. 3. № 2–4. P. 205–229.
14. Lind A.R. Evaluating research misconduct policies at major research universities: A pilot study // *Accountability in Research*. 2005. Vol. 12. № 3. P. 241–262.
15. Schoenherr J., Williams-Jones B. (2011) Research integrity/misconduct policies of Canadian universities // *Canadian Journal of Higher Education*. Vol. 41. № 1. P. 1–17.
16. Wajda-Johnston V.A., Handal P.J., Brawer P.A., Fabricatore A.N. Academic dishonesty at the graduate level // *Ethics and Behavior*. 2001. Vol. 11. № 3. P. 287–305.

References (transliterated)

1. Kriminologiya / otv. red.: V.K. Zvirbul', N.F. Kuznetzova, G.M. Min'kovskij. M.: Yurid. lit., 1979. S. 105.

2. Makeeva A., Civinskaya A., Sokolov M., Sokolova N., Guba K. Nekorrektny'e zaimstvovaniya v rossijskix doktorskix dissertacijax: skol'ko, gde i u kogo? SPb.: CIA-NO EUSPb, 2019. (Seriya preprintov NNS-S (5)).

3. Fang F.C., Bennett J.W., Casadevall A. Males are overrepresented among life science researchers committing scientific misconduct // MBio. 2013. Vol. 4. № 1.

4. Nauchnoe moshennichestvo [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://infuture.ru/article/7976/>.

5. McCabe D.L. The influence of situational ethics on cheating among college students // Sociological Inquiry. 1992. Vol. 62, № 3. P. 365–374.

6. McCabe D.L., Bowers W.J. Academic dishonesty among males in college: A thirty year perspective // Journal of College Student Development. 1994. Vol. 35. № 1. P. 5–10.

7. Stearns S.A. Administrative ramifications of student cheating // Journal of the Association for Communication Administration (JACA). 1997. Vol. 2. P. 133–139.

8. Fields M.U. The influence of psychological type, self-esteem, and gender on academic dishonesty of students in higher education // Dissertation Abstracts International Section A: Humanities and Social Sciences. 2004. 64 (3-A). P. 737.

9. Ward D.A., Beck W.L. Gender and dishonesty // The Journal of Social Psychology. 1990. Vol. 130. № 3. P. 333–339.

10. Macfarlane B., Zhang J., Pun A. Academic integrity: a review of the literature // Studies in Higher Education. 2014. Vol. 39. № 2. P. 339–358.

11. Gundersen D.E., Capozzoli E.A., Rajamma R.K. Learned ethical behavior: An academic perspective // Journal of Education for Business. 2008. Vol. 83. № 6. P. 315–324.

12. Rezaee Z., Elmore R.C., Szendi J.Z. Ethical behavior in higher educational institutions: The role of the code of conduct // Journal of Business Ethics. 2001. Vol. 30. № 2. P. 171–183.

13. Kelley P.C., Agle B.R., DeMott J. Mapping our progress: Identifying, categorizing and comparing universities' ethics infrastructures // Journal of Academic Ethics. 2005. Vol. 3. № 2–4. P. 205–229.

14. Lind A.R. Evaluating research misconduct policies at major research universities: A pilot study // Accountability in Research. 2005. Vol. 12. № 3. P. 241–262.

15. Schoenherr J., Williams-Jones B. (2011) Research integrity/misconduct policies of Canadian universities // Canadian Journal of Higher Education. Vol. 41. № 1. P. 1–17.

16. Wajda-Johnston V.A., Handal P.J., Brawer P.A., Fabricatore A.N. Academic dishonesty at the graduate level // Ethics and Behavior. 2001. Vol. 11. № 3. P. 287–305.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерба от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП

- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация

Срок исполнения от 1 часа

Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую	Почерковедческую
Землеустроительную	Подлинности документов
Инженерно-технологическую	Оценочную
Пожарно-техническую	Товароведческую
Автотехническую	Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейтингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

м. Электrozаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Желудков М.А., Урда М.Н.
ДЕТЕРМИНАНТЫ НАУЧНОГО МОШЕННИЧЕСТВА¹

Цель: Выявление причин и условий, способствующих совершению мошенничества в научной сфере.

Методология: Использовались системный, социологический и формально-логический методы.

Результаты: В ходе исследования причинного комплекса научного мошенничества выявлены наиболее распространенные детерминанты этой разновидности преступности. К ним относятся эгоистические потребности индивида доказать свою научную состоятельность; зависть к более успешным коллегам; корысть, выступающая как мотив и цель подлога или обмана при выполнении научного исследования; ложно понятые интересы службы или деятельности; негативная ценностная ориентация, формируемая на уровне учебного заведения (в школе, институте или университете, где впервые индивид сталкивается с необходимостью проведения научной работы); криминогенная ситуация, в которой искаженная нравственная позиция индивида преувеличивает значение выгоды от обмана в науке, снижая внутренние способности лица по преодолению возникающих трудностей.

Новизна/оригинальность/ценность: Настоящее исследование обладает определенной научной ценностью. Мошенничество в научной сфере как новое направление криминологического знания находится в стадии формирования. Детерминанты научного мошенничества еще не стали объектом активного научного поиска. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий по предупреждению этой разновидности преступности.

Ключевые слова: причины и условия преступности, научное мошенничество, плагиат, фальсификация данных.

Zheludkov M.A., Urda V.N.
DETERMINANTS OF SCIENTIFIC FRAUD

Purpose: The aim of the study is to identify the causes and conditions that contribute to the Commission of fraud in the scientific field.

Methodology: System, sociological and formal-logical methods were used.

Results: The study of the causal complex of scientific fraud identified the most common determinants of this type of crime. These include the selfish needs of the individual to prove their scientific worth; envy of more successful colleagues; greed, acting as a motive and purpose of forgery or deception in the performance of scientific research; false interests of service or activity; negative value orientation, formed at the level of educational institution (at school, Institute or University, where for the first time an individual is faced with the need for scientific work); criminogenic situation in which the distorted moral position of the individual exaggerates the value of the benefits of deception in science, reducing the internal ability of the person to overcome the difficulties.

Novelty/originality/value: The present study has a certain scientific value. Fraud in the scientific field as a new direction of criminological knowledge is in the process of formation. The determinants have not yet become the object of active scientific research. The results of the study can be used in the development of measures to prevent this type of crime.

Keywords: causes and conditions of crime, scientific fraud, plagiarism, falsification of data.

Когда в научный оборот вводится новое положение или понятие, то возникает необходимость его обоснования с помощью различных толкований, которые будут подвергаться критике со стороны ученого сообщества, но таким образом оно завоевывает свое право на самостоятельность направления исследования. В стадии становления сегодня находится криминологическое познание научного мошенничества. Причем теория научного мошенничества – это реальное самостоятельное направление в криминологии и уголовном праве, которое представляет собой новую проблему, новую криминологическую идею, новое самостоя-

тельное направление науки и практический вклад в профилактику видовой преступности.

Под научным мошенничеством понимается обман в форме плагиата либо фальсификации данных при выполнении научных исследований, совершаемый из корыстной или иной личной заинтересованности [1].

Анализ причин и условий научного мошенничества следует осуществлять с учетом данной видовой направленности преступного поведения личности.

Например, при подделке данных научного исследования ученый стремится удовлетворить

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 29.7357.2017/БЧ на выполнение проекта по теме «Мошенничество в области научных исследований при выполнении государственного задания».

собственные, только им испытываемые особые социальные потребности. Они связаны с его положением в определенном обществе, взаимодействием в научной микросреде, где существует постоянное внимание к определенным достижениям личности со стороны научного сообщества. Потребности ученого во взаимоотношении с окружающим миром служат основой для выбора им мотивов и целей поведения. Одновременно им управляют несколько потребностей, в том числе и материального характера. Ведь полученные данные по результатам исследования ученые не только публикуют в научных изданиях, но и используют при получении научных грантов, при составлении отчетов при выполнении государственных заданий. Удовлетворение социальной и материальной нужды перерастает в сознательные побуждения, инициируя и активизируя человеческую активность в достижении поставленной цели, в том числе с помощью обмана или злоупотребления доверием.

Изучение потребностей лиц, которые совершали научные мошеннические действия, показывает их разнообразное переплетение с общественными условиями существования. Нельзя заниматься наукой в обществе и быть свободным от потребностей этого общества. В этом отношении обратим внимание на фальсификацию научных данных, где эгоистическое стремление лица доказать свою научную значимость вступает в совокупную связь с требованиями и оценками государства и общества, достижениями определенного уровня научных критериев ученого. К подобным требованиям относят постоянную публикационную активность ученых в рецензируемых журналах, наличие выигранных грантов, многократное цитирование их публикаций с отражением этих сведений в соответствующих базах и др.

При научном мошенничестве лицо стремится удовлетворить не только свои эгоистические потребности, но и, как это ни странно звучит, интересы общества в определенном научном результате. Возникает своеобразный конфликт психологического механизма преступного поведения и запросов общества и государства.

По данным, полученным из открытых источников и средств массовой информации, к числу базовых мотивов научного мошенничества относятся: зависть, корысть, достижение ярко выраженного успеха в обществе, упрямство. В действиях научных мошенников могут присутствовать и другие более скрытые мотивы поведения. Но в любом случае научного обмана можно выделить один из вышеуказанных мотивов.

Зависть как мотив преступления приобретает одно из доминирующих значений в научной среде. Причем это чувство не всегда имеет заметное проявление. Оно может быть скрыто другими внешними мотивами. О наличии зависти при совершении научного мошенничества может свидетельствовать использование лицом результатов, полученных другими исследователями, без указания авторства, так называемый плагиат. Об этом мотиве можно судить также по последствиям преступного поведения. «Завистливый человек, пытаясь компенсировать свою ущербность, руководствуясь при этом все же чувством зависти, понимает, что это может кончиться плохо, как для посторонних, так и для него самого. Но он надеется на положительный исход» [2]. Представим себе двух ученых. Один регулярно получает гранты, второму постоянно в этом отказывают. Причины отказа здесь не имеют значения. Но ученый, не получивший гранта, часто испытывает чувство зависти к первому лицу. Исключение составляют случаи, когда достижения второго лица имеют большее признание в научном сообществе. Состояние зависти может возникнуть у других ученых, имеющих соответствующее признание и не получивших грант. Отсюда мотивация их поведения в различных ситуациях, где отношения в научной среде пересекаются с денежными отношениями. Ученый, выполняющий государственные задания и проекты, считает, что их получение зависит только от его высоких познаний в данной области, и поэтому логично и правильно, что именно он их должен реализовать. Свое значение в формировании чувства зависти имеет и то обстоятельство, что получение грантов и научных заданий не предполагает открытого научного или иного обсуждения. Это приводит к социальной конфликтности и латентной коррупционной криминальной ситуации. Завистливый человек испытывает собственную неполноценность и научным мошенничеством ее компенсирует. Отметим и то, что мотив зависти никогда не отражается в статистических карточках и в приговорах или иных судебных актах. Прямые ссылки на мотив зависти мы находим только в протоколах допроса обвиняемых. На практике зависть всегда подменяется мотивом корысти или иными личными побуждениями.

Корысть в научном мошенничестве выступает и как мотив, и как цель подлога или обмана. Конечная цель научного плагиата заключается в получении научного результата или признания, оформленного в виде документа или отчета за полученные денежные средства (ученая степень,

звание, отчет о выполнении гранта или государственного задания). Научный мошенник, с одной стороны, стремится получить признание научного сообщества (в этом проявляется его выгода), с другой – получая за свои «исследования» денежное вознаграждение, он проявляет жадность, страсть к деньгам, богатству. Нами не выявлены случаи совершения научного подлога при выполнении государственного задания с желанием лица отказаться от полученных денежных средств. В каждом научном мошенничестве лицо, которое его совершает, мысленно представляет получение впоследствии материальной выгоды от данного деяния, что свидетельствует о частичном или полном совпадении корыстных мотива и цели в этих деяниях. Сторонники рационально-структурных теорий «...утверждают, что все индивиды одинаково оппортунистичны и мало отличаются друг от друга в отношении испытываемых ими моральных ограничений, но сильно отличаются в отношении относительных затрат и выгод, ожидаемых от нарушения нормы. Если социализационная теория предполагает, что индивиды следуют норме, поскольку считают ее правильной и легитимной, то рационально-структурная теория считает, что норме с большей вероятностью следуют те, для кого затраты на исследование ниже, а риски нарушения – наоборот, выше. Применительно к плагиату из рационально-структурной теории следует, что к некорректным заимствованиям будут склонны те, кому (а) сложнее всего написать оригинальный текст (потому что выгода копирования чужой работы для них больше, чем для тех, для кого это не проблема) и (б) кто по каким-то причинам меньше других боится разоблачения» [3].

Большинство лиц, выполняющих научные гранты или государственные задания, имеют также ярко выраженные мотивы достижения успеха. Реализуя эту потребность, отдельные лица считают, что некоторые вопросы истины можно заменить ложными сведениями, и таким образом ложь становится мотивом совершения научного мошенничества. В уголовных делах его нередко записывают как мотив «ложно понятые интересы службы или деятельности». Ложь является антиподом достижения истины, где объективная действительность искажается не только в сознании конкретного ученого, но и в результатах научного исследования. Подобный мотив становится настолько доминирующим в жизни такой личности, что создает определенные черты ее характера. Мотив достижения успеха с помощью ложных утверждений, наравне с корыстным мотивом, сле-

дует считать социальным, доминирующим мотивом поведения научного мошенника.

В свою очередь, мотив научного мошенничества сложно увидеть, он не проявляет себя внешним образом. Никто из ученых не признается, что он банально хочет получить выгоду в виде денежных средств или имеет намерение получить признание в научной или иной социальной среде. Всегда необходимо искать вербальные проявления данных мотивов.

Психологические свойства индивида, которые лежат в основе выбора соответствующего решения и конкретного поступка, имеют прямую зависимость от потребностей, мотивации, ценностных ориентиров лица. Однако будет неверным только ими объяснять детерминацию преступного поведения в научном мошенничестве. Невозможно говорить о научном мошеннике без проведения анализа нравственных аспектов формирования лица, без оценки криминальной ситуации. Выбор конкретного решения всегда зависит от самооценки механизма удовлетворения потребностей и средств для решения научной задачи, а также получения от этого определенной выгоды, в том числе имущественного характера. В этой связи особое внимание следует уделить нравственному формированию лиц, которые совершают научное мошенничество. Нравственные свойства человеку не даются от рождения, а имеют в своей основе опыт предшествующей жизни индивида, социального общения, материальных и духовных качеств макро- и микросреды формирования лица, социального и государственного строя. Вся жизнь человека предполагает наличие определенных детерминантов, факторов, которые не просто влияют на индивидуальные стороны личности, но и пробуждают его нравственные пороки, отраженные впоследствии в научном мошенничестве. Причем на первоначальном этапе своего развития повседневная жизненная практика изучаемого нами индивида не имеет видимых отличий от процесса формирования законопослушного человека. Малые социальные группы, а именно: семья, учебные заведения, микросреда по месту работы, жительства, проведения досуга – создают только источники формирования нравственно-психологических особенностей развития личности. Негативная ценностная ориентация может иметь место в этих группах, а может быть навязана со стороны видимых противоречий в общественном, социальном развитии общества. Отмечаем прямую зависимость научного обмана и идеологических принципов государства. Причем начальная степень нравственной по-

зиции лица при научном мошенничестве закладывается на уровне учебного заведения. В школе, институте или университете впервые индивид сталкивается с необходимостью проведения научной работы. Написание реферата, конкурсной работы, сочинения, контрольной и курсовой работы, дипломного проекта является процессом не только приобретения определенных знаний, но и первичным моментом приобретения социально-научных мотивов будущего поведения. Впервые плагиат проявляется именно в этих работах. Поэтому недостаточный аспект проверки данных работ, упущения при контроле научного руководителя, преподавателя и учителя в определенной степени способствуют зарождению мотивов обмана в механизме формирования антисоциальной позиции лица.

Среди других детерминантов ослабления позитивного воспитания личности на этапе учебы выделим:

1) корыстную мотивацию со стороны профессорско-преподавательского состава учебных заведений системы образования (написание и продажа учебных и научных работ учащимся, студентам);

2) слабую связь между воспитанием и обучением, отсутствие прямой зависимости между учебой и повышением социального уровня жизнедеятельности человека;

3) формализм и безответственность учащихся по отношению к своим научным и учебным работам;

4) недостаточный уровень открытости при размещении данных работ на сайтах школ и университетов;

5) недостаток времени и отсутствие оплаты индивидуального подхода у преподавателей при работе с одаренными студентами и отстающими обучающимися;

6) неправильную постановку педагогической работы на уровне государственного устройства (постоянная смена стандартов обучения, мониторинг вузов по показателям, публикация в журналах иностранных баз цитирования, отсутствие государственного контроля за максимальным уровнем учебной нагрузки учителей и преподавателей, отсутствие единого государственного документа, регламентирующего нормы учебной, учебно-методической и научной нагрузки для всех форм учебных заведений);

7) ошибки в применении административных и воспитательных методов обучения и т. д.

Большое значение в неблагоприятном воздействии на лицо, потенциально готовое к соверше-

нию научного мошенничества, имеет его ближайшее окружение по месту учебы или работы. Его влияние выражается в виде примеров безнаказанности при совершении плагиата или фальсификации данных, получения материальной выгоды при совершении подобных действий, повышения по научной или должностной сетке при видимом игнорировании со стороны вышестоящих руководителей нарушений. Подобные условия вступают во взаимодействие с антисоциальной позицией личности. Они могут частично пересекаться в конкретной ситуации, совпадать или усиливать другие виды воздействия, быть разделенными во времени. Причем наличие подобных обстоятельств может и не зависеть от конкретного индивида, но их влияние на личность нельзя относить к пассивным формам. Воздействие неблагоприятных факторов является частью формирования нравственного потенциала конкретной личности и может лежать в основе объяснения его детерминации конкретного преступного поведения при научном мошенничестве.

Однако даже при высокой степени сформированности антисоциальной позиции личности конкретное негативное поведенческое решение при выполнении научных работ принимается лицом не всегда. Значение здесь имеет конкретная внешне ориентированная ситуация сложившихся объективных обстоятельств. В криминологии подобные обстоятельства принято считать конкретной ситуацией совершения преступного деяния. Если провести анализ преступлений в сфере научного мошенничества, то можно отразить определенные пространственно-временные рамки, где совокупность внешних объективных обстоятельств не просто воздействовала на нравственное сознание конкретной личности, но и создавала видимые предпосылки для выбора ею определенного поведенческого решения. Например, выполнение государственного задания по видам научной продукции концентрируется на малой территории. В свою очередь, фабрикация данных научного исследования и их последующее опубликование существенно затрагивает права и интересы других людей, влияет на общественные отношения в научной сфере. Имеет значение также жизненная ситуация, в которой оказывается конкретный индивид. Решение избрать преступный выбор поведения зависит от возможностей для удовлетворения данным лицом своих и ближайшего окружения базовых и доминирующих потребностей.

Криминогенная ситуация всегда объективна по своему содержанию. Однако личность воспри-

нимает ее с учетом субъективного уровня своей морально-нравственной позиции. Искаженная нравственная позиция индивида преувеличивает значение получения выгоды от обмана в науке, снижает внутренние способности лица по преодолению возникающих трудностей или отказу от преступного способа при решении возникших проблем. Криминогенная ситуация сама по себе либо через свои элементы может воздействовать на лицо, потенциально готовое к совершению научного мошенничества. К таким условиям относятся недостатки в контроле не только выполнения научного задания, но и его последующего внедрения в хозяйственно-производственную сферу. Использование государственных средств на научные цели всегда связано с отчетом об их реализации. Однако подобный отчет охватывает временной промежуток выполнения этого задания. Никто не проверяет, каким образом в дальнейшем используются полученные результаты и какова их потенциальная отдача в экономике или социальной сфере государства. Многие представленные отчеты о выполнении научных работ имеют признаки фальсификации.

Например, в 2013 году Следственной частью следственного управления совместно с управлением экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Оренбургской области расследовалось уголовное дело по факту хищения бюджетных денежных средств из Министерства образования Оренбургской области на сумму около 200 тысяч рублей. Житель Оренбурга, являясь специалистом в области сельскохозяйственного животноводства, но не имея соответствующих знаний, предоставил в Российский гуманитарный научный фонд и Министерство образования Оренбургской области заявки на участие в конкурсе по отбору перспективных научных разработок и исследований «Урал: история, экономика, культура».

Участие в конкурсе министерством было одобрено, исследования были рекомендованы к финансированию из бюджета Оренбургской области. С гражданином был заключен договор о выполнении научно-исследовательских работ. Предприимчивый гражданин, не осуществляя научно-исследовательскую деятельность, предоставил в министерство образования научные работы, которые явились копиями незаконно полученных им исследовательских работ других ученых Оренбургской области. При этом он подготовил в министерство фиктивные отчеты о проведении исследований, получил из бюджета области де-

нежные средства, которыми распорядился по своему усмотрению [4].

Во многих научных грантах присутствуют недостатки при составлении проектных заданий. Например, в них могут быть не указаны конкретные материалы, которые должны быть использованы при изготовлении предполагаемого изделия. В результате этой бесхозяйственности недобросовестные ученые используют уже готовые конструктивные изделия, произведенные в другом государстве, тем самым не достигают цели, которая была поставлена в научном задании.

Подобные обстоятельства следует считать именно условиями конкретных научных мошенничеств, так как сами по себе они не влекут прямое наступление преступного результата, однако в совокупности всех элементов криминогенной ситуации занимают свое полноценное место и могут существенно повлиять на готовность лица к принятию решения о совершении научного мошенничества.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что наиболее распространенными детерминантами научного мошенничества являются эгоистические потребности индивида доказать свою научную состоятельность; зависть к более успешным коллегам; корысть, выступающая как мотив и цель подлога или обмана при выполнении научного исследования; ложно понятые интересы службы или деятельности; негативная ценностная ориентация, формируемая на уровне учебного заведения (в школе, институте или университете, где впервые индивид сталкивается с необходимостью проведения научной работы); криминогенная ситуация, в которой искаженная нравственная позиция индивида преувеличивает значение выгоды от обмана в науке, снижая внутренние способности лица по преодолению возникающих трудностей.

Выявленный причинный фактор совершения мошенничества в научной сфере является предпосылкой для разработки мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение этой разновидности преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Шевелева С.В., Мусьял И.А. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в научной сфере // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 115–124.
2. Аванесов Г.А. Мотивационная криминология и базовые мотивы преступного поведения: учеб. пособ. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2013.

3. Makeeva A., Civinskaya A., Sokolov M., Sokolova N., Guba K. Некорректные заимствования в российских докторских диссертациях: сколько, где и у кого? СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2019. (Серия препринтов ННС-С (5)).

4. В Оренбурге выявлено мошенничество в сфере науки [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/813594>.

References (transliterated)

1. Sheveleva S.V., Mus'yal I.A. Ugolovno-pravovaya charakteristika moshennichestva v nauchnoj sfere // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 5 (116). S. 115–124.

2. Avanesov G.A. Motivacionnaya kriminologiya i bazovy'e motivy` prestupnogo povedeniya: ucheb. posob. M.: Izdatel'skij dom Shumilovoj I.I., 2013.

3. Makeeva A., Civinskaya A., Sokolov M., Sokolova N., Guba K. Nekorrektny`e zaimstvovaniya v rossijskix doktorskix dissertacijax: skol'ko, gde i u kogo? SPb.: CIA-NO EUSPb, 2019. (Seriya preprintov NNS-S (5)).

4. V Orenburge vy`yavleno moshennichestvo v sfere nauki [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://мвд.рф/news/item/813594>.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА**

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru e-mail: info@eurasniipp.ru Тел: +7-917-40-61-340

Жидкова Т.К.

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТНИКОВ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Цель: Исследование криминологических характеристик личности участника незаконного вооруженного формирования для дальнейшей разработки методики противодействия созданию и деятельности данных преступных формирований.

Методология: Автором использованы сравнительно-правовой, формально-юридический методы и метод наблюдения.

Результаты: Автором обобщены ранее сформулированные в научной литературе выводы, характеризующие деятельность незаконных вооруженных формирований. Проведен анализ посредством наблюдения изменений, которым подвергаются незаконные вооруженные формирования под влиянием внешней среды, а соответственно, и криминологических характеристик участника незаконного вооруженного формирования.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья представляет достаточную научную новизну, так как автор одним из первых выделяет криминологические особенности личностей незаконных вооруженных формирований на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: незаконные вооруженные формирования, терроризм.

Zhidkova T.K.

ABOUT SOME CRIMINOLOGICAL FEATURES OF PARTICIPANTS OF ILLEGAL ARMED FORMATION AT THE PRESENT STAGE

Purpose: Research of criminological characteristics of the person of the participant of illegal armed formation for further development of a technique of counteraction to creation and activity of these criminal formations.

Methodology: The author used comparative legal, formal legal methods and the method of observation.

Results: The Author summarizes previously formulated in the scientific literature conclusions characterizing the activities of illegal armed groups. And the analysis on means of supervision of changes to which illegal armed groups under the influence of change of the external environment, and respectively and criminological characteristics of the participant of illegal armed group are exposed is carried out.

Novelty/originality/value: The article is a sufficient scientific novelty, as the author is one of the first criminological features of illegal armed groups at the present stage of development of Russian society.

Keywords: illegal paramilitary groups, terrorism, crimes.

В настоящее время вследствие геополитических процессов, происходящих в мире, а также возникновения и дальнейшей эскалации вооруженного конфликта в Сирии и принятия решения Президента РФ об участии российских войск в этом конфликте, актуализируются как никогда ранее правовые и криминологические вопросы, связанные с незаконными вооруженными формированиями.

Немаловажное значение, на наш взгляд, приобретает необходимость всестороннего исследования криминологических характеристик личности преступника – участника данного преступного формирования. В криминологической науке достаточно скрупулезно и всесторонне изучаются личностные характеристики преступника в целом и отдельные его особенности в зависимости от характера и сложности совершаемого им противоправного действия.

И это не случайно, ведь именно личность преступника является центральным субъектом любого преступления независимо от степени тяжести. Не является в данном случае исключением и

личность участника незаконного вооруженного формирования. При этом анализ криминологической литературы по данному вопросу показал, что ранее проводимые научные изыскания в определенной мере потеряли свою актуальность, так как преступность – достаточно изменчивое явление негативного свойства. Кроме этого, личность участника незаконного вооруженного формирования в криминологической литературе и научных работах рассматривается многими авторами конспектно и фрагментарно.

Если рассматривать данное криминальное объединение лиц через призму института соучастия, то прежде всего следует отметить пробел в исследованиях криминологической направленности в отношении как личности участника незаконного вооруженного формирования (рядового исполнителя), так и криминологических характеристик личности организатора и иных участников (подстрекателя и пособника). Этот аспект в свою очередь актуализирует необходимость проведения научных исследований по данному вопросу, которые впоследствии могут быть положены в со-

ответствующие программы предупреждения создания незаконных вооруженных формирований и участия в них.

В криминологии при характеристике и изучении личности преступника принято исследовать и выделять различные аспекты. Обобщая их, специалисты, как правило, выделяют две большие группы: социально-психологические и правовые. При этом к правовым принято относить те характеристики, которые можно преломить через призму уголовного закона. К ним относят характер, степень тяжести совершенных преступлений, совершение преступлений впервые или повторно, в группе, длительность преступной деятельности, объект преступного посягательства, форму вины и др. Вторую группу составляют пол, возраст, уровень образования, материальной обеспеченности, социальное положение, наличие семьи, социальное происхождение, занятость в общественно полезном труде, род занятий, наличие специальности, место жительства, уровень развития личности, состояние психики, характер межличностных связей, индивидуальные навыки, умения и способности [1, с. 152].

Прежде всего, на наш взгляд, следует исследовать с криминологических позиций вторую группу аспектов, характеризующих личность участника незаконного вооруженного формирования, так как именно обобщение и анализ этих данных впоследствии может стать действенным механизмом для выработки не только программ противодействия и предупреждения создания незаконных вооруженных формирований, но и программ по адаптации лиц, вовлеченных в ряды незаконных вооруженных формирований нередко не по своей воле. За последние годы, по свидетельству правоприменителей, очень часто, подвергаясь психологическому воздействию, в ряды ИГИЛ попадают несовершеннолетние подростки, а также молодые люди до 25–30 лет, в том числе активно вербовщиками используется интернет (социальные сети и блогосфера) [2, с. 17].

По свидетельству ряда СМИ, в рядах боевиков в странах Ближнего Востока сегодня воюет около 5 тысяч человек из России [3]. При этом большинство из них – выходцы из субъектов, сосредоточенных на Северном Кавказе и сопредельных пограничных территориях. Так, из Дагестана – свыше 1000 человек, Чечни – около 500–600, КБР – свыше 200, КЧР – свыше 200, со Ставрополя – около 100 человек [3]. При этом статистика в данном случае очень приближительна ввиду того обстоятельства, что выявить таких лиц достаточно сложно [4]. То есть здесь следует отметить

дополнительные факторы, влияющие на латентность данной противоправной деятельности. Это высокая доля конспирации таких участников, особенно на первоначальных этапах своей противоправной деятельности. Как отмечают правоохранители, человек долгое время может жить в обществе и здороваться каждый день с соседями, помогать перейти через дорогу старушке или поехать к отцу в село косить траву. И при этом уже иметь в кармане билет в Турцию, чтобы оттуда перебраться в Сирию или Ирак на «подмогу братьям-мусульманам» [4].

Кроме высокой латентности (прежде всего скрываемого фактора поддержки радикальных экстремистских идей ИГИЛ) следует также отметить определенные сложности в выявлении количественного состава участников и их иерархической структуры. Прежде всего, на наш взгляд, это вызвано тем, что достаточно сложно отследить количество простых рядовых боевиков, так как зачастую лидеры используют их только как «функционал» выполнения подрывной деятельности, нередко влекущей за собой и гибель исполнителя.

Руководящее звено в таких незаконных вооруженных организациях тоже сложно привлечь к ответственности, так как масштабы их преступных замыслов и деятельности уже давно переросли государственные и приобрели трансгранично-международный уровень, как показывают реалии сегодняшнего дня, требующий вмешательства не просто международных правоохранительных органов, а армий отдельных государств.

Поэтому, на наш взгляд, должны быть не только разработаны уголовно-правовые международно-трансграничные нормы противодействия преступным проявлениям незаконных вооруженных формирований, но и выработана адекватная политико-правовая система адаптации лиц, добровольно покинувших ряды незаконно-вооруженных формирований и вернувшихся к мирной жизни в своем государстве.

А этого можно достичь, прежде всего, посредством выработки и принятия международных социально-экономических программ с адаптацией их через призму национального законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2018.
2. Касьяненко М.А. Правовые проблемы при использовании Интернет в транснациональном терроризме // Информационное право. 2012. № 1. С. 17.
3. Сколько террористов и из каких стран воюет в рядах ДАИШ: отчет The Soufan Group [Электронный

ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakih-stran-voyuet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group>.

4. Ушедшие в ИГИЛ: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26560/3576993/>.

References (transliterated)

1. Kriminologiya / pod red. V.N. Kudryavceva i V.E. E`minova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist`, 2018.

2. Kas`yanenko M.A. Pravovy`e problemy` pri ispol`zovanii Internet v transnacional`nom terrorizme // Informacionnoe pravo. 2012. № 1. S. 17.

3. Skol`ko terroristov i iz kakix stran voyuet v ryadah DAISh: otchet The Soufan Group [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakih-stran-voyuet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group>.

4. Ushedshie v IGIL: mify` i real`nost` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26560/3576993/>.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

**12 января
2020 года
в Дубае, ОАЭ**

II Международный юридический саммит «Инвестиции и право в Азии и России»

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ, ПАРТНЕРЫ И ДРУЗЬЯ РУССКО-АЗИАТСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ!

Место проведения: «Armani Hotel» Бурдж Калиф, Дубай, ОАЭ.

Основными темами саммита являются:

1) LegalTech и изменение профессии адвоката – как скоро роботы заменят юристов?

2) обсуждение ведения юридического бизнеса в России и Азии, проблем экспорта и сертификации российской продукции в Азии и на Ближнем Востоке, лоббирование экспорта российской продукции и услуг, антидемпинговые и таможенные барьеры при ввозе продукции азиатских производителей в Российскую Федерацию – успешные кейсы русского бизнеса в Азии и странах Залива;

3) обсуждение использования арбитражных судов ОАЭ и стран Залива в интересах российских экспортеров, инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в России, Азии и на Ближнем Востоке (газовая промышленность, дорожное строительство, судостроение, электроэнергетика, нефтепереработка, строительство) – нужно ли судиться в Азии и Странах Залива – успешные судебные кейсы.

В работе саммита примут участие признанные эксперты в области права и инвестиций, руководители юридических департаментов крупнейших государственных и частных компаний, старшие партнеры юридических фирм и представительств России, ОАЭ и Саудовской Аравии, послы стран Азии и Ближнего Востока, юристы Пакистана, Китая, Испании, Италии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Швейцарии и Малайзии, старшие юристы и адвокаты Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Российской Федерации и депутаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Партнерами форума являются:

Государственная Дума ФС Российской Федерации

GrandPol Group (Ирландия)

Палата адвокатов Саудовской Аравии

Общество адвокатов ОАЭ

Индийская Национальная Ассоциация Адвокатов

Глобальная Ассоциация юристов, говорящих на китайском языке (Китай)

Всеитайская Ассоциация Юристов (Китай)

Юридическая фирма Grandall (Китай)

Юридическая фирма Русский Дом Международные Юристы (Россия)

Палата адвокатов Азербайджана

Пожалуйста, подтвердите свое участие: +7 (495) 211-41-88, summit2020@rala.legal

Регистрация: <https://russko-aziatskaya-assotsi.timepad.ru/event/708469/>

Петухов С.В.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Цель: Выявление места и роли Конституции Российской Федерации в российской правовой системе, а также исследование коренных изменений в компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

Методология: Использовались сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты: В статье выделены ключевые судебные акты, прямым образом повлиявшие на разрешение вопроса о соотношении Конституции Российской Федерации и международных договоров. Кроме того, обоснована необходимость именно такого подхода при выстраивании иерархии нормативных правовых актов.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку позволяет сформировать представление о роли Конституции Российской Федерации в российской правовой действительности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, юридическая сила, правовая природа, иерархия, правовое регулирование.

Petukhov S.V.

ON THE CORRELATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND INTERNATIONAL TREATIES

Purpose: To identify the place and role of the Constitution of the Russian Federation in the Russian legal system, as well as the study of fundamental changes in the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Methodology: Comparative legal and formal legal methods were used.

Results: The article highlights key judicial acts that directly affected the resolution of the issue of the correlation of the Constitution of the Russian Federation and international treaties. In addition, the necessity of just such an approach is substantiated in the hierarchy of regulatory legal acts.

Novelty/originality/value: The article has a high scientific value, since it allows you to form an idea of the role of the Constitution of the Russian Federation in Russian legal reality.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, legal force, legal nature, hierarchy, legal regulation.

На сегодняшний день одним из актуальных вопросов в системе правового регулирования Российской Федерации является соотношение юридической силы норм Конституции Российской Федерации и международных договоров. Во многом ответ на этот вопрос предопределяет все строение правового регулирования в Российской Федерации, а также влияет на решение целого ряда правовых задач, в том числе обязательств Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Исходя из самой природы происхождения данного акта, можно говорить об уникальности рассматриваемого документа. Соответственно, уникальность проявляется в таких чертах, как:

- субъект, принимающий данный документ;
- объем и характер регулируемых таких актов общественных отношений;
- место документа в системе нормативных правовых актов;
- уникальная юридическая сила.

Юридическая сила любого акта является совокупностью некоторых свойств, определяющих место и роль данного акта в правовой системе.

Согласимся с С.М. Шахраем, Е.И. Козловой и О.Е. Кутафиним, которые отмечали, что конституция как нормативный правовой акт занимает особое и самостоятельное место в системе правовых норм современного демократического государства [7, с. 78]. В свою очередь, вышеприведенные авторы и многие другие исследователи [3, с. 41] раскрывают Конституцию Российской Федерации как «основной закон».

Вместе с тем ключевым является понимание сущности понятия «основной закон». Является ли он законом в прямом смысле этого слова, в том числе в понимании части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации? В частности, данная норма закрепляет: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Соответственно, в том случае, если мы соотносим Конституцию Российской Федерации как особый закон, то верховенство в системе норм российского пра-

ва играют именно международные договоры, а не Конституция Российской Федерации.

Для определения юридической силы Конституции Российской Федерации важно проанализировать полномочия Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, Федеральным конституционным законом от 14.12.2015 № 7-ФКЗ было предусмотрено дополнение полномочий рассматриваемого суда. Так, Конституционный Суд Российской Федерации по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Первым делом, рассмотренным Конституционным Судом Российской Федерации в рамках предусмотренного полномочия, стало дело «Анчугов и Гладков против России». В результате Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2016 года № 12-П указал на невозможность исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 ввиду того, что норма, закрепленная в Конституции Российской Федерации, обладает верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе. Кроме того, приведенный орган указал на факт верховенства императивного конституционного запрета над системой норм международного права. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации отметил особую значимость Конституции Российской Федерации, высказав позицию об особенностях юридической силы правовых норм, закрепленных в данном акте, в системе правового регулирования Российской Федерации в целом.

На наш взгляд, подобные выводы прямым образом влияют на понимание правовой природы Конституции Российской Федерации. В этой связи следует отметить, что сфера и, следовательно, система правового регулирования непосредственно Конституции Российской Федерации несоизмеримо выше предмета регулирования любого другого нормативного правового акта. Кроме того, Конституция Российской Федерации имеет универсальный, всеобъемлющий характер, что проявляется в закреплении отсылочных (на федеральное законодательство) норм непосредственно в самой Конституции Российской Федерации

(например, часть 3 статьи 55). На наш взгляд, логичным и последовательным выглядит мнение А.Е. Гузия, что «под конституцией (в общетеоретическом смысле) следует понимать нормативный правовой акт высшей юридической силы, принимаемый, изменяемый и охраняемый в особом порядке, регулирующий наиболее значимые вопросы организации взаимодействия государства и общества в целом» [1, с. 24].

Такая характеристика, как «принимаемый, изменяемый и охраняемый в особом порядке», подтверждает особую юридическую силу Конституции Российской Федерации, что предопределяет лишь возможность внесения поправок исключительно в главы 3–8. Более того, из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Определении от 17 июля 2014 года № 1567-О, следует, что федеральные конституционные законы, предусматривающие поправки в Конституцию Российской Федерации, сами по себе могут быть проверены Конституционным Судом Российской Федерации на соответствие Конституции Российской Федерации в той части, которая не является положениями, включаемыми в текст Конституции Российской Федерации.

В свою очередь, М.В. Пресняков, указывая на первичность во всей системе правового регулирования прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от способа их закрепления, отмечал, что «в совокупности с положениями ч. 4 ст. 15 Основного закона эти конституционные нормы создают своего рода «интертекстуальную ловушку»: акт высшей юридической силы ссылается на иные источники права, что «де факто» ставит под сомнение его собственный статус» [6, с. 105]. Таким образом, можно свидетельствовать факт необычайной сложности трактовки положений Конституции Российской Федерации, с точки зрения юридической силы рассматриваемого документа.

Особая юридическая сила Конституции Российской Федерации прямо вытекает из того, что все принимаемые в стране правовые акты, несмотря на многочисленные различия между ними, имеют по крайней мере одну общую черту: их юридическая сила меньше, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации [5, с. 10]. Также особая юридическая сила Конституции Российской Федерации является одним из двух элементов верховенства Конституции Российской Федерации [4, с. 41].

На наш взгляд, понимание Конституции Российской Федерации как акта особой юридической силы не только способствует восприятию данного документа с правильной стороны, но и

позволяет выстроить определенную иерархию нормативных правовых актов в правовой системе Российской Федерации. Помимо этого, от степени реализации конституционных положений зависят права и свободы человека и гражданина. Как мы видим, для определения юридической силы Конституции Российской Федерации основополагающими являются позиции, выраженные в постановлениях и определениях Конституционного Суда Российской Федерации, так как они не только способствуют пониманию конституционных норм, но и позволяют сформировать конституционное поле всей системы правового регулирования. Верховенство Конституции Российской Федерации над международными договорами позволяет выстроить систему правового регулирования, обеспечивающего планомерное воплощение в жизнь положений и норм Конституции Российской Федерации

Пристатейный библиографический список

1. Гузий А.Е. Конституция – основной закон? // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 1. С. 19–25.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
3. Конституционное право России: учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / Б.С. Эбзеев, А.С. Прудников, Е.Н. Хазов и др.; под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
4. Михайлова А.А., Виссаров А.В. К вопросу о верховенстве Конституции Российской Федерации // Мариjsкий юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 40–42.

5. Петров А.А. К дискуссии о месте решений Конституционного Суда Российской Федерации в национальной системе правовых актов (иерархический аспект) // Академический юридический журнал. 2015. № 3 (61). С. 9–18.

6. Пресняков М.В. Наравне с Конституцией: источники права, обладающие высшей юридической силой в Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 96–108.

7. Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации / Акад. учеб.-науч. центр Рос. акад. наук и др. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

References (transliterated)

1. Guzij A.E. Konstituciya – osnovnoj zakon? // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2017. № 1. S. 19–25.

2. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitucionnoe pravo Rossii: ucheb. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015.

3. Konstitucionnoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov po special'nosti «Yurisprudenciya» / B.S. E`bzeev, A.S. Prudnikov, E.N. Hazov i dr.; pod red. B.S. E`bzeeva, A.S. Prudnikova. 6-e izd., pererab. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2013.

4. Mixajlova A.A., Vissarov A.V. K voprosu o verhovenstve Konstitucii Rossijskoj Federacii // Marijskij yuridicheskij vestnik. 2016. № 1 (16). S. 40–42.

5. Petrov A.A. K diskussii o meste reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v nacional'noj sisteme pravovy`x aktov (ierarxicheskij aspekt) // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 3 (61). S. 9–18.

6. Presnyakov M.V. Naravne s Konstituciej: istochniki prava, obladayushhie vy`sšej yuridicheskoy siloj v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 8 (236). S. 96–108.

7. Shaxraj S.M., Klishas A.A. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii / Akad. ucheb.-nauch. centr Ros. akad. nauk i dr. M.: OLMA Media Grupp, 2010.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА «РУССКИЙ ДОМ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЮРИСТЫ»

«Русский дом» является юридической фирмой и имеет богатый опыт оказания юридических услуг в России и Азии. В офисах «Русского дома», расположенных в основных финансовых центрах РФ, Европы и Азии, работает свыше 100 юристов. Офис фирмы «Русский дом» был открыт в Москве в 2005 г. Здесь работает 15 юристов, в том числе 4 партнера, двое из которых являются гражданами Российской Федерации. Помимо российских специалистов в московском офисе работают юристы из Италии, Люксембурга, Швейцарии, Китайской народной республики, Японии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, ОАЭ.

Специалисты московского офиса имеют уникальный опыт работы во всех сферах финансового, корпоративного, административного, налогового и международного частного права России, Италии, Люксембурга, КНР, Южной Кореи, Японии. Уже более 10 лет в фирме существует специальный отдел, который занимается судебными и арбитражными разбирательствами.

Основными достоинствами «Русского дома» являются наличие богатого опыта заключения коммерческих сделок в Российской Федерации и глубокое понимание российской правовой системы, которые дополняются обширным международным опытом фирмы. «Русский дом» является одной из немногих юридических фирм, предоставляющих весь комплекс юридических услуг своим клиентам.

«Русский дом» имеет богатый опыт консультирования по любым вопросам всех отраслей права.

Юридическая фирма «РУССКИЙ ДОМ Международные Юристы»

Тел. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50

mt@rhlawi.com , www.rhlawi.ru , www.rhlawi.com

Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю., Чеметева Ю.В.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ОФИЦИАЛЬНЫЙ – ДОГОВОРНОЙ – РАЗГОВОРНЫЙ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ)¹

Цель: Выявление особенностей и тенденций развития юридического языка, специфики его функционирования в сфере гражданско-правовых отношений.

Методология: Использовались формально-юридический, конкретно-социологический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: В статье представлен обзор научных докладов Международной научно-практической интернет-конференции «Язык современного гражданского права: официальный – договорной – разговорный», в которых рассматривались лингвистические особенности гражданско-правовых договоров, тенденции развития юридического языка и юридической техники. Основная часть работ была посвящена юридическому языку в целом и его конкретным аспектам в рамках гражданского права. Во многих работах, представленных на конференции, нашла отражение тема обусловленности развития и функционирования правовой системы взаимодействием с цифровыми технологиями, которые являются важным фактором динамики современной правовой реальности. Во всех исследованиях прослеживается общая мысль о том, что субъекты юридической деятельности должны быть не только хорошими специалистами, профессионалами, но и грамотными людьми, умеющими пользоваться как юридической терминологией, так и общеупотребительной лексикой современного русского языка. Анализируя идеи, высказанные участниками конференции, авторы статьи выявляют вопросы, представляющие наибольший интерес для современных лингво-юридических исследований.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья поднимает целый ряд актуальных проблем, которые необходимо решать совместными усилиями специалистов в области юриспруденции и наук о языке: появление новых терминов и существующие, в том числе разговорные традиции словоупотребления; сложности, связанные с использованием интернета как площадки для заключения договоров; встречные тенденции к упрощению и усложнению языка юридических текстов; пути формирования языковой культуры юристов.

Ключевые слова: юридический язык, гражданское право, договор, юридический термин, юридический дискурс, информационные технологии.

Davydova M.L., Filimonova N.Yu., Chemeteva Yu.V.

LANGUAGE OF MODERN CIVIL LAW: OFFICIAL – CONTRACTUAL – COLLOQUIAL (REFLECTIONS ON THE PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL INTERNET CONFERENCE)²

Purpose: Identifying features and trends of the development of the legal language, specifics of its functioning in the sphere of civil-law relations.

Methodology: The authors use formal legal, specific sociological and comparative legal methods.

Results: The article presents a review of scientific reports of the International scientific and practical Internet conference «Language of Modern Civil Law: Official – Contractual – Colloquial», which considered the issues of linguistic features of civil contracts, trends in the development of the legal language and legal technique. Most of the reports were devoted to the legal language in general and its specific aspects within the framework of civil law. Many of the papers presented at the conference reflect the issue of conditionality of legal system development and functioning by means of interacting with digital technologies, which is an important factor in the dynamics of the modern legal reality. All studies state the general idea that subjects of legal activities should be not only professionals, but also literate people who are able to use both legal terminology and the common vocabulary of the modern Russian language. Analyzing the ideas expressed by the participants of the conference, the authors of the article identify the issues of the greatest interest for modern linguistic and legal studies.

Novelty/originality/value: The article raises a number of urgent issues that require solving by joint efforts of specialists in the field of jurisprudence and language sciences: the emergence of new terms and existing of word usage traditions, including colloquial ones; difficulties associated with using the Internet as a platform for concluding contracts; counter trends of simplifying and complicating the language of legal texts; ways of forming the language culture of lawyers.

Keywords: legal language, civil law, contract, legal term, legal discourse, information technologies.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00251 «The tendencies of juridical technique's language means development in civil contract».

15 мая – 15 июня 2019 года в Волгоградском государственном университете прошла Международная научно-практическая интернет-конференция «Язык современного гражданского права: официальный – договорной – разговорный», ставшая площадкой для обсуждения вопросов, касающихся тенденций развития юридического языка в целом и его конкретных аспектов применительно к гражданскому праву. Конференция проводилась в рамках научного проекта РФФИ «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора», но затронула гораздо более широкий спектр лингво-юридических проблем. Демократичный формат конференции (обсуждение докладов на сайте Волгоградского государственного университета) позволил объединить усилия авторитетных ученых и начинающих исследователей, каждый из которых получил возможность в спокойном режиме представить свои идеи и обсудить с другими участниками актуальные аспекты темы.

В докладе организаторов конференции доктора юридических наук, профессора М.Л. Давыдовой и кандидата юридических наук, доцента, ведущего научного сотрудника Волгоградского государственного университета М.Ю. Козловой получили освещение некоторые тенденции развития юридического языка современного гражданско-правового договора. Анализу, в частности, подвергается тенденция к упрощению, проявляющаяся как на уровне содержания, так и на уровне формы договора. Под упрощением содержания авторы подразумевают отказ от воспроизведения лишних конструкций, дублирующих одни и те же положения в тексте договора. Тенденцию к упрощению языка договоров авторы связывают с тем, что «запрос на упрощение юридического языка объективно существует и является следствием общей тенденции демократизации права и юридической деятельности».

По мнению исследователей, в некоторых случаях действительно можно отказаться от многих шаблонных фраз и тяжеловесных формулировок (например, в преамбулах договоров). Однако иногда избавление от конструкций, кажущихся на первый взгляд канцеляризмами, может искажать смысл юридического текста, грозить потерей юридической точности формулировок. В статье приводятся примеры, демонстрирующие, что иногда неудачное, казалось бы, словоупотребление в качестве юридического термина выступает как оптимальный вариант, наиболее кратко и точно отражающий смысл понятия. В заключении авторы подчеркивают, что, несмотря на

общий положительный характер тенденций к упрощению во всех сферах деятельности, применительно к гражданско-правовым договорам они могут нести в себе риски, связанные с непониманием юридического смысла положений договора и возникающих юридических последствий, что может повлечь признание договора недействительным.

Тема тенденций современной информационной реальности и их влияния на юридический язык находит также отражение в работе авторского коллектива из Волгоградского государственного университета – докторов философских наук В.А. Храповой, Л.В. Щегловой, А.Л. Стризое и доктора филологических наук А.В. Млечко «Текст правового документа в информатизированном обществе», в которой представлены рассуждения о важной роли СМИ в формировании правовых норм, нацеленных на легитимизацию новых феноменов общественной жизни. Медиатизация юридического языка способствует его «оживлению», трансформации и развитию юридического дискурса, что обусловлено его взаимодействием с другими дискурсами. Согласно мнению авторов, создание легитимной нормативно-правовой базы подразумевает необходимость принимать во внимание стратегии дискурса масс-медиа, имеющего мощный потенциал в отношении формирования общественного мнения.

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета В.Ю. Туранин, рассуждая в работе «Юридический язык в политическом контексте» о взаимосвязи политики и юридического языка, высказывает мысль о том, что активное течение политических процессов стимулирует более активное изменение юридического языка и его терминологии. В.Ю. Туранин приходит к выводу, что юридический язык отражает сущность политического режима, при изменении которого он также подвергается трансформациям. Кроме того, юридический язык выступает в некоторых случаях инструментом манипулирования содержанием правовых норм. В работе представлены яркие примеры связанных с политическими процессами терминов, наталкивающие на размышления о прагматическом потенциале терминологии российского законодательства. В дискуссии относительно влияния внешнеполитических процессов на русскоязычный юридический дискурс автор высказывает мнение, что в настоящее время политическое влияние на язык права гораздо менее заметно, чем в

начале 90-х годов прошлого столетия, когда происходило построение нового государства.

Проблема взаимовлияния сферы права и других сфер общественной жизни в дискурсивном аспекте поднимается в работе аспиранта Волгоградского государственного университета Ю.В. Чеметева «Особенности терминологии в юридическом дискурсе». Автор рассматривает общую классификацию юридических терминов и классификацию так называемых специальных лексем, обладающих определенной стилистической маркированностью, что позволяет сделать вывод о том, что лексический состав юридического дискурса не ограничивается официально-деловой лексикой. Ю.В. Чеметева считает, что проникновение стилистически маркированных лексических единиц, в том числе терминов, в юридические тексты обусловлено взаимовлиянием юридического дискурса и других типов институционального дискурса. Она полагает также, что источниками стилистически маркированной лексики в юридических текстах могут выступать и элементы личностно-ориентированного дискурса, присущие таким жанрам, как допрос, протокол судебного заседания и другим, для которых характерно цитирование, косвенная речь.

Исследования различных аспектов юридической терминосистемы и ее конкретных элементов представляют особый интерес в рамках конференции. Многие участники сосредоточили свое внимание на отдельных терминах, вошедших в современный юридический язык под влиянием различных факторов, значимое место среди которых занимает развитие цифровых технологий.

Так, в работе магистранта Д.А. Саликова «Содержание терминов «криптовалюта» и «токен» в праве России, Германии и США» поднимается проблема использования данных понятий в законодательстве. При отсутствии на настоящий момент легального закрепления криптовалюты и токенов отечественный правовой порядок признает данные средства разновидностями цифровых финансовых активов. Вместе с тем автор обращает внимание, что в России криптовалюта не признается денежными средствами в традиционном понимании.

Работа магистранта С.В. Арькова «Появление новых терминов в конституционном праве России и Японии в условиях цифрового общества» посвящена рассмотрению предпосылок формирования и анализу новых терминов в законодательстве России и Японии на фоне развития информационных технологий. Автор говорит о необходимости унификации юридических тер-

минов, разработки утвержденного глоссария юридических терминов «цифрового права», включающего вариативное толкование новых единиц.

В работе магистранта И.В. Елисеевой уделяется внимание терминологическому аспекту понятия «муниципальная служба», а также методам внедрения электронных технологий в государственное и муниципальное управление. В статье анализируются новые термины, требующие закрепления в законодательстве в связи с принятием Паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В докладе магистранта А.А. Андреева приводится анализ новых терминов в налоговом законодательстве – «налог на самозанятых» и «налог на роскошь», рассматриваются особенности их введения в Российской Федерации по сравнению с зарубежными странами. Автор предлагает законодательное закрепление определения термина «самозанятые» с разделением на виды и градацией налоговой нагрузки.

Анализ юридических терминов в докладах участников не ограничивался пределами отрасли гражданского права, хотя в некоторых работах исследовалась и собственно цивилистическая терминология. Так, кандидат юридических наук, доцент Волгоградского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ С.В. Нарущкевич посвящает свой доклад эволюции термина «имущественный комплекс». Доктор юридических наук, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина В.В. Трофимов в работе «Интеллектуальные права как объект гражданского оборота: к научно-теоретическому опыту определения понятия» рассматривает комплексную проблему, касающуюся понятия интеллектуальных прав, их реализации и защиты, места в системе субъективных частных прав. Он подчеркивает роль юридической техники в надлежащей идентификации интеллектуальных прав как объекта гражданского оборота.

Интересна работа кандидата юридических наук, доцента Нижегородской академии МВД России О.Б. Купцовой «Латинская терминология и фразеология в современном языке права». Исследователь говорит об уместности и эффективности использования латинской юридической терминологии в правовых актах. О.Б. Купцова полагает, что латинские термины представляют собой особые смысловые знаковые константы, за-

крепляющие важнейшие правовые явления. Так, их использование в современном праве должно способствовать унификации юридической терминологии на различных уровнях и совершенствованию правовой системы. Рассуждения автора наводят на мысль о том, что вполне логично было бы отнести эту рекомендацию и к гражданско-правовым договорам. Однако препятствием к ее реализации, вполне вероятно, станет уровень юридического образования практикующих юристов. Включать в текст договора латинские выражения имеет смысл лишь тогда, когда значение их понятно не только составителю договора, но и другим участниками договорного отношения. В противном случае можно вести речь лишь о намеренном усложнении его текста.

Проблемы обучения студентов-юристов затрагивают в своей статье исследователи из Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина доктор педагогических наук, профессор В.В. Завьялов и специалист отдела организации научно-исследовательской работы студентов П.В. Сысоев. Говоря о формировании профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, они отмечают, что на сегодняшний момент в большинстве программ предметное содержание обучения дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции» является общим для студентов, обучающихся на разных профилях, и не отражает специфики их будущей профессиональной деятельности. Описывая понятие дискурса применительно к юриспруденции и определяя юридический дискурс как процесс и результат создания новых и интерпретации существующих юридических документов, авторы анализируют компоненты юридического дискурса и обосновывают таким образом необходимость выстраивания программы обучения студентов-юристов иностранному языку в зависимости от профиля обучения. Действительно, огромное разнообразие жанров юридического дискурса, наиболее употребительных в той или иной сфере, дискурсивных формул обуславливают целесообразность специализированной направленности обучения студентов-юристов иностранному языку. С учетом рассуждений, приведенных в работе, авторы предлагают возможную модель обучения, где каждый профиль характеризуется своей отличительной спецификой жанров юридического дискурса российского права. В своей работе П.В. Сысоев и В.В. Завьялов предлагают алгоритм обучения письменному юридическому дискурсу, который представляется достаточно эффектив-

ным, учитывая его практическую направленность и проблемную ориентированность. Авторы также приводят примеры упражнений и заданий, направленных на обучение структурной организации письменного правового документа. С точки зрения формирования навыков перевода в сфере профессиональной иноязычной коммуникации, на наш взгляд, модель обучения также должна включать задания на перевод текстов с иностранного языка на русский и с русского на иностранный, а также работу с параллельными прецедентными текстами с целью выявления наиболее употребительных конструкций, лучшего понимания функционирования юридических терминов в иностранном языке. Авторы аргументированно обосновали неприемлемость инвариантного обучения иностранному языку студентов-юристов и предложили авторский алгоритм, который может послужить основой создания новой модели формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов направления подготовки «юриспруденция».

Темы составляющей профессиональной компетенции юристов в своей работе «Роль технико-юридических аспектов формирования дефинитивных норм права в становлении профессиональной речевой культуры юристов» касается также доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор Нижегородской академии МВД России М.В. Баранова. Она говорит о важности высокой языковой культуры юристов в целом и знания правил дефинирования, формирующего языковую культуру специалиста, в частности.

Актуальность упомянутых выше работ, в которых говорится о необходимости совершенствования методики обучения студентов-юристов в целом и формирования их языковой компетенции в частности, не вызывает сомнения после ознакомления с докладом доктора юридических наук, профессора Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Т.В. Дерюгиной «Языковые средства введения в заблуждение, или мнимые дозволения в конструкциях гражданско-правовых договоров». Автор поднимает проблему грамотного использования русского языка в юридических текстах. Проанализировав множество примеров лингвистических дефектов, в том числе так называемых мнимых дозволений, Т.В. Дерюгина приходит к выводу, что подобные дефекты обусловлены рядом причин, связанных как с отсутствием языковой грамотности сторон, так и с несовершенством действующего законодательства с языковой точки зрения. Данный вывод приводит к пониманию необходимости

комплексного решения обозначенной проблемы путем повышения уровня грамотности и совершенствования юридической техники. Справедливым представляется мнение автора о том, что особое внимание при этом следует уделить унификации используемой терминологии.

Продолжает развитие темы мнимых условий договора доклад кандидата юридических наук, доцента, начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск) К.Г. Салтыкова «Открытая демонстрация текстового сообщения как способ введения в заблуждение потенциальных участников гражданско-правовых отношений». Проанализировав примеры способов введения в заблуждение и обмана при открытой демонстрации текстового сообщения, автор приходит к выводу о необходимости постановки и решения проблемы информативности текста сообщений, содержащих открытую информацию, адресованную потенциальным участникам гражданско-правовых отношений.

Близкие по содержанию вопросы затрагиваются в работе кандидата юридических наук, доцента, ведущего научного сотрудника Волгоградского государственного университета М.Ю. Козловой «Юридический язык публичной оферты, размещаемой в сети интернет». Автор анализирует структуру публичной оферты, подробно описывает содержание элементов подобного документа, значение которых крайне велико, так как принятие оферты стороной означает, что ею уяснен смысл договора и сторона связывает себя всеми его условиями. Тот факт, что авторы сразу нескольких докладов обращаются к вопросу адекватности представляемой в интернете информации о договоре, указывает на значимость этой проблемы в современной договорной практике.

Достаточно специфичному пласту юридического дискурса, а именно разговорному юридическому языку, посвящена работа кандидата юридических наук, доцента, ведущего научного сотрудника Волгоградского государственного университета Р.Г. Мельниченко. Автор предлагает использовать понятие «юридический говор», определяет его признаки и приводит результаты опроса в интернете, позволившего выявить примеры юридического говора, провести рефлексию данного явления, а также определить корпоративные и поколенческие аспекты, проявляющиеся в нем. Многие затронутые автором вопросы, связанные с языком обыденного общения юристов, рассматриваются в научной литературе в рамках

проблематики профессиональных жаргонизмов. В частности, в порядке обсуждения рассматриваемого доклада на конференции была представлена опубликованная ранее работа заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета М.Л. Давыдовой и заведующего кафедрой русского языка Волгоградского государственного технического университета Н.Ю. Филимоновой «Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия» [1], посвященная соотношению понятий «термин», «профессионализм», «профессиональный жаргон» применительно к юридическому дискурсу. Так, критерием разграничения профессионализмов и профессиональных жаргонизмов предлагается считать степень экспрессивности. Также авторы допускают определенную функциональную дифференциацию между рассматриваемыми языковыми явлениями. Кроме того, в данной работе обращается внимание на то, что не все негативные явления, встречающиеся в языке права, охватываются понятием «юридический жаргон», и проводится разграничение обычного и юридического жаргона, что также важно для понимания границ исследуемого понятия.

Особой сферой применения юридического языка является судебная деятельность, в рамках которой интерес представляют образцы как письменной, так и устной речи. К последней обращается в своей работе магистрант А.В. Квакина, исследовавшая особенности обвинительной речи прокурора в судопроизводстве РФ и США. Автор приходит к заключению, что языковые и лексические тактики составления и оглашения обвинительной речи прокурора как в российском, так и в американском уголовном судопроизводстве направлены на эффективное достижение целей судебного разбирательства, установление фактических обстоятельств уголовного дела, а также сближение с аудиторией посредством отождествления себя с простыми людьми. При общих тактических характеристиках прокуроры РФ и США, однако, используют разные стратегии, что наглядно демонстрируется примерами, приведенными в работе.

В докладе магистранта О.С. Иваненко «Толкование договоров в России и зарубежных странах» приводятся рассуждения относительно особенностей, сходств и различий в правилах судебного толкования договоров в РФ и США. Анализируя примеры заимствования зарубежных правил российской правовой системой, автор приходит к заключению, что в целом использование зару-

бежных доктрин в российском правоприменении носит позитивный характер.

Несовершенство использования юридического языка и правил юридической техники в конкретных документах устраняется с помощью проведения лингвистических экспертиз. Кроме того, подобные экспертизы могут быть направлены на установление истинного значения изложенного в документе, что нередко становится определяющим аргументом в судебном процессе. В рамках конференции представлены результаты исследования доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного университета, эксперта ГЛЭДИС (Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам) С.П. Кушнерука «Некоторые аспекты экспертного исследования как лингвотехнологического процесса», в котором ученый приводит рассуждения относительно роли эксперта в ходе судебно-следственных действий, касается некоторых сложностей в его работе, а также анализирует специфичные кейсы.

С несколько другой стороны проблему лингвистической экспертизы затрагивает аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина В.Ю. Самородов в докладе «Культура владения юридико-языковыми средствами в правотворчестве как показатель его качественного уровня (из опыта разработки некоторых положений гражданского законодательства)». Автор подробно исследует понятие культуры правотворчества, рассматривая в качестве ее критериев соблюдение технико-юридических требований, а в качестве одного из средств повышения ее уровня – лингвистическую экспертизу проектов нормативно-правовых актов.

В работе кандидата юридических наук, старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь) С.Н. Шабуневич «Некоторые проблемы правовой регламентации гражданско-правовой ответственности государства за нарушение конституционных прав и свобод личности в Республике Беларусь» намечены направления со-

вершенствования национальной правовой базы юридической ответственности государства за нарушение прав и свобод личности, гарантированных Конституцией. По мнению автора, работа в данном направлении будет способствовать более ответственному отношению государственных органов к обеспечению и защите конституционных прав и свобод граждан, а также повышению авторитета государства в целом. И хотя в статье речь идет, в первую очередь, о белорусских государственных органах, сделанные автором выводы и рекомендации вполне можно отнести и к России.

Обсуждение докладов в рамках Международной научно-практической интернет-конференции «Язык современного гражданского права: официальный – договорной – разговорный» позволило сосредоточиться на проблемах лингвистического характера, возникающих в современной юридической практике, в первую очередь, в рамках гражданско-правовых отношений, а также выявить некоторые тенденции развития и функционирования современного юридического языка. Появление новых терминов и существующие, в том числе, разговорные традиции словупотребления; проблемы, связанные с использованием интернета как площадки для заключения договоров; встречные тенденции к упрощению и усложнению языка юридических текстов; пути формирования языковой культуры юристов – все эти вопросы демонстрируют широкий спектр задач, которые необходимо решать совместными усилиями специалистов в области юриспруденции и наук о языке.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия // Юрислингвистика. 2013. № 2 (13). С. 16–23.

References (transliterated)

1. Davy`dova M.L., Filimonova N.Yu. Professional`ny`j yuridicheskij zhargon: problema opredeleniya granicz ponyatiya // Yurisingvistika. 2013. № 2 (13). S. 16–23.

Зарецкий А.М.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Цель: Исследовать источники финансирования политических партий Республики Казахстан, проанализировать структуру поступлений ведущей политической партии Казахстана «Нур Отан», провести сравнение особенностей ее финансирования с финансированием российских политических партий.

Методология: Использовались анализ, сравнительный, формально-юридический методы.

Результаты: В статье выделены основные источники финансирования партии «Нур Отан», установлена степень участия государственного финансирования партии, проведено сравнение с системой финансирования политических партий в Российской Федерации.

Новизна/оригинальность/ценность: Научная ценность статьи обусловлена тем, что, несмотря на наличие ряда публикаций, предметом исследования которых выступают политические партии Республики Казахстан, а также сравнительных исследований политических партий Казахстана и России, проблемы финансирования политических партий Казахстана в литературе пока не получили достаточного освещения.

Ключевые слова: политические партии, финансирование, Республика Казахстан, «Нур Отан», парламентаризм.

Zaretsky A.M.

SOURCES OF FINANCING OF POLITICAL PARTIES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Purpose: To study the sources of financing of political parties of the Republic of Kazakhstan, to analyze the revenue structure of the leading political party of Kazakhstan, «Nur Otan», to compare the features of its financing with the financing of Russian political parties.

Methodology: Analysis, comparative method, formal legal were used.

Results: The article identifies the main sources of funding for the Nur Ortan party and establishes the degree of participation of state funding for the party, compares it with the financing system of political parties in the Russian Federation.

Novelty/originality/value: The scientific value of the article is due to the fact that, despite the presence of a number of publications, the subject of research of which are political parties of the Republic of Kazakhstan, as well as comparative studies of political parties of Kazakhstan and Russia, the problems of financing political parties of Kazakhstan in the literature have not yet received sufficient coverage .

Keywords: political parties, financing, Republic of Kazakhstan, «Nur Otan», parliamentarism.

В современном мире политические партии превратились в неотъемлемый элемент политической системы большинства государств. Выражение интересов различных слоев населения, политическое образование и воспитание граждан, участие путем выборов в формировании органов государственной власти – далеко не полный перечень функций, выполняемых политическими партиями. От уровня развития в стране политических партий зависит состояние ее политической системы, степень ее демократичности. Политические партии, выступая своеобразным трамплином для граждан, желающих посвятить себя политике, осуществляют рекрутирование политических кадров [9, с. 5]. Но для ведения полноценной деятельности партиям необходимы стабильные источники дохода [7, с. 130]. От объема финансирования в значительной мере зависит успешность деятельности партий. Одной из главных причин увеличения объема финансирования выступает внедрение новых технологий и использование технических возможностей СМИ [17, с. 97].

В свете последних событий, связанных с уходом с поста Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, политическое будущее данной страны, тесно связанной с Россией экономически, политически и духовно, вызывает значительный интерес. Н. Назарбаев, руководивший Казахстаном почти три десятилетия, после ухода в отставку сохранил за собой ряд важных постов, в том числе пост председателя крупнейшей в стране политической партии «Нур Отан». С учетом значимости фигуры Н. Назарбаева как политического лидера можно предположить, что он сохранит значительное, а может, и решающее влияние на политический курс Казахстана, но уже не в качестве Президента, а в качестве партийного лидера. А это приведет к возрастанию роли данной политической партии в политической системе Казахстана.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на наличие ряда публикаций, предметом исследования которых выступают политические партии Республики Казахстан [17, с. 37–52; 5, с. 66–68; 6, с. 96–98; 14, с. 27–32; 12, с. 96–98; 13,

с. 143–150; 15, с. 88–91; 19, с. 29–32; 20, с. 25–29; 21, с. 47–63; 22, с. 44–51; 23, с. 136–140; 24, с. 12–17], а также сравнительных исследований политических партий Казахстана и России [16, с. 179–187; 25, с. 58–61], проблемы финансирования политических партий Казахстана в литературе пока не получили достаточного освещения. Этим обстоятельством обусловлен выбор цели исследования – рассмотрение источников финансирования политических партий Республики Казахстан.

Партийные системы РФ и РК имеют ряд общих черт. Наибольшая схожесть проявляется в том, что в обоих государствах сложилась многопартийная система с доминирующей партией – «Единой Россией» в России и Нур Отан в Казахстане [10, с. 104]. В Республике Казахстан зарегистрировано 7 политических партий, из которых 6 принимали участие в последних выборах депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан 20 марта 2016 г. Подавляющее большинство (82,20 %) получила Нур Отан. «Демократическая партия Казахстана «АК ЖОЛ» получила на данных выборах 7,18 %, «Коммунистическая Народная партия Казахстана» – 7,14 %, «Народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» – 2,01 %, «Общенациональная социал-демократическая партия» – 1,18 %, «Политическая Партия «Бирлик» – 0,29 %. Демократическая партия Казахстана «АЗАТ» участие в выборах не принимала [28, с. 162]. 98 депутатов нижней палаты парламента Мажилис избираются по пропорциональной системе. Избирательный барьер составляет 7 %. 9 депутатов избираются от Ассамблеи народа Казахстана. По итогам выборов 2016 г. его преодолели три политические партии: «Нур Отан», получившая 84 депутата, «Ак жол» и КНПК – по 7 [26].

Средства политических партий формируются из вступительных и членских взносов, пожертвований граждан и негосударственных организаций Республики Казахстан, доходов от предпринимательской деятельности и бюджетных средств [1, с. 153]. Не допускаются пожертвования политической партии и ее структурным подразделениям от иностранных государств, иностранных юридических лиц и международных организаций, иностранцев и лиц без гражданства, юридических лиц с иностранным участием, государственных органов и государственных организаций, религиозных объединений и благотворительных организаций, анонимных пожертвователей, а также от граждан или негосударственных организаций Республики Казахстан, получающих гранты и иные средства от международных или иностран-

ных неправительственных организаций [1]. Таким образом, перечень источников финансирования и ограничений в отношении финансирования политических партий существенно не отличается от установленных в отношении политических партий российским законодательством. Законодательство как России, так и Казахстана, предусматривает прямое государственное финансирование политических партий [18, с. 70–90].

Бюджетные средства ежегодно выделяются политическим партиям, представленным в Мажилисе Парламента Республики Казахстан по итогам последних выборов депутатов Мажилиса [1]. Таким образом, исходя из того, что при пропорциональных выборах минимальная доля голосов избирателей, необходимых для прохождения в Мажилис, должна составлять 7 %, требования, предъявляемые в Казахстане для доступа к государственному финансированию, существенно выше, чем в нашей стране. В России для получения средств из федерального бюджета политическая партия не обязательно должна быть допущена к распределению мест по итогам выборов в Государственную Думу – право на государственное финансирование предоставляется политическим партиям, получившим не менее 3 % голосов избирателей на данных выборах по федеральному избирательному округу. Также в РФ право на государственное финансирование возникает и в случае, если не менее 3 % голосов получит кандидат, выдвинутый политической партией на выборах Президента РФ. В Казахстане же доступ политических партий к государственному финансированию по итогам президентских выборов не предусмотрен.

Размер бюджетных средств, выделяемых на финансирование деятельности политических партий Казахстана, определяется в законе о республиканском бюджете. Порядок финансирования политических партий определяется Центральной избирательной комиссией Республики Казахстан [1]. Таким образом, в отличие от РФ порядок финансирования политических партий Республики Казахстан регламентируется преимущественно на основании подзаконного акта ЦИК РК. Таковыми являются Правила финансирования политических партий [2].

Бюджетные средства распределяются между политическими партиями пропорционально полученным голосам избирателей [3]. Эти средства партии используют на реализацию уставных целей с учетом установленных ограничений. Так, политические партии не вправе использовать данные средства на проведение предвыбор-

ной агитации, в том числе оплату выступлений в средствах массовой информации, проведение публичных предвыборных мероприятий, выпуск агитационных материалов, транспортные расходы кандидатов, а также на осуществление предпринимательской деятельности, благотворительность, не вправе распределять средства между членами партии [3].

За 2017 г. общая сумма поступлений «Нур Отан» составила 10 767 318 тыс. тенге (1 рубль равен 5,9 тенге). Из них финансирование из республиканского бюджета составило 4 537 455 тыс. тенге, партийные взносы – 1 976 143 тыс. тенге, спонсорская и благотворительная помощь – 106 954 тыс. тенге, вознаграждение по депозитам – 3 318 953 тыс. тенге, а доходы от коммерческой деятельности – 827 813 тыс. тенге [27; 18, с. 76]. Исходя из этих сумм, доля государственного финансирования составила 42,14 % от всех поступлений, партийных взносов – 18,35 %, пожертвований – 0,99 %, поступлений по депозитам – 30,83 %, предпринимательской деятельности – 7,69 %. Таким образом, у ведущей политической партии Казахстана доля доходов от предпринимательской деятельности существенно выше, чем у «Единой России» и иных крупных российских партий. Несмотря на то, что государственное финансирование является наиболее значимым источником денежных средств, его доля в структуре поступлений Нур Отан все же меньше по сравнению с четырьмя ведущими российскими политическими партиями, представленными в Государственной Думе, у которых данная доля в структуре поступлений в 2017 г. варьировалась от 73 % у «Справедливой России» до 96,7 % у ЛДПР [11, с. 57]. Существенно выше у «Нур Отан» по сравнению с российскими парламентскими партиями доля доходов от предпринимательской деятельности, поступлений от депозитов, от партийных взносов, но значительно ниже доля пожертвований [8, с. 171, 177, 190–191].

Таким образом, установленный законодательством Республики Казахстан перечень источников финансирования политических партий существенно не отличается от аналогичного перечня, предусмотренного российским законодательством. Как и в РФ, в Казахстане существует государственное финансирование деятельности политических партий, но условия доступа к нему более жесткие по сравнению с Россией. Право на государственное финансирование имеют лишь партии, представленные в Мажилесе – нижней палате Парламента Казахстана, избираемой по пропорциональной избирательной системе с

семипроцентным барьером. С учетом того, что средства, выделяемые партиям из государственного бюджета, распределяются между ними пропорционально полученным голосам, значительную долю этих средств получает крупнейшая в стране партия «Нур Отан». У данной партии государственное финансирование является самым значимым, но его доля в структуре всех поступлений составляет менее половины. Таким образом, доминирующая партия Казахстана менее зависима от государственного финансирования по сравнению с российскими партиями, а структура ее поступлений более дифференцирована.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Республики Казахстан от 15 июля 2002 года № 344 «О политических партиях» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2002. № 16. Ст. 153.
2. Постановление Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан от 3 сентября 2009 года № 166/314. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Казахстан 19 октября 2009 года № 5825 // Официальная газета. 2009. 14 ноября. № 46 (464).
3. Правила финансирования политических партий. Утверждены постановлением Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан от 3 сентября 2009 года № 166/314.
4. Байпаков М., Бижанов А., Кадыржанов Р. Партийная система как элемент политической модернизации Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 3. С. 37–52.
5. Великая О.В. Партийная система современного Казахстана: политико-методологический анализ // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2012. № 12. С. 66–68.
6. Великая О.В. Политическая партия «Нур Отан» как ведущая партия в многопартийной системе Казахстана // News of Science and Education. 2017. Т. 3. № 8. С. 96–98.
7. Долгих Ф.И. Правовое регулирование деятельности политических партий – теория и практика: монография. М.: Маркет ДС, 2010.
8. Долгих Ф.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий России: монография. М.: Юрист, 2017.
9. Долгих Ф.И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России: монография. М.: Юрист, 2016.
10. Долгих Ф.И. Правовое регулирование создания политических партий в России и Казахстане и его влияние на формирование партийных систем // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 92–106.
11. Долгих Ф.И. Прямое государственное финансирование текущей деятельности политических партий в России в 2004–2017 годах // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 49–61.
12. Зарецкий А.М. Влияние кланово-жузовых отношений на политическую систему Республики Казах-

стан // Вестник Евразийской академии административных наук. 2016. № 4 (37). С. 96–98.

13. Зарецкий А.М. Политические партии Казахстана – история и современность // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. 2015. № 11–12. С. 143–150.

14. Жакаева Л.С. О пропорциональной системе формирования Мажилиса Парламента Казахстана // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 7. С. 27–32.

15. Исраилова С. Парламентские выборы и усиление политических партий Республики Казахстан // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 10. С. 88–91.

16. Казбекова М.А. Электоральная конкуренция партий власти с партиями оппозиции в России и Казахстане (сравнительный анализ) // Социология власти. 2009. № 5. С. 179–187.

17. Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации: монография. М.: Галлея Принт, 2017.

18. Какителашвили М.М. Проблемы государственного и частного финансирования политических партий в государствах – участниках СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Юриспруденция. 2018. № 4. С. 70–90.

19. Калмаганбетова Д.Б., Амандыкова С.К. Правомочия политических партий в избирательном процессе Республики Казахстан // Актуальные проблемы современности. 2018. № 3. С. 29–32.

20. Калмаганбетова Д.Б., Амандыкова С.К. Формы правового закрепления института политических партий в законодательстве Республики Казахстан // Актуальные проблемы современности. 2018. № 3. С. 25–29.

21. Кармазина Л. Институционализация партийной системы Республики Казахстан: ретроспектива и современные тенденции // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5. С. 47–63.

22. Карыбаева М. Развитие системы многопартийности в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2. С. 44–51.

23. Мицкая Е.В. Проблемы реализации права граждан Республики Казахстан на объединение в политические партии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 136–140.

24. Сатылганов Е.Т. Формирование партийной системы как важнейший аспект развития права на общественные объединения в Казахстане // Новый юридический вестник. 2017. № 1. С. 12–17.

25. Фокина В.Э. Требование к численности политических партий как элемент их внешней институционализации (сравнительно-правовой анализ законодательства России, Беларуси и Казахстана) // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2015. № 1 (16).

26. Мажилис Парламента Республики Казахстан. Официальный сайт. История Мажилиса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/history?id=history>.

27. Общественное объединение «Партия Нур Отан». Отчет о доходах и расходах за 2017 год. Утвержден Постановлением Бюро Политического совета партии

«Нур Отан» от 25 июля 2018 г. № 024 [Электронный ресурс]. URL: <http://nurotan.kz/financial-report#>.

28. Сведения о политических партиях, зарегистрированных в Министерстве юстиции Республики Казахстан // Информационный бюллетень Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан. Астана. 2018. № 1 (28). С. 162.

References (transliterated)

1. Zakon Respubliki Kazaxstan ot 15 iyulya 2002 goda № 344 «O politicheskix partiyax» // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazaxstan. 2002. № 16. St. 153.

2. Postanovlenie Central'noj izbiratel'noj komissii Respubliki Kazaxstan ot 3 sentyabrya 2009 goda № 166/314. Zaregistrovano v Ministerstve yusticii Respubliki Kazaxstan 19 oktyabrya 2009 goda № 5825 // Oficial'naya gazeta. 2009. 14 noyabrya. № 46 (464).

3. Pravila finansirovaniya politicheskix partij. Utverzhdeny` postanovleniem Central'noj izbiratel'noj komissii Respubliki Kazaxstan ot 3 sentyabrya 2009 goda № 166/314.

4. Bajpakov M., Bizhanov A., Kadyr'zhanov R. Partijnaya sistema kak e`lement politicheskoy modernizatsii Kazaxstana // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2018. T. 21. № 3. S. 37–52.

5. Velikaya O.V. Partijnaya sistema sovremennogo Kazaxstana: politiko-metodologicheskij analiz // Evrazijskij zhurnal regional'ny`x i politicheskix issledovanij. 2012. № 12. S. 66–68.

6. Velikaya O.V. Politicheskaya partiya «Nur Otan» kak vedushhaya partiya v mnogopartijnoj sisteme Kazaxstana // News of Science and Education. 2017. T. 3. № 8. S. 96–98.

7. Dolgix F.I. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti politicheskix partij – teoriya i praktika: monografiya. M.: Market DS, 2010.

8. Dolgix F.I. Pravovoe regulirovanie finansirovaniya tekushhej deyatel'nosti politicheskix partij Rossii: monografiya. M.: Yurist, 2017.

9. Dolgix F.I. Pravovy`e aspekty` sozdaniya, gosudarstvennoj registratsii i likvidatsii politicheskix partij v Rossii: monografiya. M.: Yurist, 2016.

10. Dolgix F.I. Pravovoe regulirovanie sozdaniya politicheskix partij v Rossii i Kazaxstane i ego vliyanie na formirovanie partijny`x sistem // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2016. № 4. S. 92–106.

11. Dolgix F.I. Pryamoe gosudarstvennoe finansirovanie tekushhej deyatel'nosti politicheskix partij v Rossii v 2004–2017 godax // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2018. № 6. S. 49–61.

12. Zareckij A.M. Vliyanie klanovo-zhuzovy`x otnoshenij na politicheskuyu sistemu Respubliki Kazaxstan // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativny`x nauk. 2016. № 4 (37). S. 96–98.

13. Zareckij A.M. Politicheskie partii Kazaxstana – istoriya i sovremennost` // Sovremennaya nauka: aktual'ny`e problemy` teorii i praktiki. E`konomika i pravo. 2015. № 11–12. S. 143–150.

14. Zhakaeva L.S. O proporcional'noj sisteme formirovaniya Mazhilisa Parlamenta Kazaxstana // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 7. S. 27–32.

15. Israilova S. Parlamentskie vy'bory` i usilenie politicheskix partij Respubliki Kazaxstan // Vestnik Ky`r-gy`zsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. 2016. T. 16. № 10. S. 88–91.

16. Kazbekova M.A. E`lektoral`naya konkurenciya partij vlasti s partiyami oppozicii v Rossii i Kazaxstane (sravnitel`ny`j analiz) // Sociologiya vlasti. 2009. № 5. S. 179–187.

17. Kakitelashvili M.M. Konstitucionno-pravovy`e problemy` finansirovaniya politicheskix partij i izbiratel`ny`x kampanij v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Galleya Print, 2017.

18. Kakitelashvili M.M. Problemy` gosudarstvennogo i chastnogo finansirovaniya politicheskix partij v gosudarstvah – uchastnikax SNG // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Yurisprudenciya. 2018. № 4. S. 70–90.

19. Kalmaganbetova D.B., Amandy`kova S.K. Pravomochiya politicheskix partij v izbiratel`nom processe Respubliki Kazaxstan // Aktual`ny`e problemy` sovremennosti. 2018. № 3. S. 29–32.

20. Kalmaganbetova D.B., Amandy`kova S.K. Formy` pravovogo zakrepleniya instituta politicheskix partij v zakonodatel`stve Respubliki Kazaxstan // Aktual`ny`e problemy` sovremennosti. 2018. № 3. S. 25–29.

21. Karmazina L. Institucionalizaciya partijnoj sistemy` Respubliki Kazaxstan: retrospektiva i sovremennyy`e tendencii // Central`naya Aziya i Kavkaz. 2008. № 5. S. 47–63.

22. Kary`baeva M. Razvitie sistemy` mnogopartijnosti v stranax Central`noj Azii // Central`naya Aziya i Kavkaz. 2005. № 2. S. 44–51.

23. Miczkaya E.V. Problemy` realizacii prava grazhdan Respubliki Kazaxstan na ob`edinenie v politicheskie partii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 302. S. 136–140.

24. Saty`lganov E.T. Formirovanie partijnoj sistemy` kak vazhnejshij aspekt razvitiya prava na obshhestvenny`e ob`edineniya v Kazaxstane // Novy`j yuridicheskij vestnik. 2017. № 1. S. 12–17.

25. Fokina V.E`. Trebovanie k chislennosti politicheskix partij kak e`lement ix vneshnej institucionalizacii (sravnitel`no-pravovoj analiz zakonodatel`stva Rossii, Belarusi i Kazaxstana) // Izvestiya Akademii upravleniya: teoriya, strategii, innovacii. 2015. № 1 (16).

26. Mazhilis Parlamenta Respubliki Kazaxstan. Oficial`ny`j sajt. Istoriya Mazhilisa [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/history?id=history>.

27. Obshhestvennoe ob`edinenie «Partiya Nur Otan». Otchet o doxodax i rasxodax za 2017 god. Utverzhden Postanovleniem Byuro Politicheskogo soveta partii «Nur Otan» ot 25 iyulya 2018 g. № 024 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://nurotan.kz/financial-report#>.

28. Svedeniya o politicheskix partiyax, zaregistriruvanny`x v Ministerstve yusticii Respubliki Kazaxstan // Informacionny`j byulleten` Central`noj izbiratel`noj komissii Respubliki Kazaxstan. Astana. 2018. № 1 (28). S. 162.

LAW FIRM «RUSSIA HOUSE INTERNATIONAL LAWYERS»

«Russia House» is legal and has a wealth of experience in providing legal services in Russia and Asia. The offices of the «Russia House,» located in the main financial centers of Russia, Europe and Asia, employ more than 100 lawyers.

The office of the company «Russia House» was opened in Moscow in 2005. The Moscow office employs 15 lawyers, including 4 partners, 2 of whom are citizens of the Russian Federation. In addition to Russian specialists, lawyers from Italy, Luxembourg, Switzerland, China, Japan, South Korea, Saudi Arabia, and the UAE work in the Moscow office. Specialists from the Moscow office have unique experience in all areas of financial, corporate,

administrative, tax and international private law in Russia, Italy, Luxembourg, China, South Korea, and Japan. For more than 10 years, the firm has had a special department dealing with litigation and arbitration.

One of the main advantages of the «Russia House» are the rich experience of concluding commercial transactions in the Russian Federation and the deep understanding of the Russian legal system, which are supplemented by the extensive international experience of the firm. «Russia House» is one of the few law firms that provides the whole range of legal services to clients.

Russia House has extensive experience advising on all issues of all branches of law.

Law Firm «RUSSIA HOUSE International Lawyers»

Tel. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50

mt@rhlawi.com www.rhlawi.ru www.rhlawi.com

General Director Evgeny Stasyuk

Чашин А.Н.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ – СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ С.В. АБРАМОВА, Н.И. ЗУЕВА

Chashin A.N.

REVIEW TO MONOGRAPHY «MAGADAN REGION – SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION» UNDER THE EDITION OF S.V. ABRAMOV, N.I. ZUYEV

Рецензируемая монография [1] посвящена раскрытию конституционно-правового статуса одного из самых молодых субъектов РФ – Магаданской области.

Первая глава содержит ретроспективный материал, охватывающий четырехсотлетний период развития затронутых территорий. История развития Колымских территорий дана в системной связи с историческим положением Российского государства в целом и Дальневосточного региона в частности. Отдельно рассмотрены дореволюционный период, Дальневосточная Республика, в дальнейшем вошедшая в РСФСР в статусе Дальневосточной области, подробно описаны процессы районирования и радикального административно-территориального реформирования территории вплоть до образования Магаданской области в 1953 г.

Вторая глава монографии раскрывает Магаданскую область как государственное образование в составе РФ. Здесь подвергаются серьезному научному анализу конституционные основы статуса субъекта РФ, в ходе которого исследуются единый и неделимый суверенитет РФ; единство системы государственной власти в РФ; равноправие субъектов РФ; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов. Далее автор переходит к поэлементному рассмотрению государственности Магаданской области. В ходе этого исследования затрагиваются такие элементы, как территория области, собственное законодательство, собственная система органов государственной власти, предметы ведения и полномочия области, экономические основы области, символы области, наименование и административный центр области.

В третьей главе нить повествования вновь возвращается к истории становления и развития региона. Автор главы принимает эстафету повествования от автора первой главы. Третья глава содержит такие параграфы, как «Становление Магаданской области как субъекта Российской Федерации (1991–1993 гг.)»; «Первый Устав Магаданской области: история создания, структура, содержание, эволюция»; «Краткая характеристика второго Устава Магаданской области».

Четвертая глава содержит материал об областном представительном-законодательном органе, а пятая – об органах исполнительной власти: губернаторе и правительстве Магаданской области.

В шестой главе подробно излагаются особенности местного самоуправления на территории Магаданской области. Здесь анализируются изменения территориальной принадлежности районов, входящих в состав нынешней Магаданской области, происходившие в советский период российской истории. Далее дается краткая характеристика всех восьми районов, входящих в состав Магаданской области, и ее административного центра – города Магадан. После этого раскрываются эволюция и содержание понятия местного самоуправления в российском законодательстве, с учетом чего рассматриваются правовые, территориальные и организационные основы местного самоуправления в Магаданской области.

Рецензент выражает единственное замечание к авторскому коллективу монографии, который при рассмотрении системы государственной власти в Магаданской области не раскрыл особенности организации судебной власти в этом субъекте РФ. Носителями судебной власти Магаданской области являются мировые судьи судебных районов области, причем эта ветвь государственной власти в условиях Колымского региона не лишена серьезных проблем, требующих пристального внимания научного сообщества.

Вместе с тем выявленный недостаток не умаляет достоинств рассмотренной монографии, представляющей собой серьезный научный труд и безусловно являющейся ценностью как для научного сообщества, так и для широкого круга читателей.

Пристатейный библиографический список

1. Магаданская область – субъект Российской Федерации» / отв. ред. С.В. Абрамов; науч. ред. Н.И. Зувев. М.: Пента, 2019.

References (transliterated)

1. Magadanskaya oblast` – sub`ekt Rossijskoj Federacii» / отв. red. S.V. Abramov; nauch. red. N.I. Zuev. M.: Penta, 2019.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.

2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес: ragulin88@yandex.ru, eurAsian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.

3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или вернуть его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.

4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.

5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.

6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы (в круглых скобках).

7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.

8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.

9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.

11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.

15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. Редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АЛЬ-МАЗМИ Нура – адвокат, Вице - президент Русско-азиатской ассоциации юристов, 58524, Объединенные Арабские Эмираты, Дубаи, 1702, Оберой центр, Аль А` Амаль стрит Бизнес Бэй.

БАБИЧ Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

БЕССАРАБОВА Светлана Юрьевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса факультета научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

ГАСЫМОВА Сафура Ариф кызы – аспирант кафедры международного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1.

ГОЛЬЦОВ Андрей Тамазович – адвокат, кандидат юридических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.

ДАВЫДОВА Марина Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100.

ЖЕЛУДКОВ Михаил Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции Юридического института Тамбовского государственного технического университета, 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

ЖИДКОВА Таисия Константиновна – преподаватель юридических дисциплин Пятигорского торгово-экономического техникума, 357500, Российская Федерация, г. Пятигорск, ул. Университетская, д. 41.

ЖИЛЬЦОВ Мирон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

ЗАРЕЦКИЙ Андрей Михайлович – научный консультант Нижегородской областной общественной организации общественного контроля, 607060, Российская Федерация, Нижегородская обл., г. Выкса, ул. Слепнева, д. 28.

ЗАЦЕПИН Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Уральского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, председатель отделения Российской криминологической ассоциации, 620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская, д. 78 А.

ЗАЦЕПИН Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества Уральского государственного юридического университета, вице-президент Российской криминологической ассоциации, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

КАЗАЧЕНОК Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100.

КОЗЛОВА Мария Вячеславовна – соискатель Российской государственной академии интеллектуальной собственности, 117279, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А.

КУЛИКОВ Владимир Юрьевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

МАШИННИКОВА Наталья Олеговна – адвокат, аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопас-

ности Удмуртского государственного университета, 426057, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Красноармейская, д. 168, оф. 8.

ПЕТУХОВ Сергей Владимирович – магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 127015, Российская Федерация, г. Москва, ул. Бутырская, д. 79.

РАГУЛИН Андрей Викторович – адвокат, доктор юридических наук, доцент, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 1050120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полудярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

СТЕПАНОВ Константин Владимирович – адвокат, кандидат юридических наук, председатель Ростовской областной коллегии адвокатов «Советник», заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета, 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

ТАФИНЦЕВ Максим Владимирович – адвокат, Президент Русско-азиатской ассоциации юристов, владелец юридической фирмы «Русский дом международные юристы», член Глобальной ассоциации китайскоговорящих адвокатов (КНР), арбитр Международного азиатского арбитражного центра (Малайзия), арбитр Венского международного арбитражного центра, эксперт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 119002, Российская Федерация, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43.

ТАТЬЯНИНА Лариса Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, 426000, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.

ТЕРЕХОВА Валентина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета, 125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

УРДА Маргарита Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.

ФИЛИМОНОВА Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Волгоградского государственного технического университета, 400005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, д. 28.

ФИЛИПОВА Ольга Владимировна – нотариус, кандидат юридических наук, доцент, доцент Уральского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, член Российской криминологической ассоциации, 620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 7.

ЧАШИН Александр Николаевич – адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Северо-восточного государственного университета, председатель коллегии адвокатов Магаданской области «Дальневосточная», 685000, Российская Федерация, г. Магадан, пр-т Ленина, д. 3, оф. 448.

ЧЕМЕТЕВА Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории и практики перевода, магистрант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100.

ШЕВЕЛЕВА Светлана Викторовна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94.

ЯРОШИК Олег Дмитриевич – адвокат, заведующий филиалом № 30 Московской областной коллегии адвокатов, член Союза писателей России, 149148, Российская Федерация, г. Москва, Кадомцева проезд, д. 15.

About the authors

AL MAAZMI Noura – Advocate, Vice - President of the Russian Asian Legal Association, 58524, United Arab Emirates, Dubai, 1702, The Oberoi Center, AL A' Amal St. Business Bay.

BABICH Dmitriy Vladimirovich – Post-graduate student of the Department of Criminal law, Criminal process and Criminalistics of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6.

BESSARABOVA Svetlana Yurievna – Post-graduate student of the Scientific and Pedagogical Personnel Training Department of the Academy of the Federal Penal Correction Service of the Russian Federation, 390000, Russian Federation, Ryazan, Sennaya str., 1.

CHASHIN Alexander Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of North-Eastern State University, Chairman of the «Far Eastern» Bar of Magadan Region, 685000, Russian Federation, Magadan, Lenin avenue, 3, Office 448.

CHEMETEVA Yuliya Vladimirovna – Post-graduate student of the Department of Translation Theory and Practice, Master Student of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University, 400062, Russian Federation, Volgograd, University avenue, 100.

DAVYDOVA Marina Leonidovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University, 400062, Russian Federation, Volgograd, University avenue, 100.

FILIMONOVA Natalia Yuryevna – Candidate of Juridical sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language of the Volgograd State Technical University, 400005, Russian Federation, Volgograd, Lenin avenue, 28.

FILIPPOVA Olga Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Notary public of Ekaterinburg, Associate Professor of the Ural institute of the All-Russian State University of Justice, member of the Russian Criminological Association, 620014, Russian Federation, Ekaterinburg, str. 8 Mart, 7.

GASYMOVA Safura Arif kyzy – Post-graduate student of the Department of International Law of the Moscow State University, 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory, 1.

GOLTSOV Andrey Tamazovich – Advocate, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Russian Federation, Moscow, Vernadsky Prospekt, 82, b. 1.

YAROSHIK Oleg Dmitrievich – Advocate, Head of the branch № 30 of the Moscow oblast Bar Association of the Moscow Oblast Chamber of Advocates, member of the Writer's Union of Russia, 149148, Russian Federation, Moscow, Kadomtseva str., 15.

KAZACHENOK Svetlana Yuryevna – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law of the Volgograd State University, 400066, Russian Federation, Volgograd, University avenue, 100.

KOZLOVA Mariia Viacheslavovna – Applicant of the Russian State Academy of Intellectual Property, 117279, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklai str., 55 A.

KULIKOV Vladimir Yurjevich – Post-graduate student of the Civil law and Process Department of the Institute of State and Law of the Tyumen State University, 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6.

MASHINNIKOVA Natalia Olegovna – Advocate, post-graduate student of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security of the Udmurt State University, 426057, Russian Federation, Izhevsk, Krasnoarmeyskaya str., 168, office 8.

PETUKHOV Sergey Vladimirovich – Student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 127015, Russian Federation, Moscow, Butyrskaya str., 79.

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Vice President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the V.Y. Kikot

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 105120, Russian Federation, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, building 1.

SHEVELEVA Svetlana Viktorovna – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, 305040, Russian Federation, Kursk, 50 let Oktyabrya str., 94.

STEPANOV Konstantin Vladimirovich – Advocate, Candidate of Juridical Sciences, Chairman of «Sovetnik» Attorneys-at-law, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Faculty of the Southern Federal University, 344002, Russian Federation, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Advocate, President of the Russian Asian Legal Association, owner of the «Russia House International Lawyers» law firm, member of the Global Association of Chinese-Speaking Lawyers (China), arbitrator of the International Asian Arbitration Center (Malaysia), arbitrator of the Vienna International Arbitration Center, expert of the State Duma of the Russian Federation Federal Assembly, 119002, Russian Federation, Moscow, Sivtsev Vrazhek lane, 43.

TATYANINA Larisa Gennadievna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security of the Udmurt State University, 426000, Russian Federation, Izhevsk, str. Universitetskaya, 1, campus build. 4.

TEREKHOVA Valentina Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial law of the Russian state humanitarian University, 125993, Russian Federation, Moscow, Miuskaya square, 6.

URDA Margarita Nicolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of the Criminal Law of the Southwest State University, 305040, Russian Federation, Kursk, 50 let Oktyabrya str., 94.

ZARETSKY Andrei Mikhailovich – Scientific consultant of Nizhny Novgorod Regional Public Organization of Public Control, 607060, Russian Federation, Vyksa, Slepneva str., 28.

ZATSEPIN Alexander Mihajlovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Criminal Law Department of the Ural institute of the All-Russian State University of Justice, Associate Professor of the Criminal Law Department of the Ural State Juridical University, Head of the Department of Russian Criminological association, 620014, Russian Federation, Ekaterinburg, Krasnoarmeyskaya str., 78 A.

ZATSEPIN Mikhail Nikolaevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Scientific Research and International Collaboration of the Ural State Juridical University, Vice-President of the Russian Criminological association, 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21.

ZHELUDKOV Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Law Institute of the Tambov State Technical University, 392000, Russian Federation, Tambov, Internatsionalnaya str., 33.

ZHIDKOVA Taisiya Konstantinovna – Teacher of juridical disciplines of the Pyatigorsk Trade and Economic Technical School, 357500, Russian Federation, Pyatigorsk, Universitetskaya str., 41.

ZHILTSOV Miron Aleksandrovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Juridical University, 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21.